

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

КОНФЕРЕНЦИЯ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ КОНТАКТЫ
В НАСТОЯЩЕМ И ПРОШЛОМ

11 – 15 декабря 1978 г.

Предварительные материалы

Москва 1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

КОНФЕРЕНЦИЯ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ КОНТАКТЫ
В НАСТОЯЩЕМ И ПРОШЛОМ

11 – 15 декабря 1978 г.

Предварительные материалы

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы

Москва 1978

Редакционная коллегия:

Вяч. В. Иванов, Л. Г. Невская,
Т. М. Судник, В. Н. Топоров

© ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР, 1978 г.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

(Категории времени и пространства
и балтийское языкознание)

Результаты ряда исследований в области балтийского языкознания за последние годы (балто-славянская проблематика, гидронимия балтийского типа, балтийские заимствования в славянских языках и славянские заимствования в балтийских) позволяют, кажется, сформулировать нетривиальный тезис о зависимости самого понятия "балтийский" (прежде всего в том, что касается его внутреннего содержания) от тех пространственно-временных координат, которыми описывается это понятие. Если говорить в общем о тех изменениях в понимании "балтийскости" (балтийское состояние, балтийский тип, балтийская модель и т.п.), которые лежат сегодня на поверхности, то они рельефнее всего выступают в связи с резким нарушением тех временных и пространственных рамок, которые по традиции определяли понятие "балтийские" языки в пределах сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. В настоящее время привычное понимание "балтийского" типа лишь с большим трудом (и соответственно с чувством эстетической в широком смысле неудовлетворенности) может быть соотнесено с вырисовывающимися новыми временными и пространственными характеристиками этого "балтийского" типа. Причем это фатально увеличивающееся неблагоприятие в увязке традиционной картины с новыми фактами и новыми интерпретациями открыло два фронта: со стороны общеиндоевропейской древности и со стороны хронологически более поздних (чем балтийский) типов, прежде всего — славянского.

В индоевропеистике и балтистике явно или прикровенно

всегда исходили из того, что между общепалтийским (или даже просто неким архаичным вариантом балтийского типа) и общеиндоевропейским существовал определенный временной разрыв, который должен быть заполнен каким-то вполне определенным (хотя и никогда не выявленным) лингвистическим содержанием. Предполагалось, что будущие исследования заполнят этот разрыв. Эта надежда продолжает теплиться (по крайней мере, в отношении определенных фрагментов языковой системы). Тем не менее, пока этот разрыв заполняется более чем слабо. Зато, когда устанавливаются новые факты (напр., грамматические), которые можно квалифицировать как наиболее архаичные для балтийского состояния, они обычно сразу же ложатся в то, что можно назвать "индоевропейским праязыковым горизонтом". И обратно: многие индоевропейские реконструкции, предложенные в последнее время и оформленные именно как реконструкции, реально присутствуют в балтийских языках, хотя и представлены обычно в более позднем варианте морфонологического кода. Из сказанного могут быть сделаны два лишь по внешности противоположных вывода: 1/ "балтийское" языковое время растягивается за пределы общепалтийского по направлению к более древнему состоянию и за пределы современных балтийских языков по направлению к хронологически и типологически более поздним языковым формациям (ср. славянские языки как "дети" балтийских, т.е. как принципиально иная, более продвинутая во времени генерация, а не просто как "немного менее древние языки"); 2/ "балтийское" языковое время спресовывается, стремится к нулю: ср. возможность понимания современных балтийских языков — в определенных фрагментах — не только как образа (трансформации) индоевропейского древнего типа, но в некоем роде как сам этот тип. Парадоксальность балтийского в известном смысле сродни эдиповой ситуации. Смирненно принимая на себя роль сына по отношению к отцу (индоевропейскому праязыку), он во многом равноценен ему, равновременен в лингвистическом измерении (т.е. речь идет о ситуации: отец в маске сына). Вместе с тем, выступая в роли брата (по отношению к славянскому), балтийский, являясь представителем более архаичной генерации, фактически реализует другую (чем

принимается языковедами/ схему: "отец" — "сын". Иначе говоря, в обоих случаях балтийский занижает свой возраст: он существует как бы наряду то со своим предком (индоевропейский), то со своим потомком (славянский); последняя ситуация, парадоксальная среди живых языков (с ней можно сравнить в качестве мысленного опыта положение, при котором наряду с современным русским языком существовал бы и его предок по прямой линии, сохранивший индоевропейский набор флексий /т.е. волк и *vilkos, волка и *vilkom, о волке и *vilkoi и т.п.), заставляет совершенно по-новому взглянуть на всю проблему заимствований в балто-славянском языкознании. Возвращаясь к указанной "протеичности" балтийского в трактовке отношений языкового преемства, уместно подчеркнуть еще две особенности, обычно не попадавшие в поле зрения исследователей или же истолковываемые ими иным образом, а именно: 1/ при естественном развитии у балтийского еще будут свои потомки, которые могут более или менее существенно отличаться от уже существующих потомков (славянский); в частности, напр., вариант vilks (Nom. Sg.) при vilka (Acc. Sg.), видимо, обеспечивает отклонение от схемы с редуцированным в Nom. Sg. (вълкъ), обязательной для славянского типа; — 2/ язык—"отец" (балтийский) и язык—"сын" (славянский) находились в течение всего достоверно известного времени их истории на смежных территориях, что наиболее естественным образом должно трактоваться как указание на существование некогда единого в языковом отношении ареала.

Здесь-то и возникает вопрос о "балтийском" пространстве. Теперь ясно, что максимальный ареал, который может быть признан балтоязычным на основании гидронимических данных, охватывает территорию во много раз большую, чем ареал балтийских языков (и народов) в историческую эпоху; исключительно показательно, что эти "новооткрытые" балтийские ареалы находятся и к востоку, и к югу, и к западу (за Вислой) от теперешних мест обитания балтийских народов. В связи с гидронимией балтийского типа следует напомнить два обстоятельства: 1/ языковой материал, лежащий в основе этой "балтийской" гидронимии, в высокой степени един как по своему инвентарю, так и

по своим хронологическим характеристикам /эта "изохронность" балтийской гидронимии предполагает или древнее языковое единство всей этой обширной территории, или некий этно-демографический "взрыв", приведший к распространению единой гидронимии на пространном ареале, видимо, в сжатые сроки/;

2) "балтийская" гидронимия практически /по крайней мере, на уровне словообразовательных типов и в значительной степени в корнеслове/ совпадает с "центрально-европейской". А это /как, впрочем, и обратная формулировка: "центрально-европейская" гидронимия распространяется и на область балтийских языков — настоящую и прошлую/ и должно толковаться как знак присутствия в Прибалтике древнего "центрально-европейского" типа гидронимии, т.е. одного из наиболее архаичных типов индоевропейской речи среди тех, что доступны реконструкции. Если вспомнить, что балтийские языки в целом сохраняют в наибольшей сохранности по сравнению со всеми другими современными индоевропейскими языками /даже с новогреческим, удержавшим старое -s в именной флексии/ древнее индоевропейское наследие /причем, это преимущество балтийских языков в этом отношении должно рассматриваться как принадлежность их к иному порядку по сравнению с другими языками/, — окажется, что оба аргумента обращены к одному центру — к признанию балтийских языков и балтийского ареала своего рода "заповедником" древней индоевропейской речи.

К сожалению, в сравнительно-историческом языкознании часто приходится сталкиваться с иллюзиями, связанными со схемой родословного древа и своего рода эгалитаризмом, когда исходят из того, что все индоевропейские языки /независимо от того, хорошо или плохо сохранили они старое наследие/ уже нечто принципиально отличное от того, что восстанавливают как индоевропейский праязык /или континуум древнейших индоевропейских диалектов/, и что все ветви индоевропейского праязыка равно отстают от языка-"отца". Подобные иллюзии — общий грех и неизбежное следствие определенного научного умонастроения, когда исследователь слишком жестко и определенно отделяет себя /субъект/, здесь и теперь от другого /объект/, там и тогда. Отчасти те же причины, которые обусловили

блистательное непонимание древними греками (начиная с элатов с их апориями) логических основ движения, по-своему продолжают деформировать ряд важнейших проблем в некоторых областях современной гуманитарной науки исторического цикла. Исследователь с похвальной целью лучшего, более объективного описания фактов отключает себя от них, выходит из сферы взаимного контакта с ними (я не то, что мной изучается). Это во многих случаях (непредельных) оправданная позиция грозит кризисом, когда речь идет о предельной ситуации. В указанном выше понимании "балтийский" относится именно к этой крайней категории случаев: сгущение парадоксов в этой области сигнализирует о том, что сам материал сопротивляется выводимым из него схемам, протестует против, казалось бы, естественных, но, по сути своей, чрезмерных допущений. В такой ситуации уместно на время вернуться к анализу тех условий, которые раньше не входили в игру или определялись как нечто неизменное (чем можно пренебречь независимо от того, какой материал анализируется) или заданное в аксиоматической форме. По-видимому, та предметная область, к которой сейчас применяется понятие "балтийский", стала ныне тем фрагментом, где категории времени и пространства нельзя считать только внешними рамками языкового развития. Они сами участники, творцы и результат (т.е. субъект и объект) этого развития и тем в большей степени, чем очевиднее нетривиальность (нестандартность) их поведения в связи с балтийским материалом.

Усвоение подобных взглядов, бесспорно, дает определенные основания для научного оптимизма. В частности, оно позволяет (по крайней мере, в некоем идеальном аспекте) понять балтийские языки не только как отдаленного потомка и наиболее достоверного из современных языков продолжателя и свидетеля индоевропейской речи, но и как самое эту речь в действии, хотя и ограниченную рядом существенных факторов. Впрочем, эта точка зрения, естественно, никак не противоречит иному аспекту проблемы: балтийские языки как новый языковой тип (sub specie эволюции). При всем этом следует иметь в виду и психологическую ситуацию ориентации субъекта, являющегося одновременно и объектом эволюционного, временного

ряда: так, можно думать, что носители древнейшей индоевропейской речи, восстанавливаемой исследователями в статусе индоевропейского праязыка, будучи спрошенными о своем подлинном языковом состоянии, совершили бы ту же ошибку, что и наши современники (напр., говорящие на современных балтийских языках и — соответственно — исследователи этих языков), сказав, что их язык лишь остаток, продолжение, рефлекс чего-то более старого, цельного, единого, совершенного и завершенного. Конечно, в каком-то смысле сходное можно было бы сказать и о других современных индоевропейских языках. Но все-таки все они отделяются в этом отношении от балтийских языков некоей существенной границей: балтийские языки имеют очевидное преимущество в архаичности, именно они задают меру отхода от индоевропейского типа, и в имплицитруемой ими градации им нет равных в этом отношении. Поэтому было бы некорректно говорить о других языках то, что не сказано в первую очередь о балтийских.

Очень многое указывает на то, что балтийское сравнительно-историческое языкознание, столь богатое фактами и концепциями, накопленными за свою более чем столетнюю историю, сейчас выходит на новые рубежи. Они не всегда еще вполне осознаются, потому что многие признаки нового состояния пока еще продолжают более или менее автоматически и по видимости удобно укладываться в традиционные схемы. Много может проясниться при теоретическом осмыслении роли и значения балтийских языков в индоевропеистике, апеллирующей к непривычно широким и даже парадоксальным горизонтам. Необходимо и соответствующее этим новым теоретическим возможностям исследование материала. Среди desiderata балтийского сравнительно-исторического языкознания (в частности, учитывая и круг участников настоящей конференции) в контексте сказанного предлагается обратить внимание на следующие проблемы:

1) Создание сравнительно-исторической грамматики балтийских языков, в которой акцент делался бы не на сопоставлении фактов трех балтийских языков (обычно без определения внутренней ценности сопоставляемых фактов), а на проблеме реконструкции более древнего балтийского состояния, не совпадаю-

щего с реально засвидетельствованным;

2/ Создание сравнительного балтийского словаря с реконструкцией архаичного ядра балтийской лексики и указанием точек "включения" ее в общендоевропейский словарь;

3/ Создание общего труда по гидронимии и топонимии балтийского типа за пределами современного балтийского ареала (хотя бы восточнославянские и польские территории), напр., атласа и соответствующего исследования;

4/ Создание сводного труда по проблеме славяноких заимствований в балтийских языках и балтийских заимствований в славянских; необходимо особо выделить аспект освоения славянской речи в районах двуязычия (учитывая и эвентуальные, так сказать, "разовые" /ad hoc/, ситуационные включения славянских слов в балтийский текст, в частности, в диалоге носителей разных языков); существен и учет широкого круга лексики, относительно которой нельзя сказать ни того, что она заимствована, ни того, что она не может быть заимствована;

5/ Создание серии исследований в области вклада балтийского элемента в культуру северо-восточной Европы и его связей с другими культурными ареалами (мифология, ритуал, народная словесность и изобразительное искусство; социальная организация и экономика, "предправо"; сфера "подязыковых" реалий); особое внимание должно быть уделено проблеме реконструкции древних текстов, использующих разные системы кодов.

Многие из этих проблем получили плодотворное развитие в научном творчестве великого литовского языковеда Казимира Бути, столетие со дня рождения которого отмечается в наступающем году. Его труды — тот непреходящий и неизменный ресурс, который всегда будет в распоряжении исследователя балтийской языковой и этно-культурной проблематики на новых и дальних путях.

В.Т.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНО-ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ НА
БАЛТО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ*

Определить начальный этап балто-восточнославянских пограничных этно-языковых контактов не представляется возможным, поскольку в научной литературе отсутствуют конкретные данные и убедительная датировка выделения восточных славян как определенного единства из славянского континуума, характеризующегося прежде иным, чем теперь, диалектно-языковым членением. Однако в нашем распоряжении имеются некоторые данные о славянах, являвшихся предками той части восточного славянства, которая сформировалась в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поволжье при непосредственном контакте с балтами.

О древней территории балтов мы можем говорить тоже довольно осторожно. Предполагается, что 2-2,5 тыс. лет тому назад балты заселяли приблизительно ту территорию, которая в настоящее время образует ареал относительно густой балтской гидронимии. В этот ареал входят территории современных Литовской ССР, Латвийской ССР, Белорусской ССР без части Западного Полесья, в Украинской ССР Черниговское, Киевское, Житомирское и часть Ровенского Полесья, в РСФСР Калининградская область, а также территория к западу от линии Псков - Калинин - Горький - Тамбов - Курск, северо-восточная часть Польши (А.А.Кочубинский, А.Л.Погодин, К.Буга, М.Фасмер, В.Н.Топоров, О.Н.Трубачев, Г.Шаль, Р.А.Агеева и др.). Правда, не следует исключать того, что, может быть,

* Основная часть данной статьи представляет собой сокращенный вариант работы А.Ю.Видугириса и Ф.Д.Климчука "Некоторые вопросы языковых и этнических отношений в зоне литовско-белорусского пограничья", подготовленной в сборник "Lietuvių kalbotyros klausimai", т.20. Отдельные части статьи несколько изменены и дополнены.

в некоторых областях указанного ареала так называемую балтскую гидронимию оставили не собственно балты, а какие-то переходные группы между балтами и родственными им этносами, в том числе славянами¹. Большинство исследователей на указанной территории ареала балтской гидронимии считает балтскими или переходными между балтскими и относящимися к другим родственным им этносам целый ряд археологических культур. Это культуры штрихованной керамики, днепродвинская, кхновская, верхнеокская, восточнопруссских курганов, милоградская, поморская (на вельковейском этапе).

Что касается ряда археологических культур, которым хронологически предшествовали указанные выше культуры, то проблема их этнической интерпретации остается дискуссионной. Зарубинецкую и позднезарубинецкую культуры многие исследователи считают славянскими, некоторые интерпретируют их как балтские. Существует также точка зрения об их промежуточном или еще не расчлененном балто-славянском этно-языковом характере². Следует учесть при этом и такой факт. Большинство исследователей склоняется к точке зрения, что такие археологические культуры, как пшеворская и черняховская, являются полиэтничными. Эти культуры в известной степени синхронны зарубинецкой и позднезарубинецкой. Поэтому можно допустить полиэтничность зарубинецкой и позднезарубинецкой культур, в частности, предположить наличие в ней славянского и западнобалтского элемента.

Культура Банцеровщина - Колочин - Тушемля, датируемая третьей четвертью I тыс. н. э., включающая территорию центральной и восточной Белоруссии (к востоку от линии Лунинец - Лида - Браслав), прилегающих областей РСФСР, северной части Левобережной Украины, с точки зрения ее этно-языкового характера тоже интерпретируется по-разному. Некоторые исследователи считают ее балтской (В.В.Седов, И.П.Русанова и др.). Другие полагают, что она сформировалась в результате проникновения в балтскую этническую среду славянского населения и постепенной языковой ассимиляции балтов при преобладании в одних районах славяноязычного, в других - балтоязычного населения³. Вторая точка зрения нам представляется более приемлемой.

Как известно, довольно густая балтская гидронимия существует на Псковщине⁴. Возможно, ее появление в этой области связано прежде всего с расселением северных, преимущественно балтских, групп населения, оставившего памятники культуры Банцеровщина - Колочин - Тушемля.

Вероятнее всего, славянизация Верхнего Поднепровья и Поочья происходила с юга, а затем с юго-востока и по направлению на северо-запад. Об этом свидетельствуют следующие факты. Древнейшая архаическая славянская гидронимия в Верхнем Поднепровье и Поочье распространена южнее Припяти, р. Десне, в верховьях Оки, частично (на Гомельщине и Могилевщине) по Днепру⁵, т.е. в южной и юго-восточной части ареала балтской гидронимии. В южной части ареала балтской гидронимии, приблизительно до линии Брест - Пружаны - Слуцк - Рогачев - Брянск, плотность балтских гидронимов значительно ниже, чем в районах, расположенных севернее. По мнению некоторых исследователей, южнее указанной линии почти отсутствуют древние балтские гидронимы⁶. В погребальных памятниках эпохи Киевской Руси яркие особенности балтской культуры прослеживаются севернее Припяти и Десны⁷. Древнейшая археологическая культура - пражская, славянская принадлежность которой никем не оспаривается, - на севере ограничивается северным берегом Ясельды и Припяти. Ученые, исследующие проблему прародины славян, обычно помещают ее южнее Припяти и Десны, но не севернее этих рек⁸.

Вероятно, древние балто-славянские этно-языковые границы на юго-востоке балтского ареала не были ни четкими, ни постоянными, и, видимо, не всегда отступал балтский, а наступал славянский элемент, скорее всего, ситуации менялись.

Большую роль в консолидации балтского и восточнославянского населения сыграло образование крупных раннефеодальных общностей, получивших в научной литературе название "племен".

Так, из балтских "племен" в восточной Литве и прилегающих районах современной БССР сформировались собственно литовцы, или аукштайты, в северо-восточной Литве и прилегающей части Латвии - селы, в восточной Латвии - латгалы, в юго-запад-

ной Литве, верхнем и среднем Принеманье и прилегающей части Польши — ятвяги. В XI—XIII вв. ятвяги продвинулись в северо-западную часть Брестско-Пинского Полесья (В.В.Седов и др.).

В Верхнем Поднепровье, Верхнем Поволжье, по верхнему и среднему течению Западной Двины, на Псковщине сформировались кривичи, радимичи, дреговичи, вятичи, древляне, северяне. В Брестско-Пинском Полесье в конце I тыс.н.э. преобладало древлянско-волынско-дреговичское население, которое севернее Ясельды и Выгоновского озера граничило с ятвягами. Кривичи в последней трети I тыс.н.э. заселяли Псковщину, верховья Волги, Днепра и Сожа, бассейн верхнего и среднего течения Западной Двины. Западные поселения кривичей на рубеже I—II тыс.н.э. ограничивались линией: современная граница Псковской области РСФСР и Латвийской ССР, верховья р.Зилупе в Латвийской ССР, западнее Освейского озера, между Браславом и Миорами, на Шарковщину, западнее Глубокого, на Кривичи, западнее Заславля (В.В.Седов). В начале II тыс.н.э. происходило проникновение славянского этнического элемента по левобережью Вилии (лит. Neris) и ее притокам до района Сморгони. В XI в. в состав Полоцкой Руси вошла большая часть Латгалии и северо-восточный угол Литвы (приблизительно до Швенчениса и р.Ошмянки). В начале XI в. в окружении литовских поселений возник славянский (кривичский) город Браслав (Л.В.Алексеев). Отдельные группы славян (кривичей) поселились в этот период и в Латгалии.

Восточная граница территории, компактно заселенная литовцами, на рубеже I—II тыс.н.э. проходила по линии: восточнее Браслава, Козьян, Постава, на Мядель, Кривичи, на юг до р.Вилии, затем по р.Вилии (заходя южнее Кривичей на ее левый берег), северо-западнее Молодечно, на Сморгонь, по р.Березине до Немана (В.В.Седов, Ф.Д.Гуревич, Я.Г.Зверуго, А.Таутавичюс и др.).

Значительные этно-языковые изменения произошли в IX—X вв. в центральной Белоруссии в связи с расселением дреговичей⁹. Греческие (византийские) историки восточнославянских дреговичей называют драгувитами. Видимо, замена звука

ч звуком т в данном случае является прежде всего результатом того, что в греческом языке отсутствуют шипящие звуки. По данным византийских источников, с УП в. известны славянские племена драгувитов (драговитов) на Балканском полуострове. Племя драговичи имелось среди полабских славян. Многие исследователи не без оснований усматривают генетическое родство между восточно-, южно- и западнославянскими дреговичами-драговитами¹⁰. Вероятно, дреговичи - довольно древнее славянское этно-племенное образование, которое первоначально активизировало свою деятельность в южном и западном направлении, т.е. в заселении Балканского полуострова и Полабья. Еще на рубеже УШ-IX вв. северная граница расселения надприпятских дреговичей ограничивалась линией, которая начиналась приблизительно у устья Горыни и проходила немногим севернее поречья Припяти до Днепра. В это время, по археологическим данным, не было четкой, выразительной границы между дреговичами и древлянами (В.В.Седов). Положение изменилось с рубежа УШ-IX вв. С этого времени надприпятские дреговичи активизировали свою колонизационную деятельность в северном и северо-западном направлении. В результате включения в свой состав и постепенной ассимиляции местного населения центральной Белоруссии, состоящего, вероятно, из групп славян, а также из балтов, в разной степени подвергшихся славянизации или оставшихся балтоязычными, дреговичи, видимо, стали больше отличаться от древлян.

В IX - начале X вв. северо-западная граница расселения дреговичей проходила по линии: Лунинец - Слуцк - Глуцк - Борисов, а к концу X в. - по линии: Лунинец - Ганцевичи - Заславль - Борисов.

Верхнее и среднее Принеманье до конца I тыс.н.э., вероятно, было заселено преимущественно ятвягами. С X в. здесь поселились значительные группы славян. В XI-XIII вв. в этой области жили славяне и ятвяги, но уже преобладали первые. В славянской колонизации Принеманья, вероятно, наибольшая роль принадлежит дреговичам¹¹. Включив в ареал своего расселения центральную Белоруссию, дреговичи начали колонизировать Принеманье. Судя по распространению характерных дрего-

вичских археологических памятников (районы Новогрудка, Слонима, Волковыска), главный путь дреговичской колонизации на запад проходил по Неману. Специфические дреговичские памятники обнаружены также у Сморгони, у Каменца (севернее Бреста), в южной Белосточчине (по рр. Нарев, Нурец, Зап.Буг). В Принеманье был основан также ряд крупных древнерусских городов: Городно (Гродно), Новгородок (Новогрудок), Услоним (Слоним), Волковыск и др. Они являлись важными центрами восточнославянской колонизации. Кроме дреговичей в колонизации Принеманья значительную роль сыграли кривичи, в несколько меньшей степени — выходцы из Южной Руси (Волины, Киевщины), частично поляки (преимущественно мазовшане) и пруссы.

По археологическим данным (В.В.Седов, Я.Г.Зверуго, Ф.Д.Гуревич, Р.К.Римантене, А.Таутавичюс и др.), в XI-XIII вв. северная граница компактного славянского населения в Принеманье проходила севернее Гродно, далее по Неману, в низовьях Зельвянки и Щары опускалась южнее Немана, в низовьях Лебеды и Дитвы — проходила несколько севернее Немана, далее шла восточнее Березины (Неманской), доходила почти до Сморгони, затем поворачивала на восток по р.Вилии на Кривичи. В некоторых районах на пограничье население было смешанным, но обычно преобладали славяне или балты. Редкое население было в районе Воложина — Ивенца. Литовские памятники существовали здесь до конца I тыс.н.э.

В XI-XIII вв. на территории Киевской Руси и древнерусских княжеств имелись группы балтского населения. В Принеманье, приблизительно до линии Брест — Барановичи — Молодечно, жили значительные компактные группы ятвягов (В.В.Седов и др.). Под 1053 и 1147 гг. древнерусская летопись называет на р.Протве (теперь северо-восточная часть Калужской области) балтское племя голядь. Данные гидронимии, топонимии, археологии, летописные сведения дают основания полагать, что отдельные группы балтоязычного населения или балтославянских билингвов встречались во многих местах Верхнего Поднепровья, Подвинья, Поочья (В.Н.Топоров, О.Н.Трубачев, В.А.Жучкевич, В.В.Седов, Н.И.Ермолович). Небольшие группы балтов встречались и в Южной Руси.

С первой половины XI в. древнерусские князья начали совершать наступательные походы против восточнолитовских племен. Некоторые литовские и латышские племена временами платили дань Руси. Некоторое время в состав Полоцкой Руси входила северо-восточная часть западнорусского Принеманья (включая Новгородок). На Литву совершали набезы и польские князья. Положение изменилось в последней трети XII в. С этого времени чаще стали совершать набезы литовские князья на восточнославянские и польские земли, чем наоборот. Нередко литовские князья со своими дружинами оказывались у власти в древнерусских княжествах. Таким образом, эти княжества по своему характеру оставались восточнославянскими, однако, правящие династии в них нередко были литовские, хотя постепенно славянизирующиеся. Латышские земли, в том числе Латгалия, в первой половине XIII в. вошли в состав владений немецкого ордена.

В первой половине XIII в. сформировалось единое Литовское государство. Его создателем был князь Миндовг (лит. *Mindaugas*). До этого Литва состояла из ряда небольших раннефеодальных княжеств-волостей. По литовским преданиям, князь Рингольт, отец Миндовга, владел Керновской волостью в Литве, затем овладел западнорусским Новгородком. Миндовг, сын Рингольта, получил в наследство Керново-Новгородковскую волость¹². Уже при Миндовге в состав Литовского государства вошла значительная часть территории, заселенная западнорусским, а также смешанным западнорусско-литовским и западнорусско-ятвяжским населением. Эти факторы способствовали развитию в Литовском государстве, особенно в юго-восточной его части, уже с момента его образования, широких межъязыковых контактов и балто-славянского билингвизма.

Граница Великого княжества Литовского неоднократно менялась. В XIV-XV вв. в его состав вошли остальные белорусские земли, более 2/3 территории современной УССР (включая район Одессы и Николаева), Подлясье, некоторые великорусские области. С середины XVI в. Великое княжество Литовское ограничивалось, главным образом, территорией Литвы, Белоруссии и Смоленщины. Большинство восточнославянских земель в составе

Беликого княжества Литовского пользовалось широкой автономией. Небольшие группы литовцев поселились в эпоху Великого княжества Литовского в разных восточнославянских областях, входивших в его состав.

Литовский язык долгое время оставался бесписьменным. Первая литовская печатная книга вышла в XVI в. До 1697 г. официальными языками Великого княжества Литовского являлись старобелорусский и (во время вхождения части украинских земель в состав Литвы) староукраинский. Оба эти языка официально назывались "русским" языком, а в научной литературе — западнорусским, реже — старым письменным белорусско-украинским или украинско-белорусским языками. Для раннего периода это был фактически один язык с белорусским и украинским вариантами. Сформировался он на основе древнерусского языка под сильным влиянием белорусских и украинских диалектов, частично — под влиянием церковнославянского, польского и литовского языков.

Рассматриваемый язык был книжным, письменным. Исключая узкий круг "книжников", он не был разговорным, т.е. средством широкого общения населения. Как разновидности "русского" воспринимались живой белорусский разговорный язык с его диалектами в Белоруссии и зоне литовско-белорусского пограничья, а также украинский разговорный язык и его диалекты на Украине.

Вильнюс и Тракай, как и всякие столицы и крупные города, являлись притягательными центрами для населения ближайших окрестных, в меньшей степени — для более отдаленных областей. Одной из весьма близких областей по отношению к литовским столицам являлась северо-западная Белоруссия. Поэтому эти города способствовали просачиванию в юго-восточную часть этнической Литвы с юго-востока белорусоязычного населения или литовско-белорусских билингвов.

Благодаря указанным факторам, в эпоху Великого княжества Литовского в зоне белорусско-литовского пограничья, в юго-восточной части литовской этнической территории, в литовских столицах и их ближайших окрестностях, в ряде других мест белорусский язык стал языком межнационального общения.

С другой стороны, международный престиж Великого княжества Литовского (победы над Золотой Ордой, Немецким орденом и др.) способствовал тому, что многие литовские феодалы и другие группы населения, владея белорусским языком, сохраняли язык литовский. Литовским языком частично овладевали (усваивали его от литовцев) некоторые белорусы и украинцы.

При сношениях Великого княжества Литовского со странами Западной Европы использовались латинский и немецкий языки.

Польский язык первоначально имел весьма ограниченное употребление в Литве и северо-западной Белоруссии. В западнорусском Припечанье с XI в., а в Литве с XII в. имелись небольшие группы польских поселенцев. В 1387 г. Литва приняла христианство по католическому обряду из Польши. В связи с этим в Литву прибыло немало польского духовенства, в костелах получил некоторое распространение польский язык. С другой стороны, в костелах Литвы для литовскоязычного населения проповеди читались и по-литовски. В Вильнюсе, например, наряду с польским, читали в костелах проповеди на литовском языке до 1737 г. (З.Зинкявичюс). В зоне литовско-белорусского пограничья в костелах читались проповеди чаще всего на польском, реже на литовском и старобелорусском языках.

До середины XVI в., находясь в династической унии с Польшей, Литва, однако, являлась фактически совершенно самостоятельным государством. В результате Люблинской унии 1569 г. Великое княжество Литовское не только лишилось значительной части территории, но, формально сохраняя почти все атрибуты самостоятельного государства, оказалось в составе Речи Посполитой в фактической зависимости от Польской Короны. С 1697 г. официальным языком в Великом княжестве Литовском становится польский язык (наряду с латинским).

С середины XVI до середины XIX вв. произошла полонизация (не всегда полная) большей части крупных литовских и белорусских феодалов, значительной части средней шляхты и горожан, а также некоторых других групп населения.

Тем не менее, белорусский язык, точнее, его северо-западные говоры, в зоне литовско-белорусского пограничья и в юго-восточной Литве, продолжал оставаться средством межнационального общения как между литовцами и белорусами, так и между литовцами и поляками, позже — между литовцами и русскими, поляками и русскими (нередко, особенно в XIV—XVI вв., между литовцами и украинцами).

Кроме того, белорусские диалекты во многих районах литовско-белорусского пограничья, особенно в районе Вильнюса, испытали заметное влияние польского языка, прежде всего в лексике. В связи с этим белорусские диалекты рассматриваемой зоны нередко воспринимались местным католическим населением как разновидность польской речи и назывались "простая мова". Так как польский язык являлся тогда официальным языком Великого княжества Литовского, а белорусский язык в литовско-белорусской пограничной зоне часто воспринимался как разновидность польского языка и являлся языком межнационального общения, это приводило к следующим последствиям: в районах широкого литовско-белорусского билингвизма литовский язык все более и более вытеснялся языком белорусским, а в прилегающих к ним литовскоязычных районах литовцы овладевали белорусским языком как вторым, сохраняя при этом литовский язык как основной разговорный.

В последней четверти XVIII—начале XIX вв. Белоруссия и большая часть Литвы (кроме так называемой Малой Литвы, т.е. Клайпедского края и половины современной Калининградской области¹³) вошли в состав России. Языковая ситуация в этих областях, однако, первоначально оставалась прежней. С середины XIX в. в качестве официального языка администрации и школы в Литве и северо-западной Белоруссии стал преобладающим русский язык.

В публикациях и рукописях XIX—XX вв. приведено довольно много фактов, характеризующих этно-языковую ситуацию в зоне литовско-белорусского пограничья (Ю.И.Венелин, М.Балдинский, Т.Липинский, П.Кеппен, А.Кореза, М.Коплович, А.Ф.Риттих, Ю.Кузнецов, Аноним, Я.Розвадовский, В.Охманьский, П.Климас, В.Ф.Карский, еженедельник *Viltis*, данные

переписей и т.д.). Правда, факты эти нередко неравнозначны по своей достоверности, порою противоречивы. Поэтому их следует рассматривать критически и в сопоставлении.

На основании этих данных, этно-языковая ситуация в зоне литовско-белорусского пограничья в XIX-XX вв. и ее изменения представляются следующим образом.

Польский язык уже до середины XIX в. получил широкое распространение в Вильнюсе, Тракай, во многих других городах и местечках, в имениях, в отдельных деревнях. Основными языками этой территории оставались литовский и белорусский.

Говоря об ареале распространения литовского языка (точнее - традиционных литовских диалектов) в зоне литовско-белорусского пограничья в первой половине XIX в., следует выделить несколько своего рода типов территорий.

I. Территории, где литовский язык употреблялся, им владела еще часть населения, но владеющие и пользующиеся литовским языком на данных территориях уже не преобладали. Нередко населенные пункты, где употреблялся литовский язык, чередовались с пунктами, где литовского языка не знали. Встречались населенные пункты, где владела литовским языком только часть населения, иногда представители всех поколений, иногда только старшее поколение. Иногда в населенных пунктах литовского языка не знали, но помнили, что по-литовски говорили здесь ранее. Территория распространения литовской речи, но не обязательного преобладания ее (чаще всего ее не-преобладания) в юго-восточной части литовского языкового континуума в первой половине XIX в. ограничивалась линией: приблизительно от Друи (на Западной Двине), восточнее Браслава, через Поставы, несколько восточнее Мяделя, на Сморгонь, далее по р.Березине на юг до Немана, затем на запад южнее Ивье, несколько южнее Лиды, затем на юг и юго-восток до Немана и за Неман до Дятлова, затем на северо-запад южнее Желудка и Щучина, приблизительно через Скидель, севернее Гродно, на Сопоткин и Сейны.

За этой линией отдельными деревнями или группами деревень в виде островков литовский язык употреблялся около

Кривичей, Вяжина (дер. Латыгола в Вилейском у.), около Деревной (в Ошмянском у.), около Налибок (в Новогрудском у.), около Соколки (в Сокольском у.). По Э.Вольтеру¹⁴, латышские и литовские переселенческие поселения встречались в ряде мест Витебской и Могилевской губерний.

2. Зона, где литовская речь употреблялась, но не преобладала, окаймляла с юго-востока территорию, где в первой половине XIX в. литовская речь еще преобладала, хотя и здесь уже было значительное число белорусоязычного населения или литовско-белорусских билингвов. Граница преобладания литовской речи в первой половине XIX в. определялась с юго-востока линией: западнее Браслава, Постав, Свири, на Солы, Островец, Вильнюс, южнее Ошмян, к низовьям Березины (Неманской), на Ивье, севернее Лиды и Гродно, на Сейми.

Отдельные литовскоязычные острова образовывали группы деревень около Мяделя (по переписи 1857 г., в 8 деревнях Мядельского прихода говорили по-литовски 661 чел.) и около Дятлова (в 1848 г. в 5 деревнях дятловского прихода проживало 825 литовцев).

3. В ряде регионов при преобладании литовскоязычного населения, особенно около городов, местечек, в крупных имениях, фольварках, в некоторых приходских центрах имелось значительное количество литовско-польских билингвов или лиц, говоривших почти исключительно по-польски (г.Турская и др.). К таким регионам, которые четко выявились к концу XIX в., относятся три: 1) к северо-западу от Вильнюса по Линии Тракай - Майшягала - Неменчине - Пабраде, 2) к востоку от Зарасай, 3) севернее Каунаса.

4. Наконец, к западу и северо-западу литовский язык, по крайней мере среди большинства сельского населения, фактически был единственным. Территория такой языковой ситуации в первой половине XIX в. приблизительно ограничивалась линией: восточнее Зарасай, южнее озера Дрисвяты (лит. Drūkšiai), западнее Браслава, Видзы, через Козяны, восточнее Адутишкис, восточнее и значительно южнее Швенчениса, через Пабраде, на юг по р. Жеймяна, вверх по рр. Вилии и Ошмянке, севернее Солы, Островца, Неменчине и Майшягалы, западнее Тракай, восточнее Рудишкес, севернее

Шальчининкай и Девенишкес, восточнее и южнее Лаздун, южнее Воронова, Радун и Друскининкай.

С середины XIX до начала XX вв. территория распространения и сфера употребления литовского языка на юго-востоке литовской этнической территории значительно сократилась за счет белорусского и польского языков. К началу XX в. по сравнению с серединой XIX в. произошло существенное перераспределение зон, характеризующихся теми или иными особенностями функционирования литовского языка.

1. В начале XX в. ареал распространения литовской речи, но не обязательного преобладания ее (обычно не-преобладания) на юго-востоке ограничивался по существу той же самой линией, до которой в середине XIX в. литовский язык еще преобладал, хотя и не был единственным (см. выше). Как острова сохранились вышеупомянутые литовскоязычные местности около Дятлова, Латыголы, Деревной. В более отдаленных местностях имелись поселения литовских и латышских переселенцев¹⁵.

2. Ареал преобладания литовской речи в это время ограничивался линией: западнее Браслава и Видзы, через Козьмы, западнее Постава, далее на запад, севернее Пабраде, через Йонишкис, Дубингяй, Пабярже, Кярнаве, западнее Вевис, восточнее Семьялишкес, через Аукштадварис, севернее Рудишкес, Валькининкай, Шальчининкай, Девенишкес, восточнее Девенишкес, южнее Воронова и Радун, через Привалки (теперь Гродненский р-н БССР). Кроме того, населенные пункты с преобладанием литовскоязычного населения образовывали острова: около Гервят (теперь Островецкий р-н БССР), Лаздун (теперь Ивьевский р-н БССР), Щучина (дер. Новые Герники), Марьямпольс (теперь юг Вильнюсского р-на) и др.

3. Литовский язык постепенно вытеснялся польским в районах: 1) по линии Тракай - Майшягала - Неменчине - Пабраде, 2) к востоку от Зарасай, 3) к северу от Каунаса. Однако, как свидетельствуют данные переписей, на рубеже XIX - XX вв. литовскоязычное население и литовско-польские билингвы в указанных районах составляли приблизительно 1/3 - 1/2 всего населения.

4. В окрестностях Вильнюса более всего распространялся белорусско-польский билингвизм.

После образования Литовского и Польского буржуазных государств этноязыковые процессы в зоне литовско-белорусского пограничья приобретают несколько иной характер, чем в предыдущие десятилетия. В пределах Литовского государства отступление литовского языка перед польским и белорусским вглубь литовской этнической территории прекратилось, и наоборот началось укрепление литовского языка и литовского самосознания среди литовско-польских билингвов¹⁶.

Однако основная часть Восточной Литвы вошла в состав Польши, поэтому здесь и в дальнейшем происходили глубокие этноязыковые изменения. Если в начале XX в. полоса между Вильнюсом и Каунасом характеризовалась широким литовско-польским и польско-литовским билингвизмом, то к концу 30-х годов XX в. государственная литовско-польская граница на участке по обе стороны р. Нерис оказалась весьма близкой к языковой границе преобладания литовской (западнее) и польской (восточнее) речи. В Виленской области, входившей в 20-30-е гг. XX в. в состав Польши, традиционные литовские говоры постепенно вытеснялись польским языком (периферийным культурным диалектом польского языка), в отдельных местах — белорусскими диалектами. В окрестностях Вильнюса и Тракай употребление белорусской речи все более и более сокращалось за счет расширения сферы употребления польского языка.

Весьма ценный материал для исследования этноязыкового состава населения зоны литовско-белорусского пограничья дают данные переписей населения. Однако к ним необходимо подходить весьма критически, сопоставлять данные одних переписей населения с данными других переписей, а те и другие, в свою очередь, с описаниями исследователей, с другими источниками. В основу разных переписей и исчислений населения часто были положены разные критерии: языковая принадлежность, самосознание, религиозная принадлежность и др. Кроме того, языковая принадлежность билингвов определялась по какому-либо одному языку билингва. То же относится и к лицам с переходным этно-национальным самосознанием. Приведем некоторые примеры.

Литовско-белорусские билингвы в зоне литовско-белорусского пограничья с точки зрения их этно-языковой принадлежности представляли определенное единство. А по переписи 1897 г., основанной на языковой принадлежности населения, часть их отнесена к литовцам, часть - к белорусам (Э.Малишевский, Е.Ф.Карский и др.). То же можно сказать и о литовско-польских, белорусско-польских и прочих билингвах.

Данные переписи 1857 г., часто снабженные ценными дополнительными сведениями, были обработаны несколькими исследователями. В результате получились разные итоги. Сопоставим их по Виленской губернии. Наши сопоставления дают основание полагать, что наиболее близок к действительности этно-языковой состав населения губернии, приведенный А.Корева. Однако сведения, сообщаемые другими исследователями, позволяют эти данные еще больше уточнить. По А.Корева, в Виленской губернии литовцы составляли (1857 г.) 386860ч. - 46% (видимо, с включением литовско-белорусских билингвов), белорусы - 247300 чел. - 29,4% (видимо, белорусоязычное население), поляки - 103440 чел. - 12,3% (видимо, польскоязычное население, а также билингвы, широко пользующиеся польским языком), русские - 19250 чел. - 2,3%. По Р.д'Эркерту, численность и процент литовцев в губернии (386000ч. - 45,4%) почти такие же, как по А.Корева. Но по исчислениям Р.д'Эркерта (1857 г.), белорусы в губернии отсутствуют вообще, поляков насчитывается 212000 чел. - 24,7%, русских - 178000 чел. - 20,7%. Р.д'Эркерт, очевидно, распределяет белорусов (видимо, по религиозному признаку) между поляками и русскими. П.Н.Батюшков численность и процент литовцев в губернии определяет в 210283 чел. - 23,58%, белорусов - 418289 чел. - 46,92%, поляков - 154386 чел. - 17,31%, русских - 27845 чел. - 3,12%. Таким образом, по исчислениям П.Н.Батюшкова, в губернии, сравнительно с исчислениями А.Корева, белорусов и поляков вместе взятых почти на столько больше (на $12,42\% + 5,01\% = 17,43\%$), на сколько меньше литовцев (на 17,52%). Очевидно, П.Н.Батюшков в число литовцев включил литовскоязычное население без билингвов, в число белорусов - белорусоязычное население и бе-

24

лорусско-литовских билингвов, в число поляков - польскоязычное население, а также польско-литовских и польско-белорусских билингвов. М.Лебедкин определяет в губернии литовцев 418880 чел. - 49,98% (на 3,98% больше, чем по А.Корева), белорусов - 169057 чел. - 20,17% (на 9,23% меньше, чем по А.Корева), поляков - 154386 чел. - 18,42% (на 6,12% больше, чем по А.Корева), русских - 15631 чел. - 1,87%. По М.Лебедкину, сравнительно с исчислениями А.Корева, белорусов почти настолько меньше в губернии (на 9,23%), насколько больше поляков и литовцев вместе взятых (на 10,1%). Это, в свою очередь, даёт основание полагать, что М.Лебедкин часть белорусоязычного населения отнес к полякам, часть - к литовцам. Несомненно, М.Лебедкиным намного завышен процент литовцев в уездах Вилейском (29,9%) и Лидском (82,1%). Возможно, М.Лебедкин к полякам и литовцам отнес ту часть белорусоязычного населения, которому, соответственно, было присуще относительно четкое польское или литовское самосознание или соответствующее самоназвание.

По переписи 1897 г., в Вильнюсском уезде без г.Вильнюса литовцы составляли 72916 чел. - 36,5%, белорусы - 87382 чел. - 43,6%, поляки - 25293 чел. - 12,6%. Соответственно, по данным переписи 1909 г. - литовцы-16967 чел.- 7,2%, белорусы (включены переписью в число русских) - приблизительно 25%, поляки - 112188 чел. - 47,5%. Создается впечатление, что за 12 лет (1897-1909 гг.) национальный состав Вильнюсского уезда изменился коренным образом. В действительности это не так: в основу переписи 1897 г. положена языковая принадлежность населения, причем, эта перепись не могла отразить всех сложностей языковой ситуации уезда, а в основу переписи 1909 г. положено, вероятнее всего, национальное самосознание. Перепись 1909 г., в ее сравнении с данными переписи 1897 г., очевидно, отразила тот факт, что много белорусоязычного католического населения, а также литовско-польских и белорусско-польских билингвов осознавало себя поляками. Поэтому, по данным переписей 1897 и 1909 гг. без их критического анализа, представляется обычное увеличение процента поляков и, соответствен-

но, уменьшение процента белорусов-католиков и особенно литовцев:

Польские переписи 20-30-х гг. XX в. также не отразили всего своеобразия этно-языковой ситуации Вильнюсской области. По этим переписям, к полякам отнесены литовско-польские билингвы литовского происхождения, осознающие себя поляками или с переходным литовско-польским самосознанием, почти все польско-белорусские билингвы католического вероисповедания, более 4/5 белорусоязычного католического населения. Следует, однако, отметить, что в указанный период у названных групп населения наблюдался рост польского национального самосознания.

В 1939-1940 гг. Вильнюсская область воссоединена с Литовской республикой и установлена граница между Литовской и Белорусской ССР. В 1944-1946 гг. в результате репатриации польского населения из СССР в Польскую Народную Республику из Литовской ССР переселилось 178 тыс.чел., из Западной Белоруссии - 272,2 тыс.чел., соответственно, в 1945-1946 гг. из Польши в Белоруссию и Литву переселилось 37 тыс.чел. белорусов и литовцев¹⁷. Кроме того, в 1939-1959 гг. из СССР в Польшу и наоборот имели место переселения меньших групп населения.

После 1939 г. в Восточную Литву наблюдался прилив литовского населения из центральной Литвы, прежде всего, в г.Вильнюс, в меньшей мере в другие города и городские поселки и частично в сельские местности.

Экспедиции Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР в 50-70-е гг. XX в. дали возможность определить основные типы языковой ситуации, прежде всего, характера употребления традиционных литовских диалектов, среди сельского населения Восточной Литвы. По этим типам выделяются следующие регионы.

1) Литовскоязычное население (в основном, сохраняющее традиционный диалект) преобладает: в районах Игналинском, Швенченском (кроме южной части), Варенском, на юго-востоке Шальчининкского (окрестности Девенишкес), в окрестностях Мариямполис на юге Вильнюсского района, а также в пределах территории, входившей до 1939 г. в состав Польши, в части Зарасайского и Тракайского районов.

2) Сохранились к 60-70-м гг. XX в. остатки традиционных литовских говоров. Этими диалектами владеют не в каждой деревне и не большинство жителей населенного пункта, в отдельных деревнях - часть населения, преимущественно часть представителей старшего поколения. Некоторые носители традиционного литовского говора уже не говорят по-литовски, а только помнят литовскую речь. Одни из них (меньшинство) осознавали себя литовцами, другие (большинство) - поляками. Такой характер употребления традиционных литовских диалектов в 50-70-е гг. XX в. типичен для большей части Шальчининкского района, исключая юго-восточную и северо-восточную его части, для восточной половины Тракайского района, исключая его крайний северо-восток, для южной части Швенченского района, крайнего северо-востока Зарасайского района, наконец, для юго-западной, западной, северной и северо-восточной части Вильнюсского района (около 3/5 его территории).

3) Традиционные литовские диалекты участниками экспедиций не выявлены, хотя нередко для многих коренных жителей характерно переходное польско-литовское, изредка белорусско-литовское самосознание и воспоминания о том, что их родители или деды говорили еще по-литовски. В эту зону входят ближайшие окрестности Вильнюса, территория к востоку от Вильнюса почти до границы с БССР, крайний северо-восток Тракайского района, крайний северо-восток Шальчининкского района. Заслуживает внимания изучение остатков речи того литовского населения, которое жило в г. Вильнюсе до 1939 г.

Отдельных исследований заслуживают другие этнические группы, проживающие в зоне литовско-белорусского пограничья: поляки, великорусы, в том числе старообрядцы, потомки переселенцев из Брестско-Пинского Полесья (деревни Айренай 2-е и Гейшишкес Дукштского сельсовета Вильнюсского района), евреи, татары, караимы и др.

В северо-западной части БССР в настоящее время распространены преимущественно белорусские диалекты. Часть белорусоязычного католического населения осознает себя белору-

сами, часть - поляками, кроме того, значительной их части :присуще переходное польско-белорусское, небольшой части (кто помнит, что его родители или деды говорили по-литовски) - переходное белорусско-литовское или польско-литовское самосознание. Литовские говоры в северо-западной Белоруссии встречаются в районах: Гродненском, Вороновском, Дятловском, Ивьевском, Островецком, Поставском, Мядельском, Браславском и других. Языковая ситуация в населенных пунктах северо-западной Белоруссии, где преобладают или сохранились частично традиционные литовские говоры, наиболее полно отражена в работах Т.М.Судник¹⁸.

В северо-западной Белоруссии встречаются населенные пункты (сельские), население которых (большинство или значительная часть) общается между собой преимущественно на польском языке. В Литовской ССР польскоязычного населения значительно больше, чем в БССР. В городах и городских поселках северо-западной Белоруссии и юго-восточной Литвы немало русских.

Одной из контактных зон балто-восточнославянского пограничья является Восточная Латвия, или Латгалия*.

Соответственно с изменением государственной принадлежности Латгалии менялся на ее территории официальный язык: древнерусский - до начала XIII в., немецкий (наряду с латинским) - в XIII - первой половине XV в., польский - с середины XV до середины XIX в., русский - с конца феодального периода до начала XX в. Языком межнационального общения в Латгалии с середины XV до середины XIX вв. являлся польский язык, с середины XIX в. и фактически до настоящего времени - русский язык¹⁹. Вероятно, в ряде волостей Латгалии с середины XV в. средством межнационального общения являлся также и белорусский язык, вернее, его

* Авторы примосят благодарность А.Б.Брейдаку и К.Гаршве, которые оказали помощь в подборке материалов для данной работы о Латгалии, а также любезно сообщили некоторые сведения, полученные ими в Латгалии во время экспедиций, и высказали ряд ценных замечаний по данной части работы.

диалекты. Об этом свидетельствуют такие факты. Белорусские диалекты в Латгалии нередко воспринимаются как диалекты (т.е. разновидность) русского или польского языков, являющихся языками межнационального общения в этой области. После включения Латгалии в состав Речи Посполитой на нее не могла не повлиять хотя бы частично языковая ситуация в Великом княжестве Литовском, где белорусский язык в прилегающей к Латгалии зоне литовско-белорусского пограничья являлся языком межнационального общения.

Латышский язык в Латгалии вплоть до образования в начале ХХ в. Латышского государства являлся языком угнетенной национальности. Это способствовало тому, что чаще происходила ассимиляция латгальцев поляками, русскими, белорусами, немцами, чем наоборот. С другой стороны, проживающие в Латгалии литовцы чаще латгаллизировались, чем ассимилировали латгальцев.

Литовцы в Латгалии (по данным письменных памятников) известны с XII-XIII вв.²⁰ Сформировались латгальские литовцы в результате колонизационных потоков из Литвы и ассимиляции с литовскими переселенцами значительных групп местного племени селов. Значительные переселения в Латгалию из Литвы происходили в XII-XIII вв., в эпоху Речи Посполитой, после восстаний 1831 и 1863 гг. и позже. О том, что в прошлом в Латгалии литовскоязычное население составляло значительный процент, по мнению некоторых исследователей (К.Бу-га), свидетельствует распространение в этой области топонимов на -ишки. Эти топонимы распространены до линии: южнее Весите, Екабпилса, до Вараклян, Вилян, Резекне, Лудзы. Особенно высокий процент топонимов на -ишки ограничивается линией: севернее Илуксте, Даугавпилса и Краславы (локализация К.Гаршвы). В Латгалии постепенно происходила ассимиляция литовцев. В юго-восточной Латгалии до середины XIX в. и позже значительная часть литовскоязычного населения обелорусилась и ополячилась (т.е. как и в зоне литовско-белорусского пограничья), а с середины XIX в., вследствие латышской и латгальской колонизации, особенно в Илукстском уезде, подверглась сильной латышизации и латгаллизации. Поэтому часть литовско-латышских, литовско-белорусских и

литовско-польских билингвов (подилингвов) теперь считает себя латышами или латгальцами, часть — поляками или белорусами. Население, пользующееся литовскими диалектами (включая билингвов), довольно значительно в южной части Латгалии, особенно на левом берегу Даугавы (Западной Двины). Проживает оно также небольшими компактными группами на правом ее берегу и во всей южной Латвии.

Древней этнической группой Латгалии являются белорусы. Сформировались латгальские белорусы преимущественно из следующих групп: 1) кривичей, живших еще в конце 1 тыс. н.э. в верховьях р.Зилупе наряду с латгальцами (В.В.Седов), 2) восточных славян (гл.обр.потомков кривичей), поселившихся в Латгалии во время вхождения этой области в состав Полоцкой Руси, 3) весьма многочисленных более поздних выходцев из Белоруссии, 4) ассимиляции отдельных групп латгальцев, литовцев и русских (прежде всего выходцев из Псковщины).

Великорусов в Латгалии первоначально было немного, и жили они главным образом в ее крайней северо-восточной части (эта полоса одно время входила в состав Новгородской Руси). Особенно много русских (великорусов) поселилось в Латгалии начиная с XVI в. Среди русских Латгалии выделялись две группы: старообрядцы и православные. Русские Латгалии ассимилировали значительные группы белорусов, частично латгальцев.

Поляки поселились в южной Латгалии в XVI в., когда эта область вошла в состав Речи Посполитой. Однако формирование поляков Латгалии происходило в большей мере за счет ассимиляции латгальцев, латгальских литовцев и латгальских белорусов-католиков, нежели за счет переселений из Польши.

В прошлом среди жителей городов и местечек Латгалии высокий процент составляли евреи.

Между национальностями, проживающими в Латгалии, и их языками, особенно близкородственными, происходили интенсивные контакты. Одним из результатов этих контактов является формирование переходных или смешанных групп: латгальско-славянских, литовско-славянских, белорусско-русских, белорусско-польских, латгальско-литовских и т.д.

В 20-30-е гг. XX в., по данным переписей, в Латгалии (данные приводятся без Илукстского уезда) наблюдается увеличение процента латышей (1897 г. - 50,7%, 1925 г. - 56,9%, 1930 г. - 56,9%, 1935 г. - 61,3%) и сокращение (к 1935 г.) процента вместе взятых русских, белорусов, поляков и литовцев (1897 г. - 35%, 1925 г. - 36,6%, 1930 г. - 37,2%, 1935 г. - 33,2%). Связано это частично с ассимиляцией, частично с национальной переориентацией переходных групп, частично с разными критериями при проведении переписей.

В населенных пунктах Латгалии с преобладающим восточнославянским населением имеются группы семей, члены которых общаются между собой на белорусских или русских (иногда также на литовских) диалектах, но регистрируются латышами (из данных диалектологических экспедиций). Эти группы в XIX-XX вв. регистрировались или латышами, или - иногда представителями других национальностей. То же можно сказать об их самосознании. По происхождению их можно было бы считать латгальцами, потерявшими родной язык, или представителями не латышского происхождения, чаще всего латгальскими белорусами или литовцами, ассимилирующимися с латышами, или лицами смешанного латышско-славянского и латышско-литовского происхождения. В качестве примера некоторой нечеткости этно-национального самосознания переходных латгальско-славянских групп, вероятно, могут быть данные переписей 20-30-х гг. XX в. в Истренской волости: 1925 г. - латыши 19,94%, белорусы, русские и поляки 79,11%, всего 99,05%, соответственно в 1930 г. - 11,51% и 86,78%, всего 98,29%, в 1935 г. - 20,72% и 78,4%, всего 99,12%. Таким образом, 8-9% населения волости в 1925 и 1935 гг., могли быть зарегистрированы латышами, а в 1930 г. - русскими, белорусами и поляками.

В результате многовековых влияний и близкого родства в Латгалии сложилась весьма нечеткая "граница" между русскими и белорусами. Так, от переписи к переписи процент русских и белорусов вместе взятых менялся незначительно, зато изменение процента русских и белорусов в отдельности было весьма значительно: 1857 г.²¹ - русские православные

0,16%, русские старообрядцы - 12,4%, белорусы 15,5%, всего 28,1%, 1897 г. - русские 15,5%, белорусы 13,2%, всего 28,7%, 1925 г. - русские 26,4%, белорусы 5,3%, всего 31,7%, 1930 г. - русские 27,4%, белорусы 4,1%, всего 31,5%, 1935 г. - русские 27,2%, белорусы 2,4%, всего 29,6%. С ассимиляционными процессами, т.е. с обрусением белорусов, связано это, видимо, лишь частично. Основными причинами таких различий в процентном соотношении русских и белорусов Латгалии являются, на наш взгляд, следующие: 1) разные критерии при проведении переписей, 2) специфический характер этно-национального самосознания многих восточнославянских групп Латгалии. Так, в 1977 г. нами исследовались говоры Истренского сельсовета Лудзенского района. Говор большинства восточнославянского населения этой административной единицы - белорусский, испытавший сильное великорусское влияние. По религии это население преимущественно православное. Этно-национальное самосознание этих жителей носит такой характер. Восточнославянское население Латгалии они называют русскими, но подразделяют его на три группы: великорусов, староверов и белорусов. Себя они одновременно относят и к русским, и к белорусам. Некоторые могут себя называть "латгальцами", так как они "не являются недавними переселенцами из Белоруссии", а их "предки жили в Латгалии с незапамятных времен". В качестве критерия, почему они себя относят к белорусам, иногда называют факт, что "ранее это была Витебская губерния, а Витебская губерния - это Белоруссия". Таков характер этно-национального самосознания основной массы населения Истренского сельсовета. Разные принципы определения национальности отразились на данных переписей населения. Так, в Истренской волости в 1857 г. (по М.Лебедину) и в 1897 г. почти все восточнославянское население отнесено к белорусам, в 1925 г. к белорусам отнесено 53,97%, к русским - 23,34%, в 1930 г. - к белорусам 3,33%, к русским 79,4%, в 1935 г. - к белорусам 2,77%, к русским 72,63%.

Может быть, перепись 1857 г. преувеличила в Латгалии численность белорусов за счет православных великорусов. Перепись 1897 г. - преувеличила численность белорусов Латгалии за счет старообрядцев (Е.Ф.Карский). Переписи же

20-30-е гг. XX в. численность и процент этнических белорусов Латгалии уменьшались.

Процент поляков в Латгалии в 20-30-е гг., по данным переписей, сократился: 1925 г. - 4,7%, 1930 г. - 5,5%, 1935 г. - 3,4%. Однако в волостях с высоким процентом белорусов нередко происходило увеличение процента поляков, например, в Истренской волости в 1925 г. поляки составляли 1,8%, в 1930 г. - 3,81%, в 1935 г. - 3%. Вероятно, увеличение процента поляков в некоторых волостях происходило за счет белорусов-католиков.

Следует также указать, что, в отличие от Западной Белоруссии и юго-восточной Литвы, в Латгалии среди белорусоязычного католического населения преобладают лица с относительно четким белорусским самосознанием (в их число мы не включаем белорусско-польских билингвов).

По данным переписей, численность литовцев в Латгалии с Илукстским уездом в 20-30-е гг. XX в. тоже сокращалась: 1925 г. - 4746 чел. - 0,8%, 1930 г. - 4438 чел. - 0,69%, 1935 г. - 3300 чел. - 0,53%. По тем же данным, в Латгалии без Илукстского уезда литовцы составляли: в 1925 г. 1172 чел. - 0,22%, в 1930 г. - 953 чел. - 0,17%, в 1935 г. 925 чел. - 0,16%. Уменьшение численности латгальских литовцев связано как с ассимиляционными процессами и переориентировкой национального самосознания, так и с искажением истинного положения вещей. Так, газета *Rytas* (1932, № 4) писала, что лишь в самой отдаленной от Литвы Цискадской волости (лтш. *Tiskadi*) вместо 1000 чел. литовского происхождения во время переписи зарегистрирован 1 литовец.

Таким образом, контактная зона и этно-языковая граница балтов и славян в юго-восточной части балтийской этнической территории неоднократно претерпевали существенные изменения. Славянизация значительной части балтов была весьма продолжительной и сложной. Она прошла несколько этапов билингвизма и полилингвизма, языковой и этнической чересполосицы, расширения сферы употребления одного языка и сужения сферы употребления языка другого. Наряду со славянизацией балтов, вероятно имел место и обратный процесс - балтизации славян, иногда, может быть, довольно значи-

тельный. Балто-восточнославянская контактная зона характеризовалась и характеризуется распространением на ее территории нескольких языков и сложными взаимоотношениями между ними.

1. В.В.Седов. Балты и славяне в древности. - В кн.: Наука и техника, № 9, 1977, с.33-36.
2. В.В.Седов, там же, с.35.
3. П.Н.Третьяков. Древности второй и третьей четверти 1 тыс.н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье. - В кн.: Средневековые восточно-славянские древности, Л., 1974, с.48-49; В.Д.Баран. Славяне в середине 1 тысячелетия н.э. - В кн.: Проблемы этногенеза славян, Киев, 1978, с.27,29.
4. Р.А.Агеева. Гидронимия Псковских и Новгородских (Шеломская и Деревская пятин) земель в свете истории заселения края. Кандидатская диссертация. Машинопись. М., 1973, с.100-106.
5. О.Н.Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с.270-273; В.Н.Топоров, О.Н.Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962, с.243-244 и др.; Г.П.Смолицкая. Картографирование гидронимов Поочья. - В кн.: Топонимия центральной России. М., 1974, с.56-69.
6. В.А.Жучкевич. Общая топонимика. Минск, 1968, с.206-209, 213.
7. В.В.Седов, там же, с.36.
8. Из исследователей нашего времени, помещающих прародину славян севернее Припяти; можно назвать В.Т.Коломиец (см. В.Т.Коломиец. Роль іхтіологічних назв у визначенні найдавнішої прабатьківщини слов'ян і напрямків їх розселення. - В кн.: Мовознавство, Київ, 1978, № 4, с.22-31).
9. В.В.Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, с.84-88.
10. П.Н.Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1953, с.179, 200, 218, 249.
11. В.В.Седов, там же, с.81-82.

12. П.Н.Батушков. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890, с.56.
13. J.Rozwadowski. Mapa językowego obszaru litewskiego. - В кн.: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa - Lublin - Łódź - Kraków, 1914. V.Vileišis. Tautiniai santykiai Maž. Lietuvoje. Kaunas, 1935.
14. Центральный архив АН СССР, Ленинградское отделение.
15. В.Скардзіс. Літоўцы на Беларусі (нарыс аб літоўскіх калёніях). - "Наш край" № 6-7, с.10-25, № 8-9, с.8-20 (1929); В.Шкільтэр. Латыскія калёніі на Беларусі. Гістарычнае развіццё латыскіх сялянскіх гаспадарак. Мінск, 1931.
16. На территории буржуазной литовской республики в момент ее образования около 3% населения составляло польско-язычное население (поляки) и около 7% - литовско-польские билингвы, нередко с переходным литовско-польским самосознанием.
17. А.Marynański. Współczesne wędrówki ludów. Wrocław - Warszawa - Kraków. 1966, с.120, 122.
18. Т.М.Судник. Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М., 1975, и др.
19. А.Б.Брейдак. К вопросу о фонетической интерференции в Латгалии. - "Baltistica", XII (1), Vilnius, 1976, с. 31-37.
20. А.Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St.Peterburg, 1892; А.Bielenstein. Atlas der Ethnologischen Geographie des heutigen und des prahistorischen Lettenlandes. St.Peterburg - Riga, 1892; К.Vūga. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961, T.3, с.559-575; К.Garšva. Lietuvių kalbos salos pietryčių Latvijoje. - В кн.: Mūsų kalba, 1977, N 6, с.39-42.
21. Основные данные взяты из исчисления М.Лебединца, данные о старосорбидцах, отсутствующие у М.Лебединца, взяты из других источников.

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ
ЛИТОВСКИЕ ГОВОРЫ ВИЛЕНЩИНЫ И ГРОДНЕНЩИНЫ

...bradaĩ - balà ir tì vùpis bé·gò | gelkõ vadzĩnõs
bradaĩ, - vá·ngenõ bùvo cìk ik šitá·m dá·ikti | [pasakoja,
kad] ā·j kũ·mas su ku·mù, nãššẽ vaĩku bažní·čõn krikscié
zùbalotén | ko·kis bernùkas má·udõs tam bradi, ir ā·ni·s kap
cìk ùpén inliñdõ, tẽp taz bernùkas susùki špi·gù kũ·mu nó·
sin | o·ku·mà sã·kõ: "iĩnk pá·lku ir tũ jĩ pá·lku..., -
ká·m gi ā·nas bã·dõ tavì špi·gom nó·sin" | [o] cã vá·ngenù
plaũkã ir pá·lka jãu | ā·nas žu pá·lkõs, kũ·mas, - ir jĩ·
mũšç' [norì] | ā·nas to·laũ [traukias], taz bernùkas | kũ to·
laũ, tai vá·ngenõ daugãũ, gilãũ vis, ir tas kũ·mas papuošẽ
duobẽn ir nustã·pij | kumã ěmẽ rẽ·kç, o kũ·mas nustã·pij |
sviéta(s) subé·gõ, - jaũ kũ·mas vá·ngenõ prigé·rĩs, jaũ
nustã·pij | itas bernùkas nubé·gõ po·kur gù šiẽnõ, kur sùgrepta,
sédzi ir juõkçs, sã·kõ: "jaũ àš víenu dũ·šu ir turù", -
vãlinas bùvo apsi·veĩki. bernukù

Записала А. Йонайтите в дер. Лелюшм (в 4-х км от дер.
Пеляса) Вороновского р-на Гродненской обл. БССР в 1975 г.
от Доминика Ракутиса.

Kalĩsçe senãũs, macnaĩ tai seneĩ, žmõnõs bùvo labaĩ
dá·r durnì an svieto, niẽko neprãto, ka(b) bú·c' an svieto |
kat sá·ulẽ, siẽtan sá·ulẽ žibina, apklõjã bó·ba ituom
kvartukù ir nãšša pířkõn šviẽsumu | tai macnaĩ svietas bùvo
durnì | tai dziẽvas apsimètẽ tokù žebro·kù ir ā·j per ũ·li·
čas, kuř kòkõ·s pirkẽ·lẽs blõ·gos | ir põ·rijõ, ka(b) bú·c'
an svieto jiem, mó·kinõ visap | taðũ ā·jõ per víenu.ũ·li·ču.
taz žebřõ·kas - apsimãtis dziẽvas, - dziẽvas apsimãtis
žebro·ku, - ā·jõ ā·jõ - ir prã·šo·si jau nakciñ - untẽ·
mõ | žuveĩdo pas víenu po·galù paču, - pirkẽ graži, bavó·

ta(s) žmo·gùs bū·na - žuveĩdo ir prã·šo.s nakiñ | tàs
 tévas - sã·nis jau - vne·rà kuř nakvó·c', nèpriĩmsim, oã
 va pas manì tai vaikaĩ, tai... draugẽ, aĩk iã pĩfkõs
 sã·u oã kur prašĩ·kis to·laũ | tàz gi sã·nis išėĩdo ankiẽmõ,
 o jõ tàs jau pralaĩzdo jau gaspadõ·rus | pralaĩzdo pro vartùs,
 atké·žẽ: "nù, aĩk! nù!" - ir nũkterẽ, išlaizdzinẽdamas tu
 žẽbrõ·ku. | kap nũkterẽ., tai ã·nas jĩ àvvertẽ. á·rklu |
 àvvertẽ. á·rklu, - bá·ltas arklũkas pazdã·rẽ, ir apinastris
 an jõ su pavadẽ·lũ | pã·sẽ·mẽ. ã·nas tu arklũku. ir vã·das, taz
 žẽbrõkas | dãsvedẽ paãã galañ, - ti biẽdnaz žmogẽlis,
 pirkã·žẽ blo·gũtẽ, adri·nãžẽ to·kã mažukũtẽ ir žuvãjti ,
 prã·šõs nakiñ | tàz gaspadnikẽ·lis žmo·gùs sã·kõ: "inlai-
 stãu aš, dziedũle, tavì nakiñ, ale kad gi ito arklũko
 nebũs kuř pastací·c' | òt", - sã·ko, - "gal kuř kampã·li, ti
 kurãm prakraũli·c' - pastací·si itũ arklũku, ã·nas ir
 ankiãtaĩ pasto·vẽ·s | o, - sã·ko, - "del' tavĩ tai bet kuř
 pakló·sũ, [..] isigužẽ·si, kõ·gi" | ě·mẽ, prakraũlijo
 kampã·li. ti kũr tvã·rti, tu arklũku. priĩrišõ užũ pavadẽ-
 žẽs | sã·kõ: "itã·m arklũku tai gal' já·m pẽ·du šaudũ
 turĩ tai inmẽsk, - jõ šã·rc' gerĩ neraĩkã, ã·nas ir tẽp
 jẽ·s" | tàs šaudũ àtnãžẽ pẽ·džli, mãžtẽ kampañ | arklũkas tas
 ě·mẽ. griẽšc' | paskũñ taz dziedãdas žuvã·jõ piĩkon, pakló·jõ
 já·m, dã·u paveãeró·c', ir pakló·j, isigužẽ·jõ taz dziedãdas |
 nù, ir an riĩtõjõ išėidzinẽ·dama(s) sã·kõ: "ãš tá·u itũ
 arklũku paliksũ iš tai, ku tu manì nakiñ priĩmei | tũ itũ
 arklũkũ važó(k) ku·nó·ri, ã·nas ta·u tĩ·s geraĩ jir...
 jir á·rk·sa·u, an dúonos ka turẽtai, ã·nas", - sã·ko, -
 "dũžas, tá·u tĩ·s" | taz gi, taz gi jau gaspadni·kẽ·lis

tai sã·kõ: "dzẽ·ku, dziedùle,ãš juõm daĩbuĩsu, bẽtu
 má·n paliksì" | taz dziẽda(s) sã·kõ: "kap ãš ataisù, tai
 tadù ãš jí pasimsù | ìtai ga·l' zu·kõ kũ trĩj mã·tu ãš
 ataisù dá·r" taz gi gaspadni·kẽ·lis kap sulaũks á·rc',
 kat paskĩnkĩ·s tu·á·rkli, o·bo·tagù pã·sõ·nus!kap ãrE.,
 tep ã·rE.: kat prĩsarE. an rugũ, kat prĩsarE. an grĩku!
 paskĩņķe jí važõ·c' pĩr·kũ: stacĩci, pã·galus|prĩsvežE
 pagalũ, pasistã·tẽ pĩr·kũ | o·tàs arklũkas iř riebùs, - ir
 blo·gaĩ šãra, ir riebùs, ne kũ·das | važuojã pã·ũ·li·ču,
 vžã pã·gali, tas arklũkas daĩrõs cie(s) sã·namaĩs ir
 strikc ìtan... kiemaņ, vartuõsna sã·vo, iř kuř ã·nas
 išeĩdo. | tai tà(z) žmogẽ·lis krĩept' bo·tagù pã·sõ·nu: "o
 kuř tu cã kiemuõsna lá·ndzõ·ji, svžẽcimo. kiemuõsna?!" jíř
 jí - pã·sõ·nu, jíř važõ·j | prĩvažõ·j ã·nas am pĩr·kõ·s,
 jíř am priemñes, ir aņ kamarõ·s! pasistã·tẽ, ir... ir ã·ra,
 ir jaũ trĩs mãtai praã·j veļ, atẽĩdo. taz žmog... taz
 dziẽdas veļ | "nù, tai kũ", - sã·ko, - jau?" "ã·i", - sãko,
 - "ka·tá·u dzievũlis duõt sveikã·tu! kap ãš", - sã·ko, -
 "žubavõ·tau gi ìtai! o·daũk mã·no ... grĩku", - sã·ko, -
 "prĩsarau, ir rugũ prĩsarau, prĩskũ·lau'." sãnaũ gi žã·mes
 kíek cik sĩ·los turé·jei, cie(g) gaĩE·jei á·rc', bo mã·ža
 svĩeto bũvo, žã·mes kíek kàs no·rÉ·j, cíek ã·rE, - mažãĩ
 dá·r... apsigi·vžẽ·ni·bũvo an žã·mes svĩeto. | tadù taz
 dziẽda(s) sã·kõ: "nù, tai ãš jau ìtu arklũku imšù" "jĩmk",
 - sã·ko, - "dziedùle, dzẽ·kui, dzẽ·kui. ku·tu má·n an cíek
 čẽ·so jí daveĩ | až gi dař žubavõ·tau jau" | nù tai padžẽ·
 kavõ·j ta·m dziẽdu, ir jaũ taz dziẽdas pãima tu arklũku,
 vžẽde, vžẽde, dãvedẽ cies taĩs namaĩs, vartùs praké·žE
 ir... inlá·idẽ, ì pasdã·rE žmo·gùs! ir jau veļ to·kìs pãc!

ale barzdà jo suá'ugo' d'ito'kæ - ik júostai! žinà, pær
 tris mztus já'm gi á'ugo. an dákto kařču barzdà vis tai |
 ir ineido piř'kon | o'ciěj piřko'j - té'vas išá'j gi,
 išvãre dziėdu, ir té'vas pragaĩšo | veizdė jo ir po visus...
 po visàs šalís, klausinėjo - kuř té'vas pragaĩšo. | ažna
 tas... tas té'vas ineido piřko'n | dabó'jæ marci : "dgi
 ar ne té'vas? dgi ar ne tē'vas?" o'vaikaĩ dabó'c:
 "dziedùle, itai tù?!" djeĩ kad apstõ's vaikaĩ: "dziedùle,
 o'tã barzdãle dzidzùtė! Ő kuř tu buvaĩ, dziedùle?" -
 "Ői, vaikaĩ | i", - sã'ko, - "až buvaũ tai buvaũ! aš jùs
 kazdziėn ragė'jau, ale aš ũ'tarić' negaĩtė. | jau, manì pær
 šo'nus bo'tagù da'r kriėpijo" | ir sã'ko: "gi vã aš itãm
 to'ká'm i to'kám [...] išvežau, piř'ku pastataũ, ir manì
 šė'rė cik ...

Записали в дер. Пеляса Вороновского р-на Гродненской
 обл. БССР в 1971 г. от Казимира Коменча Р.Карпаускайте и
 А.Юшка. Транскрипция А. Ионайтите.

báika

bũvõ to'kis žmo'gùs|nù, ã'nas bũv nakcigo'nė'j, ir sã-
 ke kũ'itai ... žmó'ņes ũ'tarij, ku'papá'rcis ží'dzi nakcù,
 dzvílktu nakcù|nù, ir ã'nas pateró'j á'rklus, dzví'lktu
 nakcù ã'j vi'zdí'éc', ir já'm... já'm inskrĩdo papá'rcõ žíedasi
 nù, ir ã'na(s) žinó'j visa, - kà(p) paukšćĩ kaĩba, kãb gi-
 vulĩ višì kaĩba, ir visa žinó'j | ir paskũ žinó'j, kadù
 kũ'sė'c', kadù kù' darĩ'c' ir... | išá'j ã'nas sė'c' já'võ
 an laũk , ir sé'jæ, ir vis bí'rkšteræ-dabó'jæ in daũgu,
 bí'rkštenæ-dabó'jæ viršũ | ažna važuojæ kùnigas | ir kùnigas
 dabó'jæ, kũ' ã'nas tẽp dã'ro | pãšsaukė jo pa(s) savì ir sã-

ko.: "žmo·gaũ, kũ·tu daraĩ?" sã·kɔ: "sė·ju" | "õ·kõĩ·tu", -
sã·kɔ, - "bí·rkšteri ir... ir in viřšv. dabó·ji?" "à(š)", -
sã·kɔ, - "bí·rkšteru ir žu·raũ, kadu aũks, kadu neaũks"
... "tai tũ", - sã·kɔ, - "žinaĩ, kadu tũ ir mirsi?" "žinaũ"
"daũk", - sã·kɔ, - "gi tũ gi·vã·nsi an svietɔ?" sã·kɔ:
"až gi·vã·nsũ an(t) svietɔs dá·r trajis metũs "taĩ", -
sã·kɔ, "ga·l' tũ žinaĩ, kadu ir aš mirsũ? sã·kɔ, tũ mirsi
an veli.kũ, šuómet | o jãigu, - sã·kɔ, - "nuveisi, kũ·pavo·
ksi, tai", - sã·kɔ - "nemirsi, o jãi nepavo·ksi, tai,
numirsi" | nũ, ir kũnigas gi jau laukã veli.kũ | ir kab gi
galvó·jã, - kũnigu võ·kc' nè(s)seka, nõ, ale gi mĩsije eĩc'
kũ·võ·kc' | nũ, ir atã·j veli·kɔs, ir kũnigas nuvã·j | nuvã·j,
- nu, kũ·já·m pavõ·kc' ? ã·nas nuvã·j pas vienu·gaspadõ·ru·
pãvqgė. drãnnu. rã·tu. | ale bũvo jau iš rĩ·tɔ, jau já·m reikė
j ã·ra kã·lcis | nũ, vòt ir ã·nas atã·j po lãngu ir dabó·jã
ažna kũ·chorka já·m padã·rẽ jau arbõ·tu· gãrc' ir pridėj
atrũ·tɔs ir su kitũ kalba, sã·kɔ: "tũ šitõ·s neklũdzi·k,
šitõ·s ... šitõ·s sklėnĩ·čos, ale i[s] šitõ·s gãrk, i[s] šitõ·s
testa kũnigas jau jĩ atrũ·ci·sim" | nũ, kũnigas tadũ inãj
sã·vo kambariĩ ir sėdõ·s vá·lgi·c' ir liėpė tũ·sklėnĩ·cu·
gãrc' ta·i sã·vo služã·ŋkai o·pac negė·rẽ | ir služã·ŋka izgė·
rẽ ir tũ kart nũmirė; o kũnigas liko gi·vas | o·ta(s) žmo·
gũs uš trajũ mãtu nũmirė. |

Записал А.Юшка от уроженца дер. Дубинцы (близ дер.

Пеляса) Доминика Ковзы (лента № 1248 из фонотеки Сектора
фольклора Института литовского языка и литературы). Транс-
крипция А. Йонайтите.

Sanaũ labai rataĩ žmó·ņes i·vi lñu važã·vo, rėišķã,
 to·limesniejei|nù, bet tãķo vienã·m nuvažúoc' i· vılñu ir
 jıs tãn nusipiřķo naujũs batũs | jıs jau grĩ·žã namõ... |
 grĩ·š namõ ir su šitaĩs bãtais | o·cã vageĩ ... vageĩ pamã-
 te, kat bãtai gerĩ, geró·kai ir jiẽ kainúojã sã·ķo, kãp
 cã múm jie pavõ·ķc', šit^uos batũs nuo jõ? - jıs apsiã·vis
 aĩna|nu kaip? jie ē·me aņ kã·lõ pã·štis, šicie vageĩ
 viens su kitu | rėišķã, pãšasi jie tãn, stú·mdosi, dãũžosi |
 šita(s) žmogũs susilĩ·ginã aĩnan't su jãĩs ir sã·ķo: "nù,
 draugaĩ", - sã·ķo, - "kã·ju·s cã", - sã·ķo, - "tai(p)
 pãsatẽs, kã·ju·s tãn taip koló·jãtẽs" | "nù", - sã·ķo, -
 "kã·! ? itai pãr tavi", - sã·ķo | "nù, kai(p) pãr tavi? jĩ(s)
 sã·ķo, kat aņ tã kó·ju keturi, piřštai, o·ã (s) sakaũ, kad gi
 penķi : ir vienas vienã·m sã·ķo(m): kaĩb gi cã netaisĩ·be
 tai kat pãnķi, kad bet keturi", - ir pam't jãm in snũki,
 rėišķã, vagis vã·gũ | "nã", - sã·ķo, - "tai kõ·ju·s pãsatẽs,
 tai aš jums paró·dzĩsũ, nesipãškit" | jıs nusiaũna sã·vo bã-
 ta ir stã·to šitaip | o·kitas: "ãle", - sã·ķo, - "an tõ·s
 kó·jõs keturi! jıs ir šitu nusiave ir ró·do | o·jau antrãsis
 u(š) šitu·bã·tu. - jau nuẽ·jõ, jau su šituõ tũri pókalbi. |
 acigrĩ·šta - nãrã šitõ jau vagiẽs su šitais bã·tais!" "õ·k", -
 sã·ķo, - "nelaimĩ·ņgas jis - vagis", - sã·ķo, - "kaĩp itai
 gã·li bú·c", - sã·ķo, - "kat itai ... palã·uk", - sã·ķo, -
 "ãš jĩ nusivĩ·sũ" | jıs pradẽ·jõ ví·cis šitu, o·tas pirmaũs,
 o·ãntras paskũĩ - ir pabẽ·gõ, ir likõ žmogũs bæ·bã·tu.,
 ir pãvo·gẽ jõ batũs

Записал в дер. Поляса от Монаса Каневича А.Мшка в
 1971 (лента № 1248 Сектора фольклора). Транскрипция
 А.Монайтисе.

...mažai a[š] žināu...|nū, tai [merginos] nuveina
 atāneša mā.lku, kat vis li.gus atnāstu: va nū ti nū ar šeši
 [pagaliai], ar keturi, ar kiek - tai jo li.gus [skalčius],
 tai išteke's, a kai vienas li.šnas, tai neišteke's - piñki,
 tai neišteke's | nū, kur mergū i.r, tai susreñka ir tū.ri ká-
 ulu - pa ká.ului, pa ká.ului tū.ri | nū, ir padé.jā ...
 padé.s káulus [ant žemės] - ve.nō.s, kitō.s, trėcō.s...
 [..] unlais šū.ni, katrō.s ká.ulū paiims šuvà, tai tō.j
 pirmà tekē.s jo | nū, a.nas mū.sijā [..] unfe.kis pajimt'
 káulu! nū, pòtam išeis [kieman] mergà joũ ir numēs sà.va jo
 tã... nū ... bú.t... òbuv' já.ki tam, pantòfel' už vartu,
 i katrã šó.nan nō.si nužē.ks, tai tañ šó.nan nuveis anà jo |
 [..] nū, ir kũ.cə dō.? dō.gi kũ.cznai dā.re? nū, neatá-
 menu jau dabar, kũ.dari.dava | nū, išeina kuř... išeina...
 pa.večrei, jo pa.kũ.cei, išeis i paklausis, katrã šó.ni
 šū.nes lō.jā | nū, tai katrã šó.ni, tai [..] ti išteke's |
 nū, òt, a daugãũ tai nē... nē... nežinãũ daugãũ | [..] nū,
 ar preš naujūs metūs vā.karu, ar naujũ mžtu tai lā.jā
 [laimes] | iř padé.s pinigus, ražoñču jir žiėdu, nū ir ta-
 dũ [juos] abdi]ks... pa tarielkũ | ir išeis tō.j, anà [..]
 padaris ir išeis | nu a.tà, katrũ nu àt..., àt..., àt...
 atveřs: nū, kai žiėdu [atvoš], tai išteke's, a kai pi-
 nigus, ražoñču, ta(i) jau nē, tai tuos metūs neišteke's,
 neišteke's | [..] kàs ci.na tū.ri, tai iš ci.na lā.jā |
 òt susreñka iř [lieja ir žiūri] kas išeis, jo kũ iš ú.ndene
 išims, kàs išeis [..] juokxs pòtam: tai tá.u lapsi's,
 tai tá.u tās, táu tās |.. kũ.cəj [..] išeina vò paklau-
 si't pa kitũ pirkũ, paklausit' išeina, kũ... kũ.ũ.tura, i

tai jāk... ku·cæ jau, kučõ·j | tai [jei] sã·ka: "nuaĩk tu,
 atnẽ·šk", tai jo gerãĩ, tai jo išeĩs [už vyro], a kai
 pasakis: "raĩkæ ti aĩti" - "a kur tu aisi, sa. | dẽk", -
 nũ, tai tõ·j jo neišeĩs sã·met | [..] nũ, a kai sã·ka
 aplin(k) kã·minu aĩt'c/kũcioj, nũ tai bãika tõ·kæ bũ·va |
 põ·næ sã·ka [tarnaitel]: "aĩk tũ apliñ(k) kã·minu | užlipk
 [ant pirkios], apliñ(k) kã·minu aĩk, - kũ sutiksĩ?!" nũ
 anà užũ·lipe, jak ... [éjo], susti·ka põ·nu. | atẽ·jæ [pas
 ponia] | "nũ, kũ tũ sus... kũ tũ sustikaĩ?" - "ã·", - sã·ka,
 - "neklausĩ su daugãũ nigdi pañõ·s - ašai põ·nu sustikaũ,
 ajaũ aplin(k) kã·minu i põ·nu sustikaũ - "ã·" - sã·ka -
 "aš pamiršũ, a tũ už jõ ištekesi" | nũ, tai, sã·ka, teĩp i
 bũ·va | [..] [per kũcias stala] su sienũ klõjæ [..]
 [pavalgius kũcias, valgiai] tai teĩp ir stõ·vi, vi·skas
 stõ·vi | un ritõ·jaus paskẽls, nuiĩms [viskã] na stã·la,
 šienũ pajiĩs ir nãša gi·vulã·m: avã·lai kãrve·m nãša tu·
 šienũ na stã·la, - jo nãša gi·vulã·m | [per kũcias traukia
 iš po staltiesės šieno stiebelius] jei jĩ·lgu - tai ilgãĩ
 giviĩs, a kaĩ... trumpẽsnis, tai... neiilgãĩ giviĩs/ nũ,
 ir jieskajæ, kõ·ks gru·das [kũčių stalo šiene] bũs | nũ,
 rãs tai žĩ·rni, tai mieži, - kaki rãs gru·du, tai taksaĩ
 [javas] derẽ·s sãmet | ale tegũl dabaĩ parãs gru·du [šiene]:
 kai [seniau] bũ·va klaĩmas, kai kũ·le - ir uniẽ·ks
 šienan gru·dũlis | tegũl dabaĩ šienũ pasklõ·s ir gru·du
 rãs: a tadũ gru·da jieska·jæ, - kõ·ks gru·das, kaki gru·-
 du rãs, tai šĩtais mãtais ta·ksaĩ derẽs, bũs uradzaũnus |

Записала А. Ионайтене в 1968 г. от Домицели Матлакене,
 уроженки дер. Склеящый Вильнюсского р-на.

...kàp aš buvã mažèsnė; tĩ visì susiranka|visà o' ita ũ·li·čà draugė·j itai bũvo vesã·la|visì suveĩna ir gieda, ir šo·ka, ir visa|itai trũdna pasakĩ·c', nã·t užmi-ršãũ |nũ, tai, kap mès suveĩnam vakaraĩs, tai mès kuodelũs veĩpė·me gi, i[r] ratelũs turėjo·m, ir kuodelũs ir kap suveĩname, kap mès teĩ veĩpam, tep dainũojam |òt mès prisdainã·vo·me ói, ói|ãš tai negalũ užmiršç', kab atsĩmenu, kap mũmĩem bũvo vesã·la ir geraĩ, tai geraũ kap va daĩ šitò's s rãdijo·s, kũ ã·no·s čà...| šitò·ku·giesmũ nemo·kė·j, ir mókė·t nemo·kė·s, kũ mès mo·kė·jo·me ir kũ mès dainã·vo·m | ir lietũviškai, ir lãnkĩškai, ir rũsiškai, vis visãp kaĩp, visó·kas |

per vã·karu itũ veĩpė·m su balanũ, gi nebũvo·karasĩno· | tai balanãs cik užĩbam | to·kĩ dziẽdu pãkara, o' čà zo·slã·nu' pastã·to·m, čà sũolus, okõ·lo·sėdamė·s ir veĩpam | o' daũk suveĩna, kokũ dẽ·šimci, o' bernũ kãp ataĩna daũk, kuodelũs ir dẽ·gina | kab mãlku' àtneša, kap pãkura... | tai ko·kĩ lakmõ·nu' pãstveri ir apkló·jai, tai pagesinì, o' teĩp trũdna vãndenũ | bũvo·visakap, al' jaũ daĩ, tai daĩ iškãsavó·j kuodelũs ir visa ratelũs, nẽ·r niẽko | vã·karas atė·jo ir nuvejaũ su kuodelũ, tai ligi dzví·liktai sũkam túos ratelũs, veĩpam | nu, tai tadũ jaũ aĩnam namõ, kas sãu | o' ir nu·nãi ir vė·lã·i, kas tũri kãm namiẽ kũ·lc' ar kũ darĩ·c', tai aĩna perdziẽn | o' kap mès, reĩka mũmĩm kũ·lc', reĩka mãlko's važuot, reĩka pilavó·c', reĩka visa, nẽ·r kadũ aĩc', jaũ cik vakarì, o' | visó·ku' darbũ bũvo, o' daĩ tai geraĩ | alė kap daĩ geraĩ | o' mã·n negerãĩ, bo' aš jaũ negalũ dí·rpt', negerãĩ | kap galė·jai ir galì visa dí·rpt', tai tadũ geraĩ | kap jáunas, tai geraĩ ir givėnt' | o' daĩ acĩgulei - só·pa, ir

paské'lei - só'pa, ir trùdna užmiršč' ir trùdna užmikc'|o
 kap kadù stó'jas šitas dzieglí's, tai negali paveíc, anè'
 stó'c'| nedaūgi aceina ir vè'lá'i to'laū...

mã té'vas pãmire; paliko' mažàs, tai mès ir kù'lẽme, per
 dienàs tàs kùlam, pérkulame| kùla dzvijo'sa trijo:|sà,
 al' tai trùdna mo'ké'c'|jaū dzvijo'sa, tai gerá'usa|kap
 prízdedi, tai geraĩ kù'lc', o kap nè, tai tẽp maĩšo's,
 negali...|spragelaĩs kù'lẽme|spragelaĩs kap kù'lẽme,
 òt àš prisiku'lau| ir vè'jau vè'ci'kli ir vĩa|nebùvo
 ká'm, o reiké'j dí'rpc'| cik sesẽ'lẽs, tai mès trĩ's cà|kæ-
 tuřo's bùvo'm, tai viena mergù pãmire|an ak'ũ slòbà bùvo;
 nelšteké'j, tai ir pãmire'|o dar dzvidezims mã'tu'kap
 numirus| ir kità nùmire| ví'resné's [sesëlẽs] nùmire|o
 dar viena bùvo pas mikó'ni' nuteké'jus, teñ an viešo'kẽ'lo,
 al' dar anà ví'lni' pas sú'nu'|

àbmetam an...àmetè'm an snú'iku|snú'iko's bùvo padarí-
 ta k'blaĩ bùvo'razvarí'ta vienañ gali ir kitañ|n'ò síeno's
 an síeno's|o pòto'm jaū, kap ã'nè's... ã'nè's snú'iko's,
 tai vidurĩ piřko's sukè'an tũ snú'iku kíek síenu'izdeda,
 penkàs, šešàs, nu ir dešim's síenu izdedi, dzví'lika, tai
 daūgi reĩka skraidzí'c', ciẽlu dziẽnu|o kap jau snú'iko's,
 tai jau graicáũ, an dá'ikto' stó'vi|ir sukì cik tũ'vi'tusku;
 tai graicáũ|nù, òt ragì, tai teipõ ir bùvo|o potòm jaū
 reĩka pameřkc' vandenĩ, atkù'lc', nu, išdžo'ví'nc' ir
 apriẽsc'|sã'ko, aĩnam riẽsc' jaū, reĩka riẽsc'|aprieci an
 vè'lano', nu, ir tadù jaū ní'ci'snan vè'ra, reĩka ní'ci-
 snan vè'rc tadù skietañ suvé'rei, ažrišai ir pradé'jai
 há'usc'|keturõ'm ir aštuonõ m, ir dešim's, ir dzví'lika
 ní'cu' [audzia], kíek nó'ri o, ir àš paci'vè'ru, ir

aštúonás, ir dešims, aštuoŋó·lika, ir vís... | kas ti zo
 sunkí·bė | kab mó·ki, tai vísa geraĩ dari·c' | ir á·udė·me,
 ir mo·ké·jo·me, ir... | dá·r daĩ kókàs..., tai dár sunkaũ
 ir pė·rrinkti, ir iša·usc' | reĩka tėp iša·usc' | o·tėp
 suvé·rei, panažá·iku prikabinaĩ | kėiek tí i·rà ní·cu·,
 tíek panažá·iku | nu, ir po·tás panažá·ikas reĩka vá·ikščo·c'
 kó·jo·m ir mí·nc' | reĩka žinó·c', kap nežinó·si, tai niėko
 nebūs |

pòtim iša·udzi ir bá·lcinc' reĩka dá·r aĩsau, kab á·usc' |
 á·usc' jau kėiek tí dzienũ ar tũ·savá·itu, o kab bá·lcinc',
 tai reĩka gi per vísu·pavã·sari·tũ·vá·ndeni·tu·sí·c' ir vís
 ví·lgi·c', ir vís tu·sí·c' | daĩ geraũ, daĩ langvaũ, òt pirma
 sunku dí·rbo·m | kad daĩ vísa gã·tava ir pašú·ta nã·vet |
 nuvejaĩ ir isidė·jai, ir nuvejaĩ, o tadũ tai vís dúok išbá·
 lcinc', pòto·m pašú·c' nėškĩ kas kō·žnas nemo·ké·j sú·c',
 reikė·j nėšč' | reĩka nėšč ir užmo·ké·c' švõ·čko·m |

Записал А. Виду́гирис в 1974 г. от М. Тубините-
 Кислаускене, уроженки дер. Шауляй Шальчининкско-
 го р-на Литовской ССР.

Л А Т В И Ш С К И Е Г О В О Р Ы

ТЕКСТЫ ПЫЛДЕНСКОГО ГОВОРА ЛУДЗЕНСКОГО РАЙОНА ЛАТВИЙСКОЙ ССР

nu vot Sylovuõs itä iz Gräizuo kôžna bytta ba bïe bažñêica. miša laikâ kâi bytta ba prokryta ài vysu bažñêickungu, ài vysim ļaudim (kâi vacy ļauc stûosta, il'i parëizi, il'i naparëizi); zämä rozaskëira i prokryta. miša laikâ (vacy stûostä) vâļ zvaņä, tagat to nazvona.

*

jys kläusäs, jäm syt pi lûga, klïc: "pi lîpa tovu diervu àuzu zÿrgi ât!" a jys pazavära, nàu hikuo. otkûon klïc, ùträizi jäm atkuortoi (itys bïe lična parëizi): "jäu tovu diervu bäic âst zÿrgi! ài, soka, drëizûok!" tot jys svëitu izlyka (seņûok bïe lelyš svëitys) i pädalsä is tîni. nùgò is tîni. a tî jäu iscälušš bïe ostõini gärcy zalta trejûs. tî nübäga päceli, kâi iräuzä jù, a zaltu tu pamätä iz dÛbiš molys. i tot is (= jys) lyka zäm pozusi šäu i atņazä is sätu. kumu satyka, tai sacä: "esi läimëiga, täu byš doļa". vâļ säulëitä çut ļacä, ka jys pašä. tys bïe vâļ çutna pi kungu. pä itù nâudu is (= jys) nÛperka Maçinkys - pòļvarku nu kunga, pätom Kroškys nÛperka brüolim sovim, pätom Pävys vïtu nÛperka - pòļvarku.

jys bïe muna žeda brüoļš. paç juò narežïeju, vâļ možinxs beju.

*

tys kunks bïe sazadsmuõis is sova dâla (tys bïe Nierza pogostä), patäisä papëirus, pi načälñiku apstypryno, pi notara, ka maņ daslÛžäsit' da munys šmierç, a dâlam

nâ, pal'iglot brèivì. Papsùikûs pì vîna globùojâs tì pa-
pèiry.

nu i vot kâi kûnks nûmyra, patâisâ ìrûcus - pábòinís
i apsyta vyss kûngus jûs apvydâ. i tot izbrauçä prystâus
ài strážnikim jûs mîrÿetu. pÿrma nu kalastûs sùovä. jì
vâļ âukšûok paçâļa sovus ìrûcus - pábòinís. jîm sacâ:
"nûlicit' ìrûcus, pazadûdit' kolpojit' kûnga dâlâm!" jì
sacâ: "mâs daslûžâm tâvam, jys mÿusus atlâidâ, i mâs dâlâm
nakòlpûosim: "kâi dävâ zâlpu. jûs na kryutîs sùovä, a
k'ojûos. Papsùiku Barânc bìe dyžân styprys, obejûos
k'ojûos bìe pòrsâuc. prystâus iz zÿrga dajûo i sûoka
runûot: "pÿkš kâm tu, soka, gùoji? kùo tâu mos bìe?" jys
[Barânc] soka: "nûjîmtu as tâu gôļvu, vîņ kùoju nàu!" kâi
lyka zÿrgâm ài pábòinî i nûsyta zÿrgu. prystâus nùbâga
tot nu jûo. kurÿ pòrsauty, tì palyka iz vîtys i apmyra,
nùtâcâ ài ašni.

a itys ài papèiryĕm nùbrauçä ài zÿrgu is Pètragraðu da
kîeņeņa. kîeņeņç adbrèivûo, kâi nùvädâ itûs papèirus. tot
jì palyka vòļnÿ dvaccac godÿm pÿrma kâi pì mÿsu.

jûs adgûo dešmit' pûišu pì Juzupynovys mûižys, kùr tân
Semuçç žèivòì. devèinî sûoka plaut'. dasmytÿs, itys Ontònc,
Buļu Viktura žec, acagula iz ežmaļa, acagula i gùļ. iz
itûs struodniku jys soka: "as itâm vâlnâm vâira nakòlpûošu.
parùodîešu jÿusim brèinumu šudîņ".

prauļajušçÿs ìrauzâ, što devèinî plâun, a dasmytÿs
gùļ, iskaptâ ìsprâusta, i sûoka ài kùojòm kašt'. pajâmâ
nagaiku i skÿrÿn blâudâms, što šisšu tevî. kâi pocskrà

tyvúok, cáľás kùojúos itys Ontònc, i sazačára kryútí's.
 tot upràulajuščù jys pagúožá iz zámí's, acasáda ráitu iz
 juo, tuláicéit pajámä pèipí's odotu (seňúok pí pèipu bìe
 odotys) pajámä vínu aci izgrýžä pràulajuščýjam, ùtrù.
 tuláik pajámä nu kíseta tabákys ài sàuví, íbuožä vínä aci
 i ùtrá; i tot nùjámä capury, pízacáľa kùojúos, pazaklapà
 i pasčá: "palícit vasaly! vaira maňi naražásit!" i nùgò
 pàčeli.

tys bìe da milapesta pàr káidu díudesmit' godu.

itys váľ prygonu láiká bìe, ka kùngim díňà. kùns tí
 proroka grúoví nu ísúokuma, a pryšká bìe željža rešetka
 ilykta: bìe paruna, ka díu bucys zalta jèr [azará]. kái
 gùo tys íudíňc i rešetku nùpasä, i azàrs nùgò pàčeli.
 itys bìe rudíň jàu. munàm tàvàm tymá láiká bìe káidu
 díupačmit' vai desmit' godu tymá láiká, ka tys azàrs nùláiss
 tyka. munc tàus bìe lèmkús pí žeda tòlká pàr povožňiku.
 kùns bìe dazynúojs' sítu. a jì kái bärny skráidä. jys bìe
 váľ kùojí's sadazynúojs', pàrtù ka pálnús bìe gùňc.

zám Rèigu èr nùsàukùms Aplýužňis'. nu vot Aplýužňa
 azàrs kái bytta ba tyučí pazacáľa. grúous bìe proràuss.
 rešetku àizlyka pryšká. kái trožà ít, i rešetku nùpasä, i
 vysu. díu máitíňis' bìe pí pùra nùgòjušč. vína soka:
 "lèic býs. ísim pàčeli!" a ùtrèi soka: "ná, itä azàrs
 atít - Aplýužňis'". nu i tot tèi izgùo, kurèi adgùodùo. a
 kurèi nàdgùodùo, tèi palyka. i tí pazatàisä azàrs.

žêivùoja i stàigùoja is pràgùlkys kačêic', vèprêic', vùcýnc i vïeršš. ít ràizi vèprys mežâ, satèik lùoci. vot jì gùlòì pa kôžnu. a kačêic' ít i pùrt': "u-ù, u-ù". kačêic' ít tyvùok i tyvùok. a lùocè dùmòì: "nu i dùsu". lùocè soka: "vâk globùotìs". vèprys ìlèin lopùos, lùocè ìlèin aglî. i kluss. a kačêic' stàigòì, klàusàs - naskas čàukšt' lopùos. kačêic' podzalavâ. a vèprêic' ài àstì vùrcynòì. kâi ÷aks' kačêic' vèpràm iz àstìs ài nogim! vèprys aizabùovâ, da pàcelì. da kùr jàm [kačêisâm] liktìs. da skryš' tymâ aglî, kùr lùocè. a lùocè dùmòì, ka jàu itâidu stypryñiku saplâšâ, to màp gòls. kâi kryta iz' aglìs zoru i rospļâšâ vâdaru.

vïeršš sadùmòì, kù ža darât'. jùotâisa ustoba. ít da gâilja: "atìs sôlta žìma. tàisàsìm ustobu!" - "kàm ža màp ustobys? ìzaràuššu sýunùos, màp i sýlc bÿs".

ít da zùsyna: "atít sôlta žìma. sôlc bÿs. tàisàsìm ustobu!" - "kàm ža màp ustobys? vînu spùornu zàm suòným, ài ùtru abzasekšu, màp i sýlc bÿs".

nùit da ucyna. vucýnc: "kùo?" - "atìs sôlta žìma. bÿs sôlta žìma. tàisàsìm ustobu!" ucýnc fu-tù nùškàudùo: "kàm ža màp ustobys? švèita, kažuks mugorâ, màp i sýlc".

ah, kù ža darât? nùit da vèpra: "vèpry, tàisàsìm ustobu! sôlc palìks". - "fu-tù! kàm ža màp ustobys? lopùos ìzaràuššu, màp bÿs i sýlc".

vînc pàc vïeršš patâisâ ustobu.

rudinî gâilš atít: "lâit' ustobâ!" - "tàisâietu to nabeji, a žêivùotu to atîdli. nalâiššu!" - "ka tu nalâišši, as izlêiššu iz ustobys, spaļus rozràuššu. tu nùsâlšì". kù ža darât? ìlâiš gâilì.

tàisàs vâl sôitûoks. atît zùsýnc: "lâit' ustobâ!" -
"nalâiššû!" - "ka nalâišši, pîneššû pokolu pi pakša,
âizdekšû, i ustoba sadâks!" kù ža darât? ilâiš i zùsynu.

atît ucýnc: "lâit' ustobâ, vîers'!" - "nalâiššû!" -
"ka nalâišši, as rozâiš nu kôžna, kâi dûšû, ustoba
abzagûošš, i nusâjši!" kù ža darât? ilâiš vîersš i
vucýnu.

žêivôi gâjš, zùsýnc, ucýnc i vîersš. taisàs sôitûoks.
atît veprys: "lâit' ustobâ!" - "nalâiššû!" - "ka nalâišši,
podbêššû zam pakša dÛbi. ustoba abzagûošš. šôlêiza
nusâjši". kù ža darât? ilâiš i vepry.

gâjš ît iz loktys sâdâtu i žit' pa naktôm. a stâigoi
pa naktim vÿkî. vînc izžierst, ka žit' gâjš, ît, ît,
podzakaš zam šînu. îrauga vîersš, ka vÿks lèin ustobâ,
pîšpîš jù ài rogim pi šînys i šuoc badât. a vucýnc ka dÛt!
a zùsýnc stâigoi ap âsti i špuoc. a gâjš klîc loktâ:
"kùr kas ìr, dÛdit' šur! kùr kas ìr, dÛdit' šur!"

nu labi, sprukst vÿks valî i stuosta cytîm: "stouu
ustoba. as îguoju ustobâ. vînc ài dîvejîm mîtým boda.
vâl vînc ài dîvejîm vasarým kâi dûš sùnûš, aš gupc ap acc
bierst. a vâl [vînc] ài guñi ap âsti stâigoi i svylynoi, i
svylynoi. a vâl vînc tâi âukšy beja, klîžâ "kùr kas ìr,
dÛdit' šur! kùr kas ìr, dÛdit' šur!" kap mañi tî padavušš,
mâp býtu i smierc".

Тексты записал в 1958 г. А.Б.Брейдяк.

БЕЛОРУССКИЕ ГОВОРЫ ГРОДНЕНЩИНЫ

kalís'ci jak já býu jaščé n'avélki, u z'avátym róku, adóu štyrnás'ca méu já, pás'viu býdla u karyoudóx u z'ěda. i tám s pastuxámi mý uláli, l'ótali, pótum pastuxí kážuc': izóm paglazéc', na girkóuskim pólu jést blúda, bóža blúda, z'ěvo blúdas pa litóusku. paváli miné pakazác'. to xaróšaja plitá, na téi plicé pasarézine takói veličyní jak talérka glymbókaja, tója blúda. a pa stóranax takíja jak spódački glymbinóju, znóu výbityja i tak jak výšlifavanyja, glázankija. z'ěvo blúdas nazyváli lúzi. to tám azín šl'áxcic takí zadúmau túju plitú pryvščí na plítu paz z'vėry z'e xózič'. xarašó jamú paglazéc', janá takája ylátkaja tája plitá bylá, i tója blúda jamú naráviláša tám. nalíc' vadý to i kúry móyuc' napíc'ca s tója blúda. pavós jón túju plitú. na malája tája plitá-jakíja čatýry muščýzny tréba kacíc' u vós. to tóji šl'áxcic pryvós pad gának i palažýu. i stáu kazíc' užó jón, ugładácca, čěšycca. to kali stála jama nói krucíc', stála baléc' nói, ramacízma jakája jaó uzalá krucíc'. to jón pótum dayadáuša, káža: musí já zyrašýu bóža! tréba étaja plitá vascí tám z'e janá bylá. jak advós nazát, tady p'erstála jamú nói baléc'. i tája plitá lažála, dóbra pómnu, da šasnastao róku, nixtó s toa méisca na rúšyu. a téras já na vėdaju. užó já čalavėk starý, a kap pajintarasaváuša to dapytáuša p, abnašóu by jajé, túju plitú, bóža blúda. ót, majó tý zicátka, éta š na zís' býušy, a usó pómnu.

u kiváncax navéra býu muzykántam i vaséla yráu.
 a tám bába bylá, uméla čaravác' i apčaravála jamú skrypku.
 tája skrypka na yrála, vózic' jón smyčóm - na yrája,
 slízgajacca i usó. tadý éty muzykánt dayadáusa! stáu,
 razúusa, gáci skínuu i gacéi klinóm pa strúnax pašaraváu,
 a smyčóm pa klíne. i toi rás prybrausa. skrypka stál.
 yrac'. éta ščýra práuda.

*

bylá mátka i syn. toi syn býu ni to durný, ni to
 razúmny, tróxa cudný takí býu. i tak janý bédna žyli,
 što pražyc' ni byló čým. toi syn káža: máma, paidú já u
 švét, paidú ščasća šukác'. pójz'as', ale prapažéš žé. -
 kali užó prapáža i tak, namá čao jésća, paidú šukác'
 ščasća, paidú da bóya, kab býy dau by ščasća. nú, izí
 sabé, móža já jakkól'vak pražyjú. ety žadúk izé užó da
 bóya, a jamú užó daróya iscí da bóya, tám tréba zaišcí
 praz móra, éta jón užó tám za móram býy žyjé. jón išóu
 žén', i na druí žén' izé, praz lés izé, spatykajacca
 vouká. vouk káža: žé tý izéš, čalavék? da bóya ščasća
 prasic'. čalavék, papytáiša tý u bóya, što mné takója
 róbica, mné žyvót balíc' balíc' i nídy ne p'erastajé. nú,
 dóbra, kali daidú to papytájusa, što tabé rabic' ž žyvatom.
 nú, i pašóu dálai. izé jón, izé, yaračo užó jamú, daxózič',
 kala daróyi jáblyna takája. jón séu pat túju jáblynu, u
 xaladók atpačyc', i tája jáblyna yavóryc': žé tý izéš,
 čalavék? káža, idú da bóya, kazáli dalóka za móram bóx
 jést, idú prasic' kab dau mné ščasća jakója. dóbry čala-
 vék, papytáiša tý u bóya što mné rabic', já što yót tak

xóraša čvitú, a na miné na azín jáblyk na trymájacca,
 sýpaca i sýpaca, i sýpaca, i já ovócu na dajú niják.
 nú dóbra, papytájusa, kali daidú. izé jón, izé, daxózič'
 jón užo da móra, xózič' kala móra, dópča, dópča, sudý tudý,
 azirájacca. adno ɣlazíc' - lažyc' rýba, jak barvóny grúpsa,
 i ɣavóryc': čalavék, cao tý tút šukájaš?-já xacú praz
 móra kap përajëxac', da bóya, kab dau by bóx jakója
 ščasća. dóbry čalavék, zapytáisa u bóya, što mné takója
 u ɣorla jëst, što já na mau ničoa pralyknúč', pryžaca mné
 zdóxnuc'. káža, përanasí mané praz móra, to já zapytájusa.
 nú, to sadái na miné, tylko trymáisa dóbra. toí valarýp,
 tája rýba ogrómna, kali advërnúlasa, kali pušcílasa praz
 móra, përanaslá. pašou jón, spatýkájaca tám jakix slúgaŋ,
 slúgi pytájaca: žé tý tút, čao?-žé tút bóy žyjé? nú,
 káža, žyjé u pakójax, záras jamú pakazáli, jón pašou da
 bóya. čao tý čalavék šukájaš?-já u bóya prašú, kab bóy
 mné dau jakúju dólu, ják mné pražyc'. bóx paslúxau, nú
 dóbra, dam, pryžáš daxáty, to búžáš méč usó. i káža: vouk
 prašiu zapytácca u bóya, što jamú rabíc', jama žyvót strášna
 balíc'. bóx káža: voukú skážáš, kab durnoo čalavëka zjéu by.
 a, káža, jáblyna prasíla zapytáca što jói rabíc' - čvicé,
 a jáblykau namá na jói.-káža, pat téi jáblynai jëst kačól
 zólata. kap tája jáblyna straslása, karëni zrúšyla p,
 výkaciŋsa p toí kačól, to na jói jáblyki trymáisa p i
 raslí p, a káža, vëlarýp miné praz vadú përanós i prašiu
 papytáca, što jamú rabíc', u orla jamú zastapiušy što, na
 pralykné. žëta, káža, u valarýba jëst káman' bralijënt, jón
 daraxí, za toí káman' móžna pastávic' kólka pamášcënaŋ na

pác' póntrau. jamú skázaš, što jamú kap xto výnau káman'
 tó1 to jón býu by zdaróvy, tó1 valarýp. nu, i usó prýžaš
 da xáty, tabé búža baástva dósic', jón pažákuvau bóyu,
 zavarnúusa i izé. daxóžic' da mora, valarýp čakája na tým
 sámym méiscu. a što, káza, ci našou bóya?-našou. a ci
 pra miné pytaúsa?-pytaúsa, čamú! paranásí praz vadú to tadý
 skážú. séu kónna, paranós jaó velarýp. peraplýu, v'las
 na bérax: bóx káza, u cibé u garžalú jést takí káman'
 bralijánt, kap jaó výnau by xto, to tý i zdarou býu by.
 káza, dóbry čalavék, to tý i vými, tý búžaš i méc'.á, našto
 mné vymác', mné bóx karáu tak ščasća búžaš méc'. zavarnúusa
 i pašou. daxóžic' da jáblyny, iznou séu, atpačyvája. nu što,
 čalavék, ci tý u bóya býu?-býu. a ci pytaúsa pra miné? -
 pytaúsa, a jág žaš! bóx kazau, što pat tabóju jést kačól
 takí zólata. kap tý zrušylaš p krépka, to jón s pat
 karénau tvajix výkaciúsa p, i kab éta zólata xto zabrau
 by, to tý óvac i davála p. éta jáblyna jak zrušylaš,
 zžarnó stála padymácca, uzau kačól s pat karénau výskačyú,
 zólata pasýpaláš. vó, káza, čalavék, i barý sabé. na što
 mné zólata, já prydu da xáty, mné, bóx kazau, i tak ščasća
 búža. zavarnúusa i pašou, pakínúu toja zólata. daxóžic',
 spatykájacca vouká. vouk káza, nú, tý, čalavék, já cibé
 čakau čakau, já žalódnj, ci tý daišou da bóya, ci tý
 papytaúsa pra miné?-a jág žaš, daišou i papytaúsa!-já g ža
 š tý daišou? miné paranós tudý velarýp, i nazát. za što
 jón paranós cibé? valarýp zapytaúsa, što u jaó u garžalú
 jést, a bóx kazau što bralijánt jamú takí jést, káman'
 takí darayí, to kap xto výnau, to jón i zdaróvy býu by.

to ty uzau? né! našto jaó bylo brác', mné bóx tak kazáu búzaš ščasca méc'. a što dálaǵ gžé? dálaǵ jáblyna óvacu niják ni vydaje, prasíla kap já zapytausa p u bóya, čamu na jói jáblyki na rastúc', tylko čvatý výcvíce, ssýpacca, i usó. bóx skazáu što pad jóju zólata jést kacól, kab janá straslása p sílna, to jón výkaciusa p, i tadý janá óvac vydala p. a zólata ty našesša?-né! našto mné zólata brác', mné bóx kazáu, tak ščasca búzaš méc'.-a mné što kazáu? a, kazáu, kab durnóo čalavéka zjéu by vóuk, to i zdaróvy býu by. éty vóuk paslúxau, paslúxau: já durnéišao na naidú! to já dabé zjém. skapiú vóuk toa čalavéka, razarváu i zjéu, i vóuk zdaróvy býu. a toí dúran' i prapáu.

(дер. Пеляса Вороновского р-на, записано от
Казимира Коменча)

žylí bylí žíd i babá. býu u jix synóg vasil'ók.
padrús éty synóg i káža: žídu, paidú já rýpku lavíc'. pašóu,
nalaviú rýpki, prynóz da xatý. jún padjiú étaǵ rýpki i
káža; mátká, paidú já znóu rýpku lavíc', prynaséž mní jíšci.
paplýu toí synók pa móru, pláuvaja, lóviz' rýpku. mátká
pryšlá, prynaslá jamú kášku z masl'áčkam, rýpki s'pércykam
i káža:

sýnku sýnku vasil'ku,
ci pa móry pláuvajaš,
ci rýbačku láuvajaš?
izí da mané abídaci!

toí synóg ak učúu - pryplýu, padjiú káški z masl'áčkam,
a túju rýpku addáu i mátká panaslá da xatý. záraz vízma
za kústam sazíla i slúxaja. i búza kazáz' ak pašlá mátká:

sýnku sýnku vasilíku,
izí da mané vácéraci,
prynaslá káški z máslačkam,
a rýbački s pécčykom!

a jún káza: n'e, n'e! éta ni majá mátká, ni paidú! tag'
janá paišlá da kavalá: kaval', nakúí mní jazýk kab' já
tónanġka yavarýla. palažýla jazýk na kavádla, a kaval' usó
mólatam pa jazýkú da pa jazýkú, naklapáu i tónanġki zrabíu.
pryšlá znóu da rýčki, znóu spavájá. pryplýu synóg vasilók,
janá jayó za yalúuku da u stúpu! jíža da usó:

stúku - yruku, stúku-yruku,
dónġka alúnġka, aččyní!

jají dačká bylá alúnġka. aččyníla dónġka alúnġka. ylazí, pali
píč i jayó kap spaklá! a já paidú šukác', móža iznóu synġká
vasilká zlaulú. i síla pajíkala. napalíla píč tája dónġka
alúnġka, prynaslá lapátu, na tóya xlopčyka káza: lažýsa na
lapátu! jún lúy i rúčku spusćíu. tag' aná: ni yétak! tréba
rúunanġka! jún uzáu rúčku palažýu, a nůsku spusćíu. ni yétak!
jún káa: to tý mní pakažý! janá laylá na lapátu, výprasta-
lasa, a jún za lapátu da šúy u píčku! i spaliu túju
dónġku alúnġku, vízmu. tadý dastáu is pécčy, parýzau na
kusóčki, pastáviu na stúl. a sám zalíz na dúb vysóki.
jíža tája vízma: dónġka alúnġka, aččyní! ni aččynájá. janá
výdrála aknó, ulízla u xátu, najílasa mása, i výisla na
dvúr, xústku šínula z yalúuki i káza:

pakačúsa, pavalúsa,
synká vasilká najjúšýsa,
kryví jayó napiúšýsa.

a jún sazíc' na dubóčku i káža:
pakačúša, pavalúša,
dónki alúnki najíušysá
kryví jají napiušysá.

slúxaja vízma. iznúú búža kazác' tak sama. učula na tréici
rás - na dubóčku. éx, paíšlá, uzalá sakíru, sačé, sačé,
tadý paíšlá da kavalá: nakúí mní sakíru! a kavál' šče zrabíu
tupíišuju júí. pryšlá, xústku skínula, sačé. a zaráz léic'
cýly pólk yuséi. a jún káža:

yúski yúski lébazi,
skíncasa mní pa párcú
ta já z vámi palačú
na mámina zastúlja,
na tátava nadvúrja!

janý jamú skínuli, ubráúša jún da palavíny. a janá usó
sačé. léiciz' druží pólk, iznúú skínuli pa párcú. jún ubráú
yalúuku, túlki núški vidnó. a janá sačé tóí dúp xústku
skínuušy. éty dúb záras pádaja, a tút tréici pólk léic'
dúp pádaja, a jún uvés' ubráúša - fýr, i palécau z yúskami.

a mátká jaýó uvízala što léic' cýla stáda yuséi, da
výbaýla s xáty, da jíx paklíkala, da synká svajýó abn'alá.
a jún káža: nasýp jíx pšanícy, dáí jíx vazícy! mátká jíx
nakarmíla, napajíla. a synóg vasilog rús rús vélki,
ažaniúša i mané na vásílla paprasíu. i já bylá, múd vinó'
pilá, pa barazí čakló, a u róci ní byló.

(дер. Засетье Дятловского р-на, записано
от М.Лаврукевич)

náša vóska bórcki zavécca, i tám za balótam barčánskija xutaré. mý barčána, a dvarčánskija lúzi nás nazývajúc: ún barčánskija kaunaré pašlí! móža za tým nazváli bórcki što tút lés čaynúu až da nómna, nepraxazímny lés býu. i cipér za kázuc: zérava tóustaja jak bórc', až i bórc' tóustaja stajíc'!

*

u nómni jézaka šcupaké, plótki, kléni, kalbé, samé, karasé, sližé, mnáké. vangór namnája rýba, a vyzózic z nómna i u yaróx xózic'. kélb zžéšni, taksáma namnája rýba, tólki payavórka: marskí kélp. žoutávyja, krúlylja kalbé.

*

svéžy xléb baržéi zjésca, a čerstvy búža spórny xlép. jak zažynájuc' žýta to rabíli sparýš - dvá snapké. prynasúc' na pókuč', stajíc' tóí sparýš aš póki snapé stánuc' vazíc'. a pótyt tóža sparyžá sáma náparš kladúc' u jumno - kab xléb spórny býu.

(дер. Борти, раньше Борть-Турейск,
Щучинского р-на)

vóska précima za tým tak nazývájacca, što tút bylo vózara, a prazéta vózara réčka prabivájacca, yruška - žela yétayo précima. náša réčka tócycca u nómna. tút býu móst xaróšy. jak móst budújuc', to náparš zažóstryvajuc' zérava - róbac pálu, róbac ryštavánni. káparam yónac' pálu u zémľu pakámi ni stána da grúntu. na yónac' pála, tadý rounújuc', začavvajuc' balké na ryštaváni, pa balkóx kladúc' pamascíny - pamóst z doščak, dýla. tóustvyja dóški - dýli.

ják vykrošvali ayón? jézaka takija skálki, cipér
 skálka, a p'érš gérga nazýváli. tám, na zalaskú ót dóbryja
 gérgi! dastaváli ayón' kréšvam. na túju gérgu kláli dubóvuju
 yúpku, túju yúpku móčac' u vazé, súšac', žarúc'. žaržané
 kréšvam ab gérgu, ískra pádaja na yúpku, yúpka zakúrva jacca,
 tadý čalavék ražžyvájacca ayónóm. gérga móčna - stráx, škló
 réža. u nás bylá kúdra, tám raslí žíkija yúrúšy, žíkija
 jáblyny, jaloucé, lazá. tám prabažála z'varjó ščúcińskix
 lasóu u yái. yétaju kúdraju z'varjó parabážála u zanańón-
 skija lasé - vouké, lasé, kózy, svína žíkija. z yáju až da
 nóńna čańnúla kúdra tája, zárašniki. vouk patkapóuša pat
 padrúbu i pačaynúu avéčku u túju kúdru. čutno néž'a yúsi
 žíkija gérgajuc': géer ! gérgna - ták janý i lačác' adno
 za adným. paláčéli buslé u výrai. buslé védaјuc', žé jón,
 a čalavék - né.

(дер. Претимо Щучинского р-на, записано от
 М.Ф.Бурдея)

Тексты записала в 1974-1978 гг. Т.М.Судник.

ПОЛЬСКИЕ ГОВОРЫ ВИЛЕНИИНЫ

Na počóntku za polákoř pø prostému muv'il'i. Ot pšy m'astéckax, jak otú_o u Jašúnax, to po pólsku muv'il'i v'éncyj, a pa v'óskax to mářo gď'ě pa pólsku. My slábo um'ém'i. V dómu pa próstu rozmav'ám'i, a ot časám'i, jak da kógo čšéba, to po_pólsku. Ot, jak do Pólsk'i vyzývy ja rób'ířa, jez'd'ířa do Ejšýššak, nu tam po pólsku řšýstko. Te l'itv'íny odvokáty rób'on - to po pólsku. A ínⁿe róz'íny v Jašúnax, teš rúzně býva. Ot Sasnóřsk'ě náře po pólsku zářře rozmav'ájo. Cúrka v báňku pracúji buyaltéřem, teš po pólsku rozmáv'a, álě móřa i pa próstu, i pa ras'ějsku, i pø l'itéřsku, jak ž'ě čšéba. Mářo nářyx lúz'i jest jašúnsk'ix, povyžěžžál'i da Pólski; v'éncej rúsk'ix, řšýstk'ě najézdne i najézdne. Jěščě za n'émcam'i ix pšy-slál'i. Nu, to z'ím i pô rúsku rozmáv'aš. A ták ogúlně jak vz'ón'c, to v Jašúnax téřas pom'ěššane, álě najv'ěncěj rozmav'ájo pa próstu.

A polakám'i zářřy ú_nas p'isál'is'. A kós't'oř zbudavál'i u čšyd'éřtym róku. To nakřadál'i k'édys' padátk'i, jak kos't'ol budavál'i. Čšéba býřa s kon'm'i, kam'én'i vóz'ic'. A dč tégo býřa rudn'icka paráf'a, za čšynás'c'ě k'iloméřtroř. Tam lúz'i rozmav'ájo ják'i xcoⁿc. Jest tam táka v'es' Žagarýn'ě (nazyvájo Žagarýně álbo B'ářa Váka, to čšy k'ilaméřtry od Rúdn'ik), to tam týko pô pólsku, a u Rúdn'i - v'ěncěj po próstu. Tu za nám'i, pod V'il'na, to najv'ěncěj po pólsku rozmav'ájo, pø próstu - to ta stróna: na Turg'él'i, pod Ořm'ány, na M'ínsk, to tam najpros'c'ějšy jénzyk, B'eřarús'. Žářk'i jest ták'ě i D'ěv'en'íšk'i, to

tam pə l'itěf'ku rôzma'v'ájo, B'en'akón'i - tam teš um'ějo pə l'itěfsku. I tu jest pôd V'il'n'a jédna v'es' Márjina Pól'e - teš l'itv'íny, m'ěžu polakof jedne jest l'itv'íny.

I panóv'e v majóntkax byl'i, tô téš jak pšyxóz'is, to po pólsku múv'is. Jak kto trox'i bôgac'ějšy byl da dal'i-katn'ějšy, to po pólsku múv'ix, a kto b'idn'ějšy da pros't'ějšy, to v'encěj pə próstu. To šláxta najčens'c'ěj pô pólsku, có to z'ém'a arendavál'i. Ot Mal'inófsk'e, co my na žn'íva də ix xoz'íl'i. Baruséičy - z'éma čšymál'i u arénz'e, to pô pólsku rozmav'ál'i. V Bújkax - Dušk'ěičy, jak dô rubutn'íkof to rozmav'ájo pa próstu, a sáme sób'e - to i po polsku. Ón'i na cúžəj z'ém'i, arandavál'i, ... n'e tutějšə byl i. A naše da íx na prácu xəd'íl'i, boš čšéba býla kop'ějak p'etnás'tə - dvad'és'c'a zarób'ic. Na vaséla'x dávn'əj teš pa próstu, i pə pólsku, i rúsk'e. Jěšče za cársk'ix časof te čšy jěnzýk'i znal'i, i téras tak. Bo tu téras účo i po l'itěfsku, i po pólsku, i po rúsku, jak kto xce. Téras mn'ej polsk'ěgo jěnzýka účo s'e, v'encěj po rúsku týlko, bo s pólsk'im jěnzýk'em góžəj postómp'ic dál'ěj. A n'ektúřə čšymájoⁿ s'e svoj jěnzýk. Múv'o, jak naučə s'e po pólsku, to béndə úm'ic' i po rúsku.

(Записано в селе Яшуны Шальчининского р-на

Литовской ССР от Константина и Кзефы Лавриновичей)

Za Pól'sko k'édys ros'sə dl'íl'i na futéry, a pšýšl'i Sov'ěty - daváj iznúf də v'ósk'i, ot jáka d'ěla. Budújə s'e Prěny i budúji, vo jákə stál'i. Álə jak já téras stáry, to mn'ě i nə ruxájo. A kón'ča žýc'a, to ftědy júš n'ic n'ə

62

béⁿz'ə . Juš n'ə vrúca s'ə na z'em'e po s'm'erc'i, a mam
 juš .., d'ev'enz'és' ont čvárty rok mn'e. A pšes čšy vójny
 m'álem ħóra, a ħóra, bóže moj k'íla. Čy za móji pam'éⁿc'i
 zafšə tak ú nas rəznav'al'i? - Nu, práv'ə: n'i to pólsk'i,
 n'i tə rúsk i, n'i to l'itéfsk'i; s'łova ták'a, s'łova ták'ə.
 Tam za žeko - na B'alərús'i, to tam ináčəj rəznav'ájo.
 A ů nás n'íbyta prósty jéⁿzyk, i pólsk'i m'ěša s'e. Za
 móix mlódyx lat l'itv'ín'i byl'i až də Stárəj V'il'éjk'i,
 to pə l'itéfsku býlo. Jak tu býla Połs'ka k'édys , to pə
 pols'ku i gadál'i. A stárə lúd'i to tak, jak pšyjš'a s'ə .
 Moj z'ádək i ůójt'ə c to pa próstu gadál'i: a kudý pašóu
 Janúk, Stas'úk! Nárət m'ěšány, fs'ak múv'i: jak s polák'em,
 to béⁿz'ə po pólsku gádat' ; z rúsk'im - pa rúsku, a
 pšyjš'e s'a - to i pa próstu. A téras znóu ta mlóž'əš to
 pa rúsku i pə l'itéfsku v'éncej učy s'a. V Magúnax - tam
 dávnə polák'i, bo ů Prénax i Dravnélax to býla i ták, i
 s'ák.

*

S'édym lat m'aš, malútk'i xlopčyčək ůo ták'i o póšət
 býdka pas'c', pas'c' króvy do dvanás'c'ə lat. Dvanás'c'ə
 lat kon'čyla s' - póšət ħórat', bronóvat'c', do gospodárk'i
 pšyšət. Ójt'ec byl stáry, n'ezdróvy, kal'ék'i^š, nóga bola-
 la, vútka p'iš. Gospodárk'i n'ə pačšaš, apús't'il gəspə-
 dárka svója. M'aš vlóka z'ém'i - n'e páčšaš. Budýn'k'i
 stárə^e, opuščónə, dáxof n'éma, c'ék'n'i. Žyt'c' n'ə móga,
 prósta n'iv'ém sám, co rób'it' . Próšə svégo ójca: n'e p'íj
 vútk'i, n'e marnúj gospodárk'i. A ójt'c'əjc gn'éva s'e ná
 mn'e. A já pracújə i nic n'é mam: n'i obúv'a, n'i ubrán'a

dobrégo. Fstyd mn'e, n'ə móga žyt^c, lúd³ i mn'e znájo, ja znam fšystk'ix, n'ə v'em gd³e óčy sxóvat' ot fstýdu. Póšet z dómu. Pracóval tam rok u šp'ital' i pomocn'ík'em kuxáža na kúxn'i. A pótym pšyšat l'ist z dómu. P'išo, že ójt'ec úmar. Ftédy juš ja (gžex múv'it') n'e z ból'em, a z radósc'o jéxaš ójca pogžébat^c. Pšyjéxaš, pogžébaš ójca i staš pracóvat' na z'ém'i. M'aš juš dvad'és'c'a lat. Zájol žžéva, vybudóval xáta nóva, ožen'ij s'ə i staš žyc'. I žóna m'aš dóbra. Ja pap'ə rósof n'e p'al'il, v'útk'i n'ə p'ij, po v'əčórax n'ə xód³ij, to mn'e žóna koxáža, a já jéj. Óna bezé mn'e žyt' n'ə mógla. Ja vyjáde, čy vyjđe f pól'e gže do kón'i i v'ruca do dómu, to žóna múv'i: ja n'ə spála. - A čemuš ty n'ə spáža? - T^c éb'e n'e býlo. Óna vyxód'i na rýnək čy do kos't'óža - rozv'íta s'e zé mno p'éknə. Rázem žyc'a býla p'eknə, m'ike i vesóža. Ja z'en' pracúji z oxóto, bo jak múv'i pšysl'ov'a: d'en' - do prácy, noc də spán'a, pšyjd³e v' éčor - do koxán'a.

.

Na s'v'əntégo Jána muv'il'i k'édys, že čarovn'icy latájo i ml'éka zab'erájo ot króvof. A xto ix tam v'íz'al? Ál'ə gadájo, tak'i zvyčaj býi. Króvy n'ə pénzə ráno, za rósa, bo čarovn'icy ml'éka odb'óro. To únas i téras jest kob'éta jedna. Jak óna zás'p'ic i otprováza króva púz'na, i jak kto pus'm'éji s'e, že púz'na, to óna žartúji: "A n'é, žís n'ə možna rána provád'it', bo čarovn'icy latájo". Ál'ə mús'i to n'ə právda. A pəd Nóvy rok to ta mažaz'óš ído vróžo tam cokól'ək. Pan'énk'i, xlópcy síuxájo, gd'e p'es ščéka, álbo plóty obyjmújo. Vróžo, čy pújdo zámonš, čy

n e. Ot zvyčajn'ə, s'm'ex ták'i. Teras to stan'k'ét
v'encəj, a k'édys' ták'i tyn był pl'əc'óny s patýkof.
To obyjmúji te patýk'i i l'ícý, čy do páry vyššo. Jəžél'i
də páry, to zámó^{nš} pújz'i ten rok, a jəžél'i do l'íška -
to n'é jěščə. Álbə ido pad ókny tak pəšúxat'^c, co pav'ézo
tam v domu: čy pów'i "odyjz'i", čy tam "s'on'c". Ja i sáma
xuz'íša. Jédna kob'éta m'ala zvyčaj, ze čénsta poftažála
"adyjz'í". O, to juš dóbžə, to juš pújzi, zámó^{nš} pan'én'ka.
Álbo čšéba xáta vým'es't', n'és't' s'm'éc'i i slúxat',
z'é p'es zaščéka. V ják'i strón'i ščéka, to pújdž'iš
zámenš f ten bok. I z vósku vrožyl' i. Vódy postáv'i,
pótym káp'i s'v'éca i pačšy, co vyl'éji s'a: v'ánək, čy
có. Jěščə ígry puščál'i na vóda. Álə to mažaz'óš tak
vygáb'ař. A za ták'ix ínyx akcéntof n'e býlo.

(Записано в дер. Прены, Андрукьянцы, Вебли Магунского
с/с Швенченского р-на Литовской ССР от Людвика Семашко,
Игнатия Комашко, Станиславы Андрукьянец)

Тексты записал в 1970-1974 гг. В.Л.Веренич.

Р. А. АГЕЕВА

ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМИИ
БАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ
ТЕРРИТОРИИ

Исследование топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории с каждым годом приносит новые результаты. Расширяется территория наблюдений, уточняются границы балтийской топонимии, в особенности северная и восточная; проводится обработка нового материала с точки зрения этимологического анализа и т.д. Однако более углубленное изучение материала приводит к постановке новых проблем или же к разработке старых проблем с новых позиций. После капитальных исследований В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева была получена надежная база для сопоставления с гидронимией бассейна Дняпра географических названий других регионов (Северо-Запад РСФСР, Поволжье). Межрегиональные сопоставления позволяют сравнить или иначе осветить целый ряд этнолингвистических и собственно топонимических проблем топонимии балтийского происхождения; среди которых можно назвать следующие:

1) Определение границ балтийской топонимии. В частности, изучение гидронимии Псковских и Новгородских земель позволяет значительно отодвинуть к северу границу балтийской топонимии. Следует обратить внимание и на большое количество дофинноугорских названий, выявленных в Эстонии П.А.Аристе. Возможность интерпретации некоторых из них на балтийской (соответственно индоевропейской) почве не вызывает сомнения (сюда, думается, нужно отнести и названия таких крупных объектов, как Пейпус, Нарва и др.).

2) Конфронтация данных археологии и топонимии при установлении возможных ареалов балтов. Однако подобные сопостав-

ления возможны лишь после беспристрастного исследования материала методами собственной дисциплины. Максимальный ареал балтов, выявленный в разное время несколькими поколениями исследователей, по-прежнему нуждается в самой серьезной историко-археологической и топонимической интерпретации.

3) Для всей территории, где зафиксированы балтийские названия, важна относительная хронологическая стратификация названий, выявление ареалов древних и более поздних балтийских топонимов.

4) Особый интерес вызывает случай балто-славянской топонимической интерференции, а также вопрос о славянских племенах и племенных группировках, которые подвергались наибольшему влиянию балтов в отношении материальной и духовной культуры, антропологического типа и т.д. Под этим углом зрения можно было бы сопоставить топонимию древних земель смоленских и псковских кривичей, новгородских словен, вятичей, дреговичей и радимичей.

5) Лишь при широком межрегиональном изучении топонимии балтийского происхождения можно выявить изоглоссы восточно-балтийских и западнобалтийских элементов в топонимии, установить и картографировать их взаимное распределение. На основе уже имеющихся работ по словообразованию топонимов собственно балтийских территорий важно выявить словообразовательные топонимические типы балтийских названий различных регионов, показать сходства и различия регионов в этом отношении.

6) Широкое привлечение восточнославянского диалектного материала может способствовать выявлению истинной этимологии многих названий с предполагаемой балтийской основой. Выход за рамки узкого региона позволяет выявить славянские и балтийские диалектизмы, в том числе географические апеллятивы, отраженные в топонимах. Интересно сопоставить по всем изучаемым регионам количество топонимов балтийского происхождения с количеством заимствованных апеллятивов-балтизмов в говорах данной территории. По всей вероятности, различия между регионами в этом отношении должны быть существенными.

Другие проблемы межрегионального исследования балтийской топонимии носят более частный характер.

ЛАТЫШКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1. Латвийский и русский язык генетически родственны, и они имеют древние территориальные и функциональные контакты. В латышском и русском языках имеется много общих черт — как в грамматической структуре, так и в лексическом составе. Это результат и генетической близости, и взаимного влияния в процессе контактного функционирования.

2. В разные периоды истории латышско-русские языковые контакты были неодинаково тесными. Более тесными они были в последние десятилетия XIX века в связи с ориентацией на русскую культуру против гнета немецкой власти и культуры, а особенно в советское время, т.е. после 1940 года, когда в Советской Латвии образовалась ситуация активного латышско-русского двуязычия.

3. В настоящее время большинство говорящих на латышском языке хорошо знают так же русский язык и пользуются им рядом с латышским как в производстве и быту, так и в разных сферах культуры в общении с членами других народов нашего государства. В активном контактном функционировании происходит взаимовлияние языков, в процессе которого образуются новые черты в каждом из них.

4. В течение последних десятилетий в латышском языке наблюдается влияние русского языка на разных уровнях — особенно в лексике, словообразовании и грамматике. В латышский язык входит много новых слов — в основном в виде калек или заимствований через русский язык (piecgade : пятилетка, pašdarbība : самодеятельность, pašisgāzējs : самосвал, ledstāve : ледостая и др.). Необходимость найти адекватный термин активизирует широкое использование собственного фонда словообразовательных средств, при чем особенно активизируются аффиксы, сходные в русском и латышском языках (-nieks : -ник).

5. Фактор родства может способствовать интерференции по принципу аналогии. Происходит перенесение форм и значений с одного языка на другой.

6. В связи с интерференцией актуальным является вопрос о нормативной адаптации заимствований. Основным принципом нормативной адаптации признается принцип функциональной целесообразности.

А. Б. БРЕЙДАК

К ДРЕВНЕЙШИМ ЛАТГАЛО-СЕЛОНО-СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКОВЫМ СВЯЗЯМ

При исследовании древнейших балто-славянских языковых связей нередко, с одной стороны, переоценивается значение западнобалтийско-славянских изоглосс и, с другой стороны, недооценивается значение восточнобалтийско-славянских изоглосс. Такое положение в некоторой мере тормозит дальнейшее изучение балто-славянских языковых отношений.

Для создания адекватной теории древнейших балто-славянских языковых связей необходимо исследовать балто-славянские изоглоссы как с точки зрения отдельных балтийских, так и с точки зрения отдельных славянских идиомов. В данном докладе рассматриваются древнейшие латгалло-селонно-славянские языковые связи как частный вопрос более общей проблематики восточнобалтийско-славянских и вообще балто-славянских языковых отношений.

В латгалском и селонском племенных языках звуко сочетания *pj, *bj, *vj, *mj изменились в p₁, b₁, v₁, m₁ не только в начале корня, но и на стыке корня и суффикса. Формы с эпентезой n̄ вместо l̄ возникли в результате диссимилиации. В некоторых латгалских говорах эпентетический n̄ в глагольных формах настоящего времени был заменен эпентетическим n, возможно, под влиянием глаголов с основой на -no-. Аналогичная эпентеза l̄, n̄, n наличествует и в славянских языках и диалектах. В земгалском и куронском племенных языках звуко сочетания *pj, *bj изменились в p₁, b₁ только в начале корня (примеры с *vj, *mj > v₁, m₁ в этой позиции в латгальском языке отсутствуют).

В латгалских и селонских говорах наличествует суффикс -en- для образования уменьшительных имен существительных и прилагательных. В славянских языках также известны уменьшительные слова, в суффиксе которых встречается сочетание -en-

Имеются и некоторые другие общие латгалло-селонно-славянские суффиксы.

Реставрированной латгалло-селонской энклитической форме возвратного местоимения *so "себя" соответствует краткая форма возвратного местоимения so "себя" в серболужицком языке.

Латгалло-селонские окончания родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимения -e, -ä, -a являются рефlekсами древнего окончания *-e, которое, возможно, соответствует окончанию -ě (*-ě?) в некоторых славянских языках.

Латгалльский и селонский идиомы сближают со славянскими языками многие изолексы; напр. čādrys² "прогорклый; затхлый": словен. čad, чеш. čad, русск. чад; nořts "сеть; малая конусообразная сеть для ловли рыбы или куропаток": блр. нерет "верша"; русск. диал. нерёт, неретó, нóрот "верша"; gauturs "болтун"; gauturūot² "болтать": русск. гутóра, гутáрка "болтун"; словц. hutorit' "говорить; болтать"; kript "коченеть (от холода)": словен. krepen "окоченелый"; skrepeniti "окоченеть (от холода)".

Древнейшие латгалло-селонно-славянские (а также балто-славянские в целом) языковые связи нам представляются как континуум близкородственных диалектов, еще не достигших порога интеграции. Этот вывод особенно подтверждается многими балто-славянскими изоморфами.

О. БУШ

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ — ПОСРЕДНИКИ НА ПУТИ ГЕРМАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК

На протяжении 700 с лишним лет латыши имели непосредственные и тесные, хотя далеко не всегда добровольные, контакты с носителями германских языков (главным образом, разных форм немецкого языка). Поэтому не удивительно, что германские лексические заимствования составляют наиболее объемный слой заимствованной лексики латышского языка.

Наряду с этим слоем прямых заимствований из германских языков в лексике латышского языка имеется некоторые количество слов германского происхождения, которые пришли "окольным

путем", при посредничестве третьих языков: прибалтийско-финских, славянских и литовского. Эти слова можно назвать субгерманизмами.

Займствованные при посредничестве славянских языков субгерманизмы встречаются во всех основных системах латышской лексики: в литературной лексике, в слэнге и в диалектной лексике.

В литературной лексике слов этой группы немного. Чаще всего это историзмы, тематически связанные с царской Россией leibgarde, vahmistrs (а также некоторые интернационализмы германского происхождения, непосредственно вошедшие в латышский язык через русский язык: kičs, aisbergs). Специфичен, но и характерен последний пример: данное слово в качестве узкоспециального термина заимствовано из немецкого языка, а в результате повторного заимствования из русского языка оно вошло в общеупотребительную лексику.

Чаще, чем в литературном языке, заимствованные из славянских языков субгерманизмы встречаются в латышском слэнге, в котором заимствованная лексика представлена очень широко. Среди слэнгизмов иноязычного происхождения немало заимствований новейшего времени из русского языка, а среди последних встречаются и субгерманизмы (seitnots, knopka).

Довольно много субгерманизмов, заимствованных из славянских языков, можно найти в диалектной лексике, главным образом в говорах верхнелатышского диалекта. Наряду с русским языком, который является непосредственным источником заимствования рассмотренных субгерманизмов литературной лексики и слэнга, для диалектных субгерманизмов источником заимствования нередко бывает также польский и белорусский языки. Примеры: из русского cinkavout, malars; из польского gizelis, palda; из белорусского: gartavuot, mukta.

Большинство субгерманизмов, заимствованных через славянские языки, восходит к верхненемецкому языку (т.е. к современному литературному немецкому языку или к средневерхненемецкому). Если эти субгерманизмы известны только в верхнелатышских говорах, то в нижнелатышских формах языка (т.е. в литературном языке, в слэнге, в нижнелатышских диалектах) им весьма часто соответствуют этимологически родственные непосредственные заимствования из нижненемецкого языка (как прави-

ло, из средненижнегерманского), например, верхнелатышское ceg-lis : нижнелатышское kiegelis; верхнелатышское galstruks: нижнелатышское elstuogs .

Для субгерманизмов, вошедших в латышский язык при посредстве славянских языков, в большинстве случаев характерен широкий внешний ареал, например, немецкому Wachs соответствует верхнелатышское vaksa, русское, украинское, болгарское вакса, румынское vax, литовское (диалектное) vaksas, польское vzuwaks (а синонимическому и этимологически родственному немецкому Wichse — нижнелатышское vikse, эстонское, чешское, сербохорватское viks, словацкое vix, литовское (в так называемой Малой Литве) viksas . Это заставляет предполагать, что в большинстве таких случаев мы имеем дело с культурными заимствованиями.

А.П. ВАНАГАС

ЛИТОВСКИЕ ГИДРОНИМЫ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Балто-славянские контакты в гидронимии проявлялись и проявляются по-разному. Неоднородны эти контакты и хронологически. Есть основание говорить, например, о древнейшей эпохе, которая отражена в гидронимии генетически общим слоем литовских (и вообще балтийских) и славянских гидронимов.

После обособления балтийских и славянских языков сформировалось множество гидронимов, имеющих балтийский или славянский облик.

Ввиду многовековых (начиная с середины I-го тысячелетия н.э.) контактов балтийских и славянских языков на обширных территориях Восточной Европы и в результате растворения балтийского этнического элемента среди славянского, в восточнославянских языках (главным образом в белорусском, меньше в украинском и русском) осталось несколько сот балтийских субстратных водных названий. (В обобщающем виде панорама этих контактов представлена в книге В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья". М., 1962).

Балто-славянский контакт этим не ограничился. Он довольно интенсивно продолжался и после исчезновения "восточных" или "днепровских" балтов. В результате этих связей, которые

условно можно называть новейшими, и в собственно балтийской, в том числе и в литовской, гидронимической системе появились маргинальные ее элементы, среди которых важное место принадлежит гидронимам славянского происхождения. Нужно сказать, что на эту деталь балто-славянских языковых контактов до сих пор обращалось мало внимания.

Гидронимов славянского происхождения в Литве насчитывается несколько десятков. По способу образования и по происхождению они не одинаковы, но генетическая принадлежность к славянским языкам большинства из них несомненна. Назовем основные из них: Amarnia, Aniuoliukas, Asėkas, Asėka, Astraga, Baudiėriškis, Bindugė, Buktas, Buktupis, Burciokas, Derėžnyčia, Dunojus, Džendželauka, Gasda, Glukas, Glusnia, Glušokas, Grūda, Grūzdaubis, Yglà, Jāzas, Kanauka, Kanava, Kanavas, Kanaukupelis, Kardanėlis, Krempa, Krempė, Kružninkas, Kubilyčia, Kuronas, Kutalanka, Lanckava, Ledakinė, Mačelninkas, Mučelninkas, Mačiulà, Mačiuliai, Mačiulė, Maskoliukai, Maskolupis, Mašnėlis, Maūciadis, Mielka, Netėcius, Oporas, Paulėnka, Percina, Perciniškis, Perkadas, Poplava, Prūtas, Pūstežeris, Pūstoska, Ribnikas, Rištakas, Skādupis, Sklepiskas, Skrūpakas, Slajà, Svinuka, Svinka, Tabūnas.

Эти гидронимы, как и следовало ожидать, располагаются в юго-восточной части Литвы, где контакты со славянским языковым миром проявляются наиболее интенсивно.

А. ВИДУТИРИС, Ф. Д. КЛИМЧУК

БЕЛОРУССКИЕ ГОВОРЫ В ЛИТОВСКОЙ ССР

В настоящее время в Литовской ССР литовский язык контактирует с белорусским как вдоль литовско-белорусского пограничья, так и на более широкой территории юго-восточной Литвы.

В южной и северо-восточной части Литовской ССР, в пограничных с БССР сельсоветах Зарасайского, Игналинского, Швенчэнского, Варенского и Лаздийского районов белорусскими диалектами нередко владеет местное литовское население. В Швенчэнском и Игналинском районах имеются также островные белорусские говоры.

В юго-восточной Литве, т.е. в восточных частях Вильнюсского и Тракайского и на большей части Шальчининкского районов приблизительно до линии восточнее Буйвиджяй - Рудамина - Рудинкес - западнее Эйшишкес белорусская диалектная речь во многих населенных пунктах является преобладающей. В этом регионе белорусский язык обычно называют "простой", "тутэйшы". Большинство его носителей (лица католического вероисповедания) осознают себя поляками. Сфера употребления белорусского языка здесь сужается, главным образом за счет польского, в значительной степени за счет русского и литовского языков.

Далее на северо-запад, в центральной части Вильнюсского, и в прилегающей части Тракайского районов (приблизительно до линии южнее Буйвиджяй и Неменчине, севернее Калинас, северо-западнее Судярве и Реше, западнее Тракай и Аукштадварис, восточнее Валькининкай, западнее Эйшишкес) белорусской диалектной речью владеют главным образом только представители старшего поколения.

Белорусский язык получил значительное распространение в юго-восточной Литве в эпоху Великого княжества Литовского, когда в его состав вошли восточнославянские земли. В эпоху Великого княжества Литовского государственным письменным языком являлся так называемый "русский" язык (официальное название этого языка). Этот язык не был единым. Для одних памятников его можно интерпретировать как белорусско-украинский письменный язык с белорусским и украинским вариантами, для других - как старобелорусский и староукраинский письменные языки. В Белоруссии и Литве употреблялся преимущественно белорусский вариант "русского" языка и старобелорусский язык.

В связи со сложившейся ситуацией белорусский язык (и особенно его диалекты), как устная разновидность "русского" и старобелорусского письменных языков, видимо, стал основным языком межнациональных контактов в литовских столицах, где жило много не-литовцев, и на литовско-белорусском пограничье.

Позже, одновременно с увеличением сферы употребления польского (с середины XVI в.) и русского (особенно с середины XIX в.) языков увеличилось значение белорусского языка как средства межнационального общения, прежде всего литовцев с русскими и поляками, а также русских с поляками. Сле-

довательно, белорусский язык играл здесь роль зонального, или регионального языка.

Расширение сферы употребления белорусского языка на месте отступающего литовского языка в юго-восточной Литве (особенно восточнее Вильнюса) наблюдалось с конца XVIII — начала XIX вв. В XIX в. белорусский язык стал употребляться уже западнее Вильнюса (до Реше и Судярве), в значительной части Тракайского района и в северной части нынешнего Шальчининкского района до реки Висинчя. А во второй половине XIX — первой половине XX вв., когда литовский язык западнее Вильнюса стал вытесняться польским языком (культурным его диалектом), белорусский язык укрепился на вышеуказанной территории и продолжал распространяться в южной части Шальчининкского района.

В годы вхождения Восточной Литвы в состав буржуазной Польши (20 — 30 гг. XX в.) граница относительно широкого употребления белорусской речи фактически отступила к востоку от Вильнюса и Тракая до вышеупомянутой линии восточнее Буйвиджай — Рудамина — Рудишкес.

А. ГИРДЯНИС

ВЛИЯНИЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ НА РАЗВИТИЕ ВОКАЛИЗМА В БАЛТИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

(Пример параллельной эволюции фонологических систем)

1. В литовских и восточно-латышских диалектах существует корреляция твердых (веляризованных, бемольных) и мягких (палатализованных, дизонных) согласных, близкая к соответствующей восточнославянской и польской корреляции. В литовском литературном языке и юго-западных диалектах литовского языка эта корреляция, как и в праславянском, функционирует только в составе так называемых группофонем; в других (прежде всего — восточных) говорах перед открытым стыком встречаются и "свободные" мягкие согласные.

2. Корреляция твердых и мягких согласных оказывает значительное синтагматическое влияние на гласные фонемы.

2.1. Регрессивным влиянием твердых веляризованных согласных объясняются следующие явления: а) пере-

гласовка $e \rightarrow 'a(\bar{a})$, встречаемая в большинстве диалектов; б) северо-паневежская лабиализация $e \rightarrow 'o$; в) по всей вероятности, и восточно-балтийская "монофтонгизация" $*ei \rightarrow *ē$ ($\rightarrow ie$) и т.д. (ср. восточнославянскую и польскую перегласовку $e \rightarrow 'o$, $ě \rightarrow 'a$, проходившую в почти тождественных условиях).

2.2. Прогрессивное влияние мягких и твердых согласных можно описать таким "порождающим" правилом:
 $[+гласный] \rightarrow [α \text{ передний }] // [+согласный] \text{ — } [α \text{ мягкий }]$

Частными случаями этого влияния являются передние (или, по крайней мере, продвинутые вперед) аллофоны гласных типа u, o (т.е. $[\bar{u}, \bar{o}]$) и нейтрализация оппозиций типа $a : e$ в позиции C' —, а также восточнолитовские изменения, как $e \rightarrow \bar{e}$ ($\rightarrow a$), $e \rightarrow \bar{n}$ в позиции C — (где C — депалатализованный согласный k, r, z или др.). Таким образом у гласных переднего ряда появились аллофоны заднего образования, а у гласных заднего ряда — аллофоны переднего образования.

3. Парадигматическим последствием рассмотренных процессов была рефонологизация основной корреляции гласных ($i : u = e : a$ и т.д.). Исконный признак этой корреляции — передний ряд — задний ряд — потерял различительную силу, поэтому дифференциальным признаком гласных верхнего подъема ($u : i, u : i$) стала лабиализованность — нелабиализованность, раньше выступавшая в качестве второстепенного признака гласных этого подъема. В большинстве говоров этот новый различительный признак был перенесен и на долгие (в некоторых восточных говорах — и на так называемые полудолгие) гласные нижнего подъема: a (в говорах — и \bar{a}) стал лабиализованным и начал изменяться в направлении o . Там, где этой лабиализации не произошло, оппозиция $e : a$ (реже $\bar{e} - \bar{a}$) подверглась полной (или почти полной) дефонологизации. Обратный процесс (т.е. делабиализация гласных типа o) в фонологической системе, обладающей корреляцией твердых и мягких согласных, выглядел бы крайне противоестественно.

4. Рассмотренная перестройка вокализма балтийских диалектов в основных чертах совпадает с соответствующими фонологическими процессами славянских языков, но это совпадение объясняется не прямым влиянием одних языков на другие, и не

генетическими причинами, а параллельным развитием в почти тождественных ареальных условиях: многие балтийские и славянские диалекты являются членами так называемого "евразийского" языкового союза. В данном случае (как, впрочем, и во многих других случаях) балтийские диалекты как бы повторяют путь, пройденный славянскими диалектами, но со значительным опозданием и в весьма замедленном темпе.

Е. И. ГРИНАВЕЦКЕНЕ, Д. Ф. МАЦКЕВИЧ

К ПРОБЛЕМЕ РАСПОЗНАВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Диалектное рассмотрение языковых явлений белорусских народных говоров северо-западной зоны позволяет говорить об особенностях, которые составляют систему того или другого маргинального ареала и не имеют соответствий в белорусском литературном языке и других его говорах. Эти особенности разграничивают говоры и являются явными показателями определенных этнолингвистических процессов, проходивших или проходящих в исследуемых ареалах в скрытом виде. Они отражают сложную картину ареальных контактов и позволяют делать выводы об изначальной стратификации диалектной системы данного маргинального ареала, о сближении и расхождении языковых единиц в историческом прошлом.

Однако при распознавании такой лексики возникает немало трудностей, так как по своей форме эти лексемы тождественны белорусским словам определенного языкового региона.

Наши поиски последних лет в этой области позволили обнаружить некоторые критерии для распознавания иноязычной лексики, бытующей в белорусских говорах. К числу последних мы относим:

1. обилие вариантов предполагаемого заимствования;
2. стирание его семантики;
3. широту и расплывчатость его значения;
4. контаминацию и модификацию его формы;
5. сохранение рода заимствования.

Выделение каждого критерия в нашем сообщении подтверждается на конкретных примерах.

СЛАВЯНСКИЕ СЛЕДЫ В ЛАТВИЙСКОЙ (МИКРО)ТОПОНИМИИ

Не претендуя на решение вопроса о единстве балтийских и славянских языков, в данном сообщении автор стремился сгруппировать факты славянского влияния на латвийскую (микро)топонимию, хотя таких фактов очень много — главным образом в лексике, а также в морфологии и даже в фонетике.

I. Генетически исконные или старые заимствованные лексемы, которые встречаются по всей республике и вполне соответствуют системе латышского языка —

а) этимологически прозрачны и соответствуют латышским апеллиативам: *Bļūoda*, *Bļūodene*, *Bļūodnieki* : ст.-слав. блюдо; *Straūjais*², *Straūjēni*², *Strauj-upes*; ст.-слав. строуя и др.;

б) непрозрачны, часто без соответствующих апеллиативов : *Grūobina* — город в югозап. Курземе : р. граб, грабина (?), хотя имеются также топонимы *Grūobas*, *Grūobe*, *Grūobis* и апеллиатив *grūoba* 'Grube, ausgefahrenes Wagengeleise; Schlucht, Tal' МЭ I 670; *Ludza* — город, река, *Ludzis* хутор, *Ludzenieki* — село в восточной части республики : праслав. **lougiā* *Praviņi* в Земгале — в средней части республики : р. править (?) и др.

II. Новейшие заимствования, которые не имеют соответствующих апеллиативов, но соответствуют грамматической структуре латышского языка, и от этих названий местностей возможно образовать названия жителей, напр. : *Barauka*// *Borauka*// *Borovka* < р. бор; *Duboviki* < р. дуб; *Tartaks*, *Tartaka* (в юго-западной части республики) < польск. *tartak* и др. Эта группа топонимов встречается, главным образом, в восточной части республики, где среди населения всегда было много русских.

III. Некоторые новые заимствования, которые встречаются в восточной части республики и часто не соответствуют системе и грамматической структуре латышского языка, напр., колхоз Мирный, колхоз 30 лет Октября, колхоз XXI съезд КПСС; *Сорнаја* < р. черная и т.п. От таких топонимов часто невозможно образовать названия жителей.

Примечания: I) В латвийской топонимии, если нет документальных данных, часто невозможно точно определить этимологию или происхождение слова. Так, напр., *Dubinova* может быть

< р. дубина и < лтш. dibens (диал. dubens, dubins).

2) Возникает вопрос, нет ли связи между анаптическим в земгальских говорах с полногласием восточнославянских языков, напр., Вяр'zi : р. берёза; Var'na : р. ворона ?

В. А. ДЫБО

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПОРОЖДЕНИЯ АКЦЕНТНЫХ ТИПОВ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН В ПРАБАЛТИЙСКОМ

Как было замечено уже Ф. де Соссюром, в системе литовского словообразования действуют два принципа выбора (порождения) акцентных типов (Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 624-625). Один, который мы называем категориальным, заключается в том, что акцентный тип производного полностью определен словообразовательным или морфологическим типом производного (словообразовательным суффиксом или словообразовательной моделью). У большого количества словообразовательных типов этот принцип явно вторичен, а т.к. тенденция его расширения отчетливо проступает во всей истории литовского языка, то трудно назвать словообразовательный тип, в котором первичность этого способа выбора акцента нельзя было бы поставить под сомнение.

Имеются два источника, позволяющие реконструировать наиболее раннее состояние системы выбора (порождения) акцентных типов производных, которое можно назвать пралитовским или прабалтийским. Это материал древнелитовских акцентуированных текстов (в первую очередь текстов Н. Даукши) и наиболее подробно описанных диалектов (особенно Тверечус). Перестройка, которой подвергается система порождения акцентных типов производных в истории литовского языка, довольно значительна. В современных диалектах сохраняются лишь фрагменты первичного состояния, но т.к. в разных диалектах эти фрагменты различны, и в то же время объединены единым принципом, называемым нами "вторым принципом парадигматического акцента" (см. В. А. Дыбо. Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем. — Конференция "Проблемы реконструкции" 23 — 25.X.78. Тезисы докладов. М., 1978, с. 56-61), то, изучив эти фрагменты и объединив их, мы получим достаточно большой фрагмент первоначальной системы, который хорошо ве-

рифицируется и дополняется материалом древнелитовских акцентированных текстов.

Согласно "второму принципу парадигматического акцента" выбор акцентных типов производных в этом реконструированном фрагменте акцентной системы определяется двумя параметрами: акцентной парадигмой (а.п.) производящего и морфологическим классом суффикса. Двум а.п. производных: 1а.п. (лит. 1 и 2 а.п.) и 2 а.п. (лит. 3 и 4 а.п.) (реконструируемое состояние относится к периоду до действия закона де Соссюра) соответствовали три акцентных типа производных: тип А — неподвижное ударение на корне; тип В — неподвижное ударение на суффиксе; тип С — подвижное ударение (= 2 балтийской а.п.). Суффиксы делились на два морфологических класса — I кл.: -išk- (adj.), -in- (adj.), -at(-i), -ast(-i), -ing-(adj.), pa-√-(j)ė, pa-√-(j)us; II кл.: -iškj-, -inj-(adj.), -uš-, -at(-ā), 1st(-ė), -in1k, 1b(-ė), -št-. Выбор акцентного типа производился следующим образом: от основ I а.п., независимо от класса суффикса, выбирался акцентный тип А, от основ 2 а.п. при суффиксах I класса — тип С, при суффиксах II класса — тип В:

а.п. производящих класс суффикса	1	2
	I	А
II	А	В

Т.ЗДАНЦЕВИЧ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ МШИСТЫХ БОЛОТ, ОСНОВАННЫХ НА КОРНЯХ mšch (ЭКВИВАЛЕНТ БАЛТИЙСКОГО mug-) И saman- (*sam-) НА СУВАЛЬЩИНЕ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ПОЛЬША)

Предметом настоящего доклада является представление инвентаря, фонетический и морфологический анализ, а также рассмотрение географии имен нарицательных и основанных на них местных названий, обозначающих поросшие мхом, чаще все-

го окруженные водой, но внутри сухие и покрытые деревянистой растительностью, болотные объекты на Сувальщине в северо-восточной Польше.

Как известно, Сувальщина — это первоначально балтийская территория, а именно послеледниковая, вторично колонизированная после 1410 года литовским, белорусским и польским населением. В настоящее время она почти полностью колонизирована: выделяется только небольшой анклав литовского населения на северо-востоке недалеко от городка Пуньска и белорусского населения между юго-восточным побережьем Августовской Пущи и рекой Бебжой. Конечно, в польских говорах на Сувальщине очень сильно белорусское языковое влияние, и значительно слабее — литовское.

Для определения болотных объектов, поросших мхом, там выступает — на территории с литовским населением имя нарицательное samanynas, а на территории с польским населением имена нарицательные musarz, mszar и mecz. Эти имена в разных фонетических вариантах и связанные с ними разнообразные словообразовательные формы выступают также очень часто как местные названия, обозначающие вышеопределенные болотные объекты. В результате нами отмечено 77 названий, связанных с именем samanynas (Samanynas, Samānis, Samaninis, Samaninē, Samanynėlis, Samanynukas и другие), 34 названия, связанные с именем musarz (Musař, Musar, Muřarysko, и другие), 25 названий, связанных с именем mszar (Mřar, Mřar, Mřaryk и другие), а также 6 названий, связанных с именем mecz (Mex, Meřek и другие).

Очень интересно географическое расположение трех первых групп названий; четвертая группа разбросана по всей Сувальщине без отчетливой географии.

Таким образом, местные названия, связанные с именем samanynas, охватывают всю литовскую территорию и прилегающую польскую в северо-восточной части Сувальщины от границы с СССР до линии, соединяющей деревни: Потопы — Рутка — Тартак — Романюки — Покомше — Калетник II — Весолово — Жви-келе — Клейвы — Лумбе — Жегары — Залеске — Зарубы — Посей-неле — Зелва.

На запад и юг от этой линии, только один раз соприка-саясь с ней, лежит территория, достигающая высоты Сувалок,

с местными названиями, связанными с именем mazar, которая ограничена линией, соединяющей местности: Зелва — Сейны — Кальчаны — Ромашковце — Бокне Нове — Вятролука I — Пётрова Домброва — Билже — Соболево — Червоны Кшиж — Моловисте — Саенек — Острове.

В западной части исследуемого нами района лежит территория, занятая местными названиями, связанными с именем mazarz, которая тянется от западной границы Сувальщины до линии, соединяющей на востоке следующие местности: Вулька (вблизи Филипова) — Крушки — Хубры — Корклины — Зелене Крулевске I — Концебур — Тропилувка — Аугустув — Бялобржеги — Кольница — Коморники — Крошувка. Кроме того, фонетические и словообразовательные варианты названий, связанных с именем существительным mazarz, выступили в нескольких деревнях на пограничной полосе ареалов имен существительных samanúnas и mazar.

Географическое расположение местных названий, связанных с именем существительным mazarz, а именно наличие их также на побережье ареала, занятого названиями, связанными с именем существительным samanúnas, как кажется, указывает на существующую раньше связь этих двух территорий. Она была нарушена в южной и средней части Сувальщины (на высоте города Сувалки) ареалом местных названий, связанных с существительным mazar, созданным, по мнению автора, белорусским населением.

В свете вышесказанного автор готов интерпретировать появление гласного и в корне имени существительного mazarz и, конечно, в корне местных названий, связанных с ним, как влияние литовского имени существительного (во множественном числе) mūsaĩ 'плесень', с которым в этимологическом отношении непосредственно соединяется праслав. *mъchъ.

Однако полное отсутствие местных названий, связанных с именем существительным mūsaĩ на территории сувалкско-литовских говоров, склоняет нас выдвинуть такую гипотезу, что в имени существительном mazarz и интересующих нас названиях надо видеть не литовское влияние, а ятвяжское, где корень mu- имел бы, конечно, опять только гипотетически, так же как в славянском, значение 'мох'.

К ИСТОРИИ ЛИТОВСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Литовский языковед К. Буга еще 70 лет тому назад обнаружил, что в литовском языке имеется целый ряд христианских (церковных) терминов восточнославянского происхождения. Фонетические и морфологические признаки свидетельствуют, что данные слова должны были попасть в литовский язык еще до официального крещения Литвы польскими ксендзами в 1386 г. Из сказанного следует, что первыми распространителями христианской веры среди литовцев были славяне с востока, т.е. предки современных белорусов, а не с запада, т.е. поляки. Дальнейшие исследования польского языковеда Н. Боровской (1957 г.) и американского лингвиста А. Сенна (1974 г.) подтвердили указанный вывод.

Нами в 1971 — 1974 гг. был собран обширный антропонимический материал из рукописных книг регистрации бракосочетаний и крещения вильнюсского костела св. Яна нач. XVII в. В данном материале тоже явно выделяется определенный слой антропонимов восточнославянского происхождения. Указанные антропонимы были усвоены литовцами еще до официального крещения Литвы. Много соответствующего антропонимического материала имеется в современных литовских фамилиях и в названиях населенных пунктов, образованных от личных имен.

На основе лингвистического анализа всех указанных материалов мы вправе заключить, что христианская церковь восточного обряда начала влиять на Литву еще в XI веке, но особенно сильно было влияние со 2-й половины XII века. Большинство христианских (церковных) терминов в литовский язык попало от восточнославянских соседей еще до начала XIV века.

Вяч. Вc. ИВАНОВ

И.-Е. * son- В БАЛТИЙСКОМ И ПРЕДЫСТОРИЯ
MODUS RELATIVUS

Методы реконструкции фрагментов индоевропейских текстов представляются существенными для выяснения истории индоевропейской и балтийской именной формы (позднее причастия действ.

вал.) с суффиксом *-nt от корня *es- 'быть'. Для общиндоевропейского реконструируется делокутивное использование формы *(e/o)sónt- в качестве перформативного (ритуально-юридического) высказывания, отраженное согласно В.Порцигу и К.Уоткинсу, в значении лат. sóns 'виновный', др.-исл. sannr, в др.-инд. вед. yád savyám 'которое (из двух слов) правдивое' и в архаической хеттской формуле признания в грехе (в молитвах во время чумы и в государственных договорах) ašan-at 'это истинно так' (синонимично ešziy-at 'это так и бывает', ст.-лит. ěsti). Косвенные следы аналогичного употребления именных производных от *sont (рус. суть) обнаружены и в языке древнего славянского права. Назначение реконструируемого индоевропейского перформативного высказывания заключается в объявлении некоторого факта истинным, а человека - виновным. В подобных конструкциях представлен прототип тех именно восточнобалтийских употреблений форм типа *Modus Relativus*, восходящих к причастию на -nt, в которых Эндзелин видел главную причину отсутствия 3 л. мн.ч. на *-nt в балтийском. В старолитовских текстах обращает на себя внимание широкое распространение предикативного и абсолютного употребления причастных форм на -nt (в частности, от глагола бытия). Их превращение в *Modus Relativus* может датироваться значительно более поздним историческим временем, но сама тенденция к построению предложений типа ст.-лит. netik diewa santi 'non credunt deum esse' (Бреткунас) при наличии согласования причастных форм с косвенным объектом может восходить к тому времени, когда использовались в том же контексте именные обороты с *(e/o)sónt. Как показали исследования В.Амбразаса, в дальнейшем в части литовских диалектов и в латышском развитие *Modus Relativus* привело к формированию особой глагольной категории, сопоставимой с аналогичным употреблением форм со значением "засвидетельствованности" в ряде балканских (в том числе и некоторых южно-славянских) языков. Эта грамматическая категория как таковая может считаться относительно поздним результатом развития, охватывающего не весь восточно-балтийский ареал, а только его часть. Но истоки такого употребления формы на *-nt восходят не только к общепалтийскому, но и к общиндоевропейскому предикативному употреблению причастий (а на более раннем этапе - отглагольных

имен) на -nt-. Это употребление могло послужить (на значительном ареале, охватывающем почти все индоевропейские диалекты) причиной вовлечения *-nt в глагольную парадигму. Невключение *-nt в парадигму глагола (предполагаемое гипотезой об исконном отсутствии дифференциации чисел в 3 лице в балтийском) лучше согласуется с гипотезой об архаическом использовании причастия на *-nt как предикатива (ср. параллелизм хет. ašant и ešzi, с одной стороны, лат. sōns и sunt в контекстах типа архаического — у Варрона — Tanti sunt mi emptae? Sunt, — с другой). Поэтому это употребление причастия может отражать черты, предшествовавшие вовлечению его в глагольную парадигму (в балтийском так полностью и не осуществившемуся).

Е. М. КАТОНОВА

ДАННЫЕ ГИДРОНИМИИ О БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ КОНТАКТАХ НА СЕВЕРЕ БЕЛОРУССИИ

Нами была предпринята попытка осуществить сплошное лингвистическое обследование гидронимии бассейна Западной Двины на территории Белоруссии. С этой целью собранный материал (1618 названий, включая варианты) был подвергнут анализу на фоне балтийской и славянской топонимии. В результате исследования для половины названий удалось найти необходимый сопоставительный материал (топонимический и апеллятивный), который позволил дать этим гидронимам языковую интерпретацию. Выявилась следующая картина: 18,5 % интерпретированных названий с высокой степенью достоверности могут быть отнесены к славянским; 17,5 % гидронимов получили балтийскую интерпретацию, но большая часть наименований, составивших 64 %, оказались названиями, которые с достаточным основанием могут быть сопоставлены как со славянскими, так и с балтийскими языковыми (апеллятивными и топонимическими) фактами. Часто шансы у обоих вариантов объяснения настолько близки, что решение вопроса о языковом источнике таких гидронимов весьма затруднено. Есть основания полагать, что в той группе гидронимов, структуру и семантику которых из-за недостатка сопоставительного материала пока не удалось в достаточной степени прояснить, картина окажется сходной.

Чрезвычайный интерес представляют именно названия, которые могут быть истолкованы как с помощью славянских, так и с помощью балтийских языков. Думается, что далеко не во всех таких случаях возможно будет установить первоисточник гидронима. Учитывая длительный и мирный характер балто-славянских отношений в данном регионе (о чем говорят, в частности, результаты проведенного нами картографирования интерпретированных названий, обнаружившее довольно равномерное распределение гидронимов всех трех групп практически по всей исследуемой территории), есть смысл говорить о названиях, появившихся в результате языкового творчества носителей двух сосуществовавших языковых систем — балтийской и славянской. Славяне не просто перенимали, но творчески усваивали балтийские названия, приспособлявая их к системе родного языка не только в плане обычной фонетической трансформации, но и приводя их часто в кажущееся соответствие со своей апеллятивной лексикой путем привнесения своих апеллятивов в балтийские названия по созвучию с ними. Эти апеллятивы по ассоциативным законам постоянно активизировались в сознании славянского населения, прочно привязывались к балтийским названиям и составляли исходным балтийским апеллятивам мощную конкуренцию, производя в гидронимах часто весьма существенные, а порой даже разрушительные изменения. Не исключались, конечно, и способы перевода гидронимов на славянский язык. К сожалению, результаты картографирования дают мало дополнительных критериев для разграничения группы гидронимов, допускающих две разноязычные возможности их интерпретации, если не считать того, что славянских названий оказалось несколько меньше вдоль белорусско-литовско-латвийской границы. В связи с этим можно полагать, что те названия с двумя вариантами объяснения, которые расположены в пограничной зоне, пожалуй, имеют несколько больше шансов оказаться балтийскими, нежели славянскими.

Важно отметить, что в числе гидронимов, заключающих в себе неоднозначную возможность их этнолингвистического истолкования, есть названия (8 % от общего числа интерпретированных форм), которые имеют также и финно-угорские топонимические и апеллятивные параллели (кстати, эти названия тоже распределены довольно равномерно).

Таковы предварительные результаты гидронимического исследования севера БССР, которые, конечно, требуют дополнительного анализа.

ОТРАЖЕНИЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ КОНТАКТОВ В СКАЗКАХ

Близость сказочных традиций балтов и славян выражается в наличии в репертуарах этих народов аналогичных сюжетных типов, примерно одинаковой популярностью части сказок в XIX — XX вв., большой степенью сходства многих весьма архаичных и сравнительно поздних произведений. Однако наличие сходства в сказках не обязательно свидетельствует о древних контактах балтов и славян. Необходимо разграничить сказки — плоды совместного творчества разных народов и лишь типологически сходные произведения.

Нам представляется, что результатом творческих контактов разных народов можно считать те сходные сказки, в развитии которых обнаруживаются моменты случайности.

В докладе предпринимается попытка продемонстрировать обнаружение недостаточно органичного соединения в одну сказку двух некогда самостоятельных произведений. Используется методика описания структуры и смысла текстов сказок, разработанная нами в сотрудничестве с математиком А. Валулисом.

В качестве примера берется популярная у балтов и у славян сказка о брате, который превратился в животное (АТ 450). Сюжет этой сказки варьирует весьма незначительно, он сходен в литовском, латышском, русском, белорусском фольклоре.

Деление сюжетов текстов сказок соседних народов на элементарные сюжеты (ЭС), изучение связей между ЭС показало, что сложная сюжетная структура самой распространенной у балтов и славян версии образована соединением двух однотипных простых структур, являющихся основой двух близких по смыслу самостоятельных произведений. Первая простая структура из-за соединения разрушена: во всех текстах обнаружен ЭС "Герой пьет неподходящую для питья воду — превращается в животное" и имеются лишь рудименты ЭС о возвращении человеческого облика животному. Вторая простая структура сохраняется: обнаружен ЭС "Герой попадает в неподходящую для жизни человека среду — превращается в рыбу или птицу" и связанный с ним ЭС о возвращении человеческого облика рыбе или птице.

Соединение двух одинаковых по сюжетной структуре и близких по смыслу произведений было бы лишь механическим и недолговечным. Поэтому сложная структура могла образоваться лишь тогда, когда в первое произведение был включен новый ЭС об удачном замужестве. Появились возможности "удлинить" сказку — рассказать о дальнейшей судьбе другого героя (сестры). ЭС об удачном замужестве может сочетаться с различными ЭС о разрушении семьи, но балты и славяне выбрали трансформированный ЭС о потере героем человеческого облика и следовательно — о потере им семьи. Это совпадение не может быть объяснено типологией. Кроме того, балты и славяне почти одинаково слили в один два ЭС о возвращении человеческого облика животному. ЭС о потере братом человеческого облика остался без "парня" и стал поясняющим: для сказки в целом важна не судьба брата, а лишь то, как сестра получила необыкновенный объект (барашка с золотой шерстью), привлекавший внимание идеального жениха. Это совпадение развития сказки тоже нельзя объяснить типологией.

Вероятнее всего, что сказка АТ 450 в том виде, в каком она дошла до нас — плод творческих усилий как балтов, так и славян, свидетельство контактов этих народов в ту пору, когда появилась необходимость отразить в сказках патрилокальную семью.

Э.Я. КОКАРЕ

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ О БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ЛАТЫШСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

I. При исследовании отражения межэтнических общностей в латышских пословицах и поговорках (т.е. паремиях), применялся системный подход: сопоставлению подвергались не только отдельные адекватные паремии, но и весь тип, т.е. все ее структурные и синонимические варианты.

I.2. Для определения характера сходства паремий оказалось необходимым изучить функционирование соответствующих пословиц:

1) в пространстве — путем выявления а) ареала их распространения, б) частоты и интенсивности бытования; 2) во времени — путем установления давности их бытования; 3) в фольклорной традиции — путем соотнесения их с тематически род-

ственными типами пословиц и с иными жанрами.

2.1. В большинстве своем общие для балто-славянских народов паремии входят в интернациональные типы или как адекватны, или в качестве национальных редакций, причем иногда с многими вариациями.

2.2. В латышском фольклоре эти параллели являются в основном древним наследием и имеют историко-генетический характер; только небольшая часть принадлежит к заимствованиям или отражает типологическое сходство. Среди последних встречаются и такие типы, в основе которых можно предположить древнюю унаследованную модель.

2.3. Тематически эти параллели связаны с моральными взглядами и многовековым опытом трудовой и общественной деятельности народов.

3.1. Таких параллелей, которые принадлежат только балто-славянскому ареалу, значительно меньше. В латышском фольклоре они образуют три группы различного объема.

3.2. Первую, притом самую малочисленную, группу образуют пословицы, которые могли возникнуть в период балто-славянской племенной общности. В латышском фольклоре их поэтика и функциональная семантика имеют глубокие корни в устной традиции. Тематически они связаны с древними верованиями и обычаями.

3.3. Вторая группа — типологические параллели, причины сходства которых еще требуют дальнейших исследований. Большая часть их связана с оценкой характера и поведения человека как члена общества, а также с социально-экономическими отношениями классового общества и его моральными нормами, отражающими антагонизм этого общества.

3.4. Самую большую группу образуют контактные параллели, возникшие на протяжении последних столетий в результате постоянных контактов представителей разных народов. Таким путем в латышский репертуар попало много славянских — русских, белорусских, польских — пословиц. Распространены они в пограничных районах или в местностях с разноэтничным населением.

4.1. Для выдвижения конструктивных выводов в этнологическом аспекте необходимо всесторонне изучить бытование общих балто-славянских пословиц в фольклорной традиции других балто-славянских народов.

ГЕОГРАФИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ
В ГОВОРАХ ПОЛЬСКОГО И ЛАТЫШСКОГО
ЯЗЫКОВ

Параллельные фонетические или фонологические процессы в разных языках — явление весьма распространенное. Однако иногда поверхностная структура (surface structure) параллельных явлений настолько несхожа, что очень трудно доискаться общих черт между ними, не ссылаясь на их глубинную структуру (deep structure). Ср. 3.

Следующие параллельные явления в польских и латышских говорах выступают на территориях не изолированных друг от друга, а образующих определенный континуум.

1. Колебания в чередовании $a:e$ в позиции после r в корневых слогах — явление, фиксированное в романских, германских, славянских, балтийских языках (ср. Я.Эндзелин).

В балтийских и славянских языках область, на которой выступает изменение (или колебание) $ra > re$ охватывает: среднелатышские говоры (Я.Эндзелин; М.Рудзите), литовский язык (Я.Отрембский¹ не мог установить примеров, касающихся этого изменения на территории литовского языка, из-за отсутствия точных данных; З.Зинкявичюс, как нам кажется, вообще не рассматривает этих колебаний), польские мазовецкие говоры (ср. А.Басара, К.Дейна, Я.Отрембский²). Из этого вытекает, что в данном случае мы имеем дело с латышско-литовско-являжско-мазовецким территориальным явлением (Я.Отрембский³).

2. Кажется, что вопрос о переходе (нейтрализации различий) $*y > i$ в среднелатышском диалекте нельзя рассматривать в отрыве от явления $\bar{u} > y = i$ в польских северных диалектах (т.е. прежде всего в мазовецком, кашубском и др.) и обратно (ср. Я.Отрембский³).

Ср. лтш. desmit	vs. dęsmittais /*-ytais/
dedzini/et/	vs. dędzināt /+ynāt/
маз. sin, riba	< syn, ryba.

[i] vs. [y] различается в селонских и в латгальских говорах (А.Брейдак, Я.Кушкис, В.Зепс); далее в говоре литовских дзуков (ср. З.Зинкявичюс, М.Лекомцева) и, наконец, в польских южных говорах и в польском литературном языке (К.Дейна,

Я.Отрембский³). Таким образом, и здесь мы имеем дело с определенным типологическим фактом на территории, образующей континуум. М.И.Лекомцева приводит более широкий диапазон говоров и языков, в которых различается [ɨ] vs. [y], а именно: эстонский диалект сету (селонские говоры — С.К.), латгальские говоры, литовские южноаукштайтские говоры, русский, белорусский, польский языки и т.д.

3. То же самое происходит в случае латгальской перегласовки (т.н. первой латгальской метафонии) и польской перегласовки (т.н. польской депалатализации). Ср.: пол.др. *w miedzie: miód* vs. латг. *medenē : mads*; польск. *w krześle* : др. *krzasto* vs. латг. *krīslenskrāsls* (А. Bezenberger 1885; S. Kolbuszewski 1978). Sui generis альтернации *e/ä*, **ē/ā* в латгальском (А.Брейдак, Я.Лелис, М.Букиш); перегласовка в говорах т.н. Малой Литвы (А.Бещенбергер), доказывающая, что это явление было известно или могло быть известным в диалектах т.н. Великой Литвы (ср. Хр.С.Станг) и, наконец, своеобразные альтернации *e/o*, **ē/a* в польском (ср. Л.Мошинский и др.) выступают на территории, также образующей определенный континуум.

4. Исходя из этого, не следует ли редуцию *e>a* в польских говорах северо-восточного района (Л.Беднарчук), связанную, как известно, с явлением белорусского аканья (ср. Т.Зданцевич), а также т.н. вторую латгальскую метафонию (т.е. латгальскую депалатализацию *e, ē>ä, ā*) (А.Брейдак, М.Букиш) также рассматривать вместе?

В связи с рассмотренными вопросами (1 — 3) возникает проблема: являются ли параллели, представленные в данной работе, продолжением некоего общего языкового субстрата на балтийской и славянской территории или же они являются результатом каких-то относящихся к развитию тенденций, унаследованных от периода т.н. балто-славянского единства.

М. КОНДРАТЮК

ЛИТОВСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МИКРОТОПОНИМИИ ПОЛЬСКО- БЕЛОРУССКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ

В северо-восточной части Польши, на территории между Августовским каналом и средним течением реки Буг, в пограничной с Белорусской ССР полосе жители многих деревень двуязычны

ны, говорят на польском и белорусском языках. В части деревень белорусским диалектом владеет только старшее поколение или отдельные старожилы.

Территория эта была заселена, в основном, в XIV – XVII веках различными этническими и общественными группами польского, белорусского, украинского и литовского населения. В северной ее части до прихода славян жили ятвяги. Каждая из этих групп накладывала свой отпечаток на топонимию и микро-топонимию этого района.

Для исследования балто-славянских контактов особенно ценны и показательны микротопонимы. Микротопонимы в сравнении с апеллативной лексикой, а также с ойконимами и гидронимами, представляют периферийную группу слов. Эти слова имеют узкую сферу употребления, функционируют обычно в пределах одной деревни, селения. Микротопонимы как названия природных физико-географических объектов, хозяйственных угодий, урочищ в большинстве случаев передаются только устной традицией, они не включены в официальные списки, не представляют собой (с точки зрения фонетики и словообразования) каких-то постоянных нормализованных форм. Микротопонимы в отличие от других собственных имен лучше сохраняют черты местных говоров.

В докладе перечисляются и анализируются микротопонимы литовского происхождения на территории Польши, где население ныне славянское и не знает литовского языка. Указывается количество и ареал распространения отдельных названий, а также способы славянизации балтийских микротопонимов.

Самыми многочисленными и устойчивыми являются названия апеллативного происхождения, а среди них микротопонимы, образованные от литовских географических терминов, таких как: lydimas 'вырубленное место в лесу; поле на месте вырубленного леса', dūgnas 'дно, глубина, углубление в земле', de-gimas 'выжженное место: на дугу, на болоте, в лесу', vi-dugiris 'середина леса, бора; лес с кустами, зарослями', karklynas, karklynė 'кусты, заросли ивняка, вербы; место где растет ивняк', kamšà 'гать', krūsniš 'большая куча камней на поле', kūdra, kūdrà 'пруд'.

Реже встречаются микротопонимы, образованные от антропонимов литовского происхождения. Они обычно более славяни-

зированы, приобретают польские или белорусские топонимообразующие морфемы и форманты, например; Łozu Bilvīnavu, луг в дер. Хмелевщина, ср. лит. антр. Bilvīnas; Doukša 1) луг в дер. Рогожинск, 2) пашня в дер. Гончары, ср. лит. антр. Daukša, Daukša; Kiškeleušyna, луг и пашня в дер. Мелешки, ср. лит. антр. Kiškis, Kiškelis; Kuklevo, болото в дер. Приставка, ср. лит. антр. Kuklys, Kuklis.

Выявление всех балтийских элементов в географических названиях польско-белорусской пограничной полосы и учет других языковых и внеязыковых фактов окажутся полезными в более точном определении границ давнего размещения балтийских, в частности литовских, племен.

В. Д. КОРОЛЮК

"ВЕНЕДЫ", ВОПРОС О БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ОБШНОСТИ И БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Еще в середине XIX в. П. Шафарик сформулировал положение о тесной этнической связи славян и балтов, происходивших из корня прежнего населения. Тезис П. Шафарика много раз оспаривался, хотя имел и сторонников.

В последнее время В. Н. Топоров внес солидный вклад в изучение древних балто-славянских отношений на основании изучения как лингвистических (прежде всего), так и этно-фольклорных материалов. Аналогичная проблематика разрабатывалась также в работах В. В. Иванова и В. В. Седова (у последнего исследователя прежде всего на археологическом материале, но с привлечением лингвистических и этнографических источников).

В трудах этих исследователей постепенно возникает схема, хотя отчасти умозрительная и не по всем направлениям разработанная, согласно которой объяснение многих явлений в сфере языка и материальной культуры славян и балтов следует искать в факте существования в древности балто-славянской лингвистической и этнической общности.

2. Античные писатели I-II вв., писавшие о "венетах", относили их к региону обитания "сарматов". От них эта традиция перешла и к византийским авторам. По некоторым из сообщений о "венетах" они рассматривались как население, обитавшее в ре-

гноне проживания "германцев". Наиболее содержательные сведения о "венетах" содержатся у Тацита. Опираясь на сведения Тацита ("венеды" — пешее население, а не кочевники, их жилища — одинаковы с жилищами германцев, для их образа жизни характерны быстрые перемещения, территория их обитания — лес, лесостепь, горы) и сопоставляя их с более поздними сообщениями авторов VI в. н.э.—Иордана и Прокопия из Кесарии (многочисленность народа, быстрые перемещения, территория обитания — лес, лесостепь, горы), можно выдвинуть положение о существовании на территории Восточной Европы большого ареала, заселенного "венетами", отличного от территорий, занятых кочевниками и германцами. По характеру хозяйственных занятий "венеды" — земледельцы и пастухи. Содержание свидетельств авторов VI в. не оставляет сомнений в том, что в это время "венетами" называли славян (союзы славянских племен).

3. Для более раннего периода некоторые интересные наблюдения позволяет сделать текст Тацита. Тацит отмечает, что венеды по языку отличаются не только от германцев, фракийцев и других народов, но и от финнов. Вместе с тем в тексте Тацита нет какого-либо упоминания о балтах и их особом языке. Тем самым, можно было бы высказать предположение, что название "венеды" у Тацита — это название древней балто-славянской общности. Окончательно принять такой вывод мешает спорность этимологии термина "венеды" (см. различные предположения Б.А.Рыбакова, В.Н.Топорова, В.В.Иванова, а также сводку библиографии в труде польского ученого Г.Ловмянского (Początki Polski, t.1).

Свидетельства письменных источников позволяют определенно утверждать, что к VI-VII вв. балто-славянской общности уже не существовало. Анализ данных свидетельств авторов этого времени показывает, что в это время завершалось формирование славянской этнической общности. Вероятно, в аналогичные сроки следует укладывать и завершение процесса формирования особой общности балтов, нет оснований предполагать серьезного расхождения во времени между процессами формирования балтской и славянской этнической общности. Следует при этом иметь в виду, что на VI-VII вв. приходится завершение этих этнических процессов, а их начало следует относить к гораздо более раннему времени, может быть, и ко времени Тацита.

4. Каков же был в последующем характер этнических контактов в эпоху средневековья между славянской этнической общностью и балтской этнической общностью? На основе славянской общности формировались отдельные славянские народности (в Восточной Европе — древнерусская), на базе балтийской также народности, как латыши и литовцы. Вместе с тем следует выделить и большую зону, заселенную такими, связанными с балтской общностью племенами, как ятвяги, голядь и др., где имели место интенсивные межэтнические контакты в связи с массовым перемещением в эту зону славян.

5. Итог этих контактов известен — в течение веков балты на территории Древнерусского государства постепенно исчезли, войдя, как составная часть в состав восточнославянской этнической общности. Есть основания полагать, что этот процесс имел свою специфику и существенно отличался от процесса исчезновения пруссов на землях Тевтонского ордена (а затем — Прусского герцогства). Процесс германизации пруссов после завоевания их земель крестоносцами развивался при решающем воздействии таких факторов, как воздействие языка завоевателей, их государства, религии, господствующего класса, их права и новых обычаев в новых условиях. Перед нами пример чистого глоттогенеза (ср. процессы романизации в Римской Империи).

В средние века на Руси и в Польше воздействие всех перечисленных выше факторов было значительно менее сильным, чем на землях Тевтонского Ордена, хотя все три государства были классовыми феодальными и классовое угнетение везде здесь имело место. Поэтому процесс исчезновения балтов на этой территории не может рассматриваться как процесс чистого глоттогенеза. Значительную роль здесь должны были играть и факторы скорее этногенетического порядка: перемещения славян через полосу заселения балтов, смешанное население и брачная непрерывность в этой полосе. Разумеется, при современном уровне изученности этих процессов все вышесказанное может рассматриваться лишь как рабочая схема, гипотеза.

6. Если в дальнейшем будет поставлена задача углубленного изучения балто-славянских этнических контактов на территории средневековой Руси, то главная роль в ее решении должна принадлежать лингвистам и этнографам (данные археоло-

гии, антропологии, письменных источников могут играть при этом лишь вспомогательную роль). Но желательно, чтобы это были лингвисты-историки и этнографы-историки. Историзм в подходе к материалу даст возможность проследить этнические процессы и в пространстве и во времени по этапам и уровням.

Ю. ЛАУЧЮТЕ

БАЛТСКИЙ СУБСТРАТ В ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Исследования по археологии и топонимии (ср. работы П.Н.Третьякова, В.В.Седова, Ю.В.Кухаренко, К.Буги, В.Н.Топорова, О.Н.Трубачева, А.Ванагаса, Р.А.Агеевой и др.) показали, что до прихода славян Полесье, большая часть территории Белоруссии, северо-восточная Польша, западная часть Волго-Окского бассейна, часть Псковских и Новгородских земель и др. были заселены балтскими племенами. Последовавшая славянизация этих земель (I тысячелетие н.э. и позднее) привела к ассимиляции некоторой части балтов, в результате чего можно ожидать проявления балтского субстрата как в разных областях жизни, так и в языке, в частности — в лексике славян, расселившихся на этих территориях.

2. Применительно к лексике действием субстрата можно называть один из способов заимствования иноязычных слов — в условиях, когда какой-то язык ассимилируется другим в результате их взаимодействия в пределах единой территории.

3. Поскольку о балтском субстрате можно говорить только относительно конкретно определенного ареала славянских говоров, субстратные заимствования в известной мере противостоят заимствованиям пограничным, островным (ср. русские говоры на территории Литвы или Латвии) и др. Противопоставление субстратных балтизмов контактному (В.В.Мартынов) не представляется правомерным, поскольку в условиях субстрата контакт между носителями взаимодействующих языков играет не меньшую роль, чем при возникновении так называемых контактных заимствований.

4. Для успешного изучения субстратных балтизмов необходимо:

а) выявить как можно более полный и точный инвентарь славянских балтизмов вообще;

б) разработать методику и критерии разграничения исконной славянской лексики, общей с балтийской, и заимствований из балтийских языков в славянские (например, к какому слову лексики отнести русск., польск., блр., укр. *куль* 'сноп соломы, камыша' или полесск. *волока* 'заболоченная низменность?');

в) разработать принципы отличия субстратных балтизмов от др. (пограничных, островных) балтизмов; например, куда отнести балтизмы, непосредственный источник которых в современных говорах балтийских языков не удастся обнаружить, но которые отмечены на территории действия балтского субстрата (ср. балтизмы Полесья, северо-восточной Польши и т.д.)?

5. Предварительный анализ известных нам балтизмов показывает, что о субстрате мы можем говорить лишь условно, исходя из особенностей ареала, относительной хронологии, данных археологии, топонимии, истории и т.д. некоторой части заимствований. Лингвистические признаки, позволяющие отличить субстратные заимствования от древних пограничных заимствований, отсутствуют, ибо самый процесс субстратного заимствования первоначально проходил в условиях двуязычия — при пограничных или островных контактах носителей балтийских и славянских языков.

М. И. ЛЕКОМЦЕВА

К РЕКОНСТРУКЦИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ ГОЛЯДИ И ДНЕПРОВСКО-ДВИНСКИХ БАЛТОВ

1. При рассмотрении археологического и гидронимического материала, свидетельствующего о расселении балтийских и славянских племен от верхнего Днепра до междуречья Оки и Волги, обращает на себя внимание тот факт, что область расселения вятичей частично накладывается на территорию голяди, а территория кривичей частично совпадает с зоной распространения голяди, частично — с областью днепровско-двинских балтов, а остальная часть, как и у вятичей, выходит за пределы расселения балтов.

2. В этой связи стоит проверить, какие явления в современном лингвистическом ландшафте этой территории можно связывать с балтийским субстратом и использовать для реконструкции фонологической и др. систем языков указанных балтийских комплексов.

3. В говорах вятичей и кривичей вне сферы воздействия балтийского субстрата наблюдается оканье, на территории же расселения обеих групп балтийских племен — аканье. Это позволяет предположить отсутствие краткого o в как в языке голяди, так и в языке днепровско-двинских балтов. То, что среди говоров, наследующих вятичей и частично кривичей, оказывается еканье — как в зоне расселения голяди, так и вне балтийского ареала, склоняет к предположению о противопоставлении краткого и долгого e в языке голяди. На территории кривичей, приходящейся на ареал днепровско-двинских балтов, неизвестно еканье — отсюда можно предположить, что в фонологической системе этих восточных балтов краткое e отсутствовало.

4. Среди явлений консонантизма, которые можно включить в контекст воздействия балтийского субстрата, важно отметить встречающийся на территории бывшего расселения указанных восточных балтов переход $k' > t'$, $g' > a'$, что заставляет предположить диалектное членение языка днепровско-двинских балтов.

5. Отсутствие геминации согласных в группе говоров на территории восточно-балтийского комплекса заставляет сопоставить это явление скорее с балтийским воздействием, чем с противоположной тенденцией в славянских языках, и позволяет наметить еще одну диалектную черту языка днепровско-двинских балтов.

6. Характер свободного варьирования гласных и различного представления этимологически тождественных гласных в лексикализованных группах в говорах на территории расселения балтийских племен соответствует аналогичным типам, наблюдаемым в зонах современных балто-славянских контактов.

7. Ряд позднейших фонетических процессов (отверждение z, диспалатализация согласных в некоторых позициях и др.) в диалектах на территории бывшего расселения балтийских племен проходит аналогично соответствующим процессам в балтийских языках. Это дает возможность предположить изменение направления фонетической эволюции в этих говорах под влиянием балтийского субстрата.

8. Учет балто-славянского взаимодействия проливает свет на такие диалектизмы, как употребление "кто" в смысле "кто"

и "что", неразличение форм ед. и мн. числа глаголов 3 лица, сведение трех родов существительных к двум и др. возможные реликты балтийского субстрата.

9. Исследование балто-славянского взаимодействия на территории от верхнего Днепра до междуречья Оки и Волги может быть интересно как для русской диалектологии, так и для реконструкции некоторых черт исчезнувших балтийских языков.

М. И. ЛЕКОМЦЕВА

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Типологический анализ показывает, что ядерные подсистемы фонологического уровня балтийских языков образуют тип, характерный для языков ареала, ограниченного с запада немецким языком, с юга — греческим, с востока — русским и украинскими языками. Эта область не соответствует генеалогическим связям языков или какой-либо территории языкового союза.

2. Из экстралингвистических соответствий этой зоны интересно совпадение ее с выделяемой в генетике областью распространения носителей генофонда, характеризующегося колебаниями в группах крови гена В в пределах 10—15%. Распределение гена В относится генетиками к древнейшему периоду человеческой истории. Поэтому для этого ареала можно предположить или общий субстрат (кельтский? фракийский? доиндоевропейский?) или длительное и относительно замкнутое этой территорией контактирование, приводящее как к конвергенции в развитии языков, так и к дрейфу генов их носителей.

3. Типологический анализ фонологических подсистем новых заимствований в балтийских языках показывает, что они принадлежат "балтийскому" типу, представленному также диалектами северной Польши, немецким и кашубским языками, диалектами о-вов Эланд и Готланд и частью материковых диалектов шведского и норвежского.

4. Этот ареал частично соответствует Ганзейскому союзу и др. историческим контактам в районе Балтийского моря. В генетике этот регион выделяется как область распространения гена 0 на уровне 60—65% (такие области формируются сравнительно поздно).

5. Приведенный пример свидетельствует о том, что типологический анализ фонологических структур и их подсистем может использоваться наряду с этимологическим исследованием лексики для определения относительного времени и типа контактирования, а также для установления возможных участников контакта.

В. МАЖОЛИС

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ ЗАПАДНОБАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЯХ

1. Из письменно засвидетельствованных балтийских диалектов западнобалтийский (древнепрусский) является единственным, который непосредственно отражает пограничное контактирование древнейших балтийских и славянских диалектов.

2. Хотя западнобалтийское и славянское языковое контактирование являлось постоянным, однако степень его силы в последние два тысячелетия не была одинаковой.

3. В эпоху до последних веков до н.э. указанное контактирование "ослаблялось" тем, что в те времена западнобалтийский еще находился под контактным влиянием также "венетских" и др. диалектов.

4. С последних веков до н.э. западнобалтийское и славянское языковое контактирование усиливалось, и — тем больше, чем ближе к нашим временам.

В. В. МАРТЫНОВ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОТТОГЕНЕЗ СЛАВЯН

В предшествующих работах (см. В. В. Мартынов. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Мн., 1973; его же. Балто-славянский инновационный процесс в области именного словообразования. — Baltistica, II priedas, 1978) мы стремились показать, что а) словообразовательная система языка диагностирует наилучшим образом глоттогенез его носителей; б) славянское словообразование в основном совпадает с балтийским в формантно-функциональном плане. Здесь нам бы хотелось попытаться ответить на вопрос, чем же в та-

ком случае объясняются столь очевидные и большие различия между балтийской и славянской лексикой. Ответ на этот вопрос, как мы себе представляем, должен также помочь объяснить расхождения в области морфологии, поскольку для тех и других следует искать общие экстралингвистические причины.

Составленный в свое время список балто-славянских расхождений в области лексики (см. J. Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. - Wybór pism, t. II, Warszawa, 1961, с. 107) не свободен от существенных недостатков. Во-первых, праславянские слова в нем противопоставлены словам современного литовского литературного языка, в результате чего возникли ошибочные синонимические идентификации типа dėtė—kūdikis и otrokė—bėrnas (следовало dėtė—bėrnas: ср. лит. bebėrnis, латыш. bezbėrnis 'бездетный' и прасл. bezděťnъ). Во-вторых, славянские формы реконструируются на основе севернославянских данных, в результате чего возникают противопоставления типа dėtė—bėrnas, в то время как южнославянские данные позволяют восстановить прасл. bernъ 'ребенок, плод' (ср. серб.-хорв. брѣна 'беременная', забрѣнѣ или 'стать сукотной'), прасл. бъгна 'морда, рыло' (лит. burnà), прасл. була 'свинья' (лит. kiaulė) и др.

Однако, различия существуют. Они касаются наиболее частотной лексики и морфологии и должны получить какое-то объяснение, если мы настаиваем на том, что праславянский возник на основе западнобалтийского диалекта.

В работе "Балто-славяно-италийские изоглоссы" (Минск, 1978) нами было показано, что в ряде случаев в праславянском сохранились балтийские лексические реликты, которые оказались в значительной мере вытесненными их италийскими синонимами. Ситуация, следовательно, напоминала ситуацию, приводящую к возникновению английского языка, для которого характерна борьба синонимов англосаксонского и старофранцузского происхождения. Подобно тому, как исторически засвидетельствованное нашествие французоязычных норманнов привело к вытеснению или семантическому перераспределению англосаксонской лексики, археологически документированное нашествие предположительно италийского этноса привело к вытеснению или

семантическому перераспределению протобалтийской лексики. Снятие италийского лексического пласта существенным образом приближает славянскую лексику к балтийской. Кроме этого, у нас есть основание полагать, что не только италийский пласт заслоняет протобалтийскую по своему происхождению лексику славян. Археологически документированное нашествие скифов на этот же ареал (спустя семь веков) привело, как мы думаем, к результатам аналогичного характера. В настоящее время нами подготовлена работа о балто-славяно-иранских изоглоссах, совпадающая по методике с предшествующей. Постепенное ретроспективное снятие иранского и италийского наслоений приближает славянскую лексику к балтийской и демонстрирует правильность тезиса о западнобалтийской языковой основе праславянского.

Наглядной иллюстрацией к этому тезису являются названия топора в праславянском: toporъ (иранск.), sekyra (италийск.) tesla (протобалтийск. и индоевропейск.).

А. Г. МИТРОФАНОВ

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНЫХ БАЛТОВ НА ТЕРРИТОРИИ
БЕЛОРУССИИ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА (УП в. до н.э. —
УШ в. н.э.)

1. Сейчас можно считать установленным, что значительная часть территории Белоруссии и соседних с ней областей Украины и РСФСР была заселена до УП — УШ вв. н.э. дославянскими племенами восточнобалтской языковой группы.

2. Памятники этих племен до середины I тыс. н.э. относились к нескольким археологическим культурам: на юго-востоке Белоруссии и на севере Украины — к милоградской (УП в. до н.э. — I в. н.э.) и сменившей ее — зарубинецкой (по мнению В.В.Седова, западнобалтской—II в. до н.э. — II в. н.э.), в Подесенье — вхновской (УП — I вв. до н.э.), в средней полосе Белоруссии и в Восточной Литве — штрихованной керамики (УП в. до н.э. — V в. н.э.); на севере Белоруссии, на юге Псковской области и на Смоленщине — днепродвинской (УП в. до н.э. — IV в. н.э.).

В середине I тыс. н.э. в пределах ареалов этих культур распространились памятники (селища, городища-убежища, грун-

товые и курганные могильники) одной культуры типа верхнего слоя Банцеровского и Тушемлянского городищ.

4. Вопрос о происхождении и о компонентах этой культуры нельзя решить без учета крупных политических событий, имевших место в первой половине I тыс. н.э. на юге Восточной Европы. Эти события были связаны с большими передвижениями многочисленных племен, в том числе и племен — носителей зарубинецкой культуры. Известно, что еще в конце I в. до н.э. и на рубеже н.э. началось передвижение зарубинецких племен в Подесенье — в ареал вхновской культуры. Во II в. они покинули бассейн Припяти и по Днепру и его притокам продвинулись до района Смоленска и на Оку.

5. Зарубинецкие племена, проникая на новые территории, не вытесняли местное население, а смешивались с ним, в результате чего возникали новые, родственные по своему характеру культуры: на Десне — почепская, а на Днепре — типа Адаменского селища.

6. Во II — IV вв. н.э. в жизни племен культуры штрихованной керамики и днепродвинской культуры (в тех частях ареала, которые не были затронуты передвижением зарубинецких племен) произошли большие изменения: исчезли городища, уступив свое место селищам, распространились городища-убежища и селища около них, на смену общинных домов пришли жилища, рассчитанные на малую семью, менялась керамика (исчезали штрихи, менялись формы сосудов и их пропорции, распространялись слабопрофилированные сосуды, исчезал орнамент). В IV в. н.э. большие изменения произошли и в культурах почепской и типа Адаменского селища: исчезли черты зарубинецкой культуры (орнамент, лощеные сосуды), распространились слабопрофилированные и тальпановидные сосуды.

7. Все эти изменения совпали с новой волной передвижения южных племен — потомков племен культур почепской и типа Адаменского селища. В результате расселения произошли своего рода интеграция родственных по языку племен и унификация их культуры на обширной территории от нижней Припяти и Десны на юге до Верхнего и Среднего Подвинья на севере и от западного междуречья Волги и Оки на востоке до Верхнего Цеснеманья на западе.

8. Таким образом, культура типа верхнего слоя Банцеровского и Тушемлянского городищ (У – УШ вв. н.э.) по своему происхождению является восточнобалтской, она складывалась на базе культур раннего железного века, восточнобалтская принадлежность которых представляется бесспорной. Восточнобалтская принадлежность этой культуры будет совершенно очевидной, если учесть, что ее ареал полностью совпадает с установленным языковедами (К. Буга, М. Фасмер, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев) ареалом массовой восточнобалтской гидронимики.

Л. Г. НЕВСКАЯ

ДОРОГА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
(литовские и русские параллельные тексты)

И в славянской, и в балтийской традиции погребальный обряд осознается и осуществляется как связующий двух сфер – жизни и смерти. Такой характер обряда особенно ярко проявляется в кардинальном значении для него многообразно выраженное представление о дороге. См. относящуюся сюда фразеологию, записанную в литовско-белорусском говоре – в дер. Пеляса Вороновского р-на Гродненской обл. БССР: про находящегося в агонии здесь говорят (блр. стаіц' на даро́з'е на вы́хат = лит. stóve ant k'alo išeic' i šito svėto). Умиравшего запрещено трогать и сильно по нему плакать: н'е мо́жна зво́дз'иц' з даро́уи, т.к. это затягивает агонию. Когда удается спасти безнадежно больного, говорят: н'або́шчка з даро́уи вы́в'ал'и, з'в'ал'и и н'е пам'о́р. Бывший при смерти и поправившийся человек рассказывал, что в критический момент слышал смертный шепот: у́жо нас два́юм на даро́з'е. Севернорусская плакальщица, не мирясь со смертью сына, мечтает "воротить сына баженого со этой со дороженьки" (Азадовский, 29). П р о в о д н и к о м (блр. правадн'ик, лит. vadovas) называют в Пелясе мужчину, читающего над покойным молитву, которому вторят все присутствующие.

Сравнение текстов севернорусских плачей с литовскими помогает выделить некоторые существенные для обряда представления, сходным образом отраженные в этом жанре (при этом жанровые различия литовских и русских плачей здесь не рассматриваются). Импровизационный характер плача делает осо-

104

бенно значимыми общие и типические места, отстоявшиеся образы, в значительной степени десемантизировавшиеся. Дорога как символ загробного странствования, имеющего целью воссоединение с "родителями" на том свете относится к основополагающим образам как литовского, так и русского плача.

Tėvulis iškeliausi dzidežėn kelionėn - in aukštą kalnelį po siera žamežį (Raudos, 13); Aušrelė aušta, saulelė teka, skirkis brolelių, rinkis pamergėles, sodink į suolelį, sodink už stalelio, česas keliauti tolimą į tavo tėviškėlę (Juška, III, 307);

Сама знаю, сама ведаю,
Што ты есь да снаряжаешься,
Как во эту во дороженьку
На родительску на буевку /-кладбище/
Ко сердечным ко родителям /Барсов, 45/
Голубушка мила-сестрица!
Уж куды ты сурядилася,
Уж куды да ты сподобилась?
Во котору путь - дороженьку,
В каки гости незнакомы,
Незнакомы да нежеланны? /Барсов, 162/.

Обращение к "родителям" с просьбой принять умершего и позаботиться о нем, наказы покойному передать привет "родителям", а также специальные "опознавательные знаки" (последнее имеет параллельное выражение в предметно-действенном плане обряда) - постоянные мотивы и литовского, и русского плача, имеющие в своей основе архаические представления:

Sūnytėli mano, trumpamžėlė mano, o ar pažinsi mano tėvelį motinėlę? O mano sūneli, o aš įduosiu ženklelį gaudžiu ašarėlių. Motinėle mano, atleidžiu mano sūnelį, o aš įdaviau ženklelį gaudžiu ašarėlių. O mano motinėle, pažink ant mano ašarėlių gaudžiu, priimk mano sūnelį, pasodink į vėlių suolelį

(Juška, III, 317);

Это мне-кова печальной головушке
Написать да скорописчатая грамотка
Ко своим светам желанным родителям,

Мне послать бы по тебе мило дитятко
 На иное второе живленьице,
 Стане облачко со облачком сходиться,
 Може, с ду-другом на стетеу постретаетесь...;
 Ты послушай тепло красно мое солнышко,
 Ты изведай все баженным родителям,
 От меня ты от печальной головушки... /Барсов, 197/.

В дуально организованном пространстве обряда в соответствии с архаическими представлениями происходит сакрализация границы между своим и чужим, областью жизни и смерти. В отправлении обряда это выражается в прощании с домом (громом ударяют о порог), а также в маркированности перехода в каждую очередную из замкнутых друг в друге сфер (крыльцо, ворота, выход на большую дорогу, мост и т.д.). Применительно к плачам можно говорить как об актуальном осознании этой границы: *oi, tai atadūnda viešus kelalis, tai atvažuoja mocinėtes brolalis ir sesarėtes. Kelkis, mocinėša, mūsu mylimoji! Oi, jūs išaikit cies varo varteliais, oi, jūs primkit savo giminėlas brolaiį ir sesarėlas; oi, tai jieš atkeliavo tolimų kelionėži, tai jieį atlankė mano mocinėti* (Raudos, 33),

так и об утрате живого представления и о превращении его в формальный прием: *mano bočeli, maža mano motės syulė, mažas josios viekelis, atkelk vėlių vartelius, atdaryk vėlių dureles, imk už baltų rankelių, pasodink į vėlių suoloelį* (Juška, 283).

Тема дороги неотделима от представления об отдаленности вообще и об области смерти. В плачах в особенности (в этом отношении с ними могут сравниться только заговоры) можно найти разнообразные конкретные воплощения этого представления, низводящие абстрактное понятие на более низкий уровень. Если в литовском плаче (но не в иных жанрах) характерное представление области смерти — *aukštas kalnelis* (ср., впрочем, единичные: *o mano vaikeli! O aš nuleidau, aš vis mislijau, kad mano vaikeliuinėra vietelės, o dar būta lomelių, dar būta klonelių, buta mano vaikeliū vietelė* — Juška,

III, 317; oi broľali mūsu, broľali myľimas, oi kap mes keliamom tansioj naktefei, oi, tai užgirdom sakafėli ūlbanc vidui žalios girafės, tai mes mislinom, tai mes dūmojom, kad mūsu broľalis in mus jaunas kalba meilūji žodeli - (Raudos, 26),

то в севернорусском плаче встречаются образы, соотносимые с лесом, морем, онегушкой, горами, северной стороной:

... откуль напасть велика буде кручинушка,
с океана моря напасть ли, моря синяго,
Аль с холодной, с подсиверной сторо-
нушки,
Али с темных лесов невзгодушка дремучих
/Барсов, 209-210/,

Прикрылся наш желанной родной дядушка
Он за темные леса за дремучия,
За высокие горы за толкучия,
За синие моря да за глубокия,
Колуны он наш свет да подвосточной
/там же, 211/.

Трансформацией образа дороги следует считать образ дерева, превратившийся в плачах в самостоятельный, хорошо разработанный и детализированный типический образ (ср. к этому многофункциональность и символику дерева в обряде, а также далеко идущее этимологическое отождествление дороги и дерева): Stovi prie kelalio baltoji liepeke, oi toi liepeke be liemenelio ir be šakeliu... Siktai stovi tasai kelmelis, an katro augo balta liepeke; oi aš pristosiu prie to kelmelio, oi aš padėsiu savo salvei, oi, aš mislinu, kad tynai padėta rūkų paduškėte. Oi, siktai stovi tas grynas kelmelis ir ty negaliu prisiglauscie: kietas medelis, visur užgauna šaurus vėjalis (Raudos, 16);

Уж как я бедна кручинная головушка...
Как несчастная кокоша во сыром бору
На подсушной сажу на деревиночке,
Я на горькой сажу да на осиночке...
/Барсов, 102/.

К ВОПРОСУ РУССКО-ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ

I. В условиях межъязыкового контактирования типа русско-литовского можно выделить три вида заимствований, приводящих к вариативности языкового выражения: I) заимствования-ошибки; 2) заимствования-варваризмы (иначе — ненормативные варианты) и 3) заимствования-варианты нормы или могущие стать нормой. Каждый из указанных видов заимствования выступает на разных уровнях (звуковом, лексическом, семантическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном).

II. Заимствования первого вида, как правило, являются следствием слабого владения языком. Они сравнительно редко проникают в публичную речь, в печать. Они описываются и изучаются в основном с целью составления различных методических пособий, имеют первостепенное значение в практике преподавания одного языка носителям другого.

III. Заимствования второго вида составляют важную проблему культуры речи. Они нередко проникают в публичные выступления и массовую печать.

IV. Заимствования-варианты нормы и примыкающие к ним образуют слой так называемых "контактных" вариантов, возникших в каждом из языков именно в результате контактирования. Появление такого рода вариантов в речи говорящих не на родном языке свидетельствует, с одной стороны, о высокой степени владения данным языком, и с другой стороны, об определенной социальной престижности данного языка.

V. Варианты русского языка, относящиеся к последнему виду, наряду с общеязыковыми вариантами, подвергавшимися в условиях контактирования с литовским языком определенным модификациям (упрощение, выравнивание, предпочтение одних вариантов другим и пр.), составляют специфику, или же "колонит" русского языка в Литве.

СУДОВАЛАНЕ (sudowlany) КАК СТАРОБЕЛОРУССКОЕ
НАЗВАНИЕ ЯТВЯГОВ

1. В процессе освоения запустевших ятвяжских земель в районе современного польско-литовского пограничья (с начала XVI в.), помимо литовцев и поляков, участвовали белорусы (в частности, из окрестностей Гродно, Лиды и Волковыска) и даже "потомки ятвягов. Можно предполагать, что первыми, кто вновь вступил на ятвяжские земли, были именно ятвяги" (J. Wiśniewski).

2. В связи со сказанным вызывает интерес ойконим Sudowlany, приведенный под 1629 г. в одной из книг записей Литовской метрики: "...zascianek gruntu w Lesnictwie Nie-monoieckim leżący, we wsi Sudowlany nazwanej Pilekolnis rzeczony, włok trzypiascie" (№ 99, л. 330 об.). Еще раньше, под 1593 г. в том же лесничестве упоминается "застенок лесу непроробленого называемый Пилекольны, в котором... волок дванадцать при границы имения и местечка... Викуньского" (там же, № 78, л. 225), т.е. современных Вижайн Сувалякого повята Белостокского воеводства ПНР.

Вблизи Вижайн расположено с. Sudawskie с хорошо известным городищем (М. Kaszyński). В связи с этим можно предполагать, что именно здесь следует локализовать ойконим Sudowlany и топоним Пилекольны / Pilekolnis (ср. лит. pi-liakalnis 'городище'). В записи 1593 г. урочище Пилекольны в качестве ближайшего ориентира имеет лишь "местечко Викуньское", а не село Sudowlany, вероятно, поэтому не исключено, что последнее возникло в период между 1593 и 1629 гг. Ср. в 1630 г. подтверждается право "na wioskę ... Pilekalnie Sudowlany nazwaną" (там же, № 99, л. 375 об.; Sudowlany, очевидно, ошибка вм. Sudowlany), т.е. в ойконим включается и топоним.

3. По своему словообразованию форма Sudowlany вполне соответствует ойконимии тех районов, откуда происходили белорусские поселенцы ятвяжских пущ: ср. "вдоль северо-западной и западной границы БССР сравнительно неширокой полосой размещены 70 - 75 % всех названий на -аны/-яны" (М. В. Бірыла, А. П. Ванагас).

В отношении фонетической структуры именно белорусский, а не польский характер ойконима Sudowlany четко определяется наличием эпитетического *l* как яркой черты восточнославянской ономастики вообще (P. Arumaa).

4. Наиболее вероятная исходная форма, ставшая основой для образования ойконима Sudowlany, представлена в лит. *Sūdava* (название села в ближайшем к Вижайнам Вилкавишском р-не Литовской ССР). В отличие от латиноязычных памятников (ср. *Sudowenses* под 1375 г.) в славянских источниках этот ятвяжский этноним — в своем прямом значении — не зафиксирован.

5. Исходя из ойконимической формы Sudowlany (1629 г.), т.е. Судовляны, следует думать, что в старобелорусском языке существовал этноним судовляне 'ятвяги, жители Судавии' (как египтяне, римляне и др.). В словообразовательном отношении реконструируемое старобелорусское наименование ятвягов должно стать в один ряд с отмеченной еще под 1192 г. формой *Pollexiani* как старопольским названием этого же западнобалтийского этноса (J. Nalepa).

Э.П. НИЙТ, М.Н. РЕЙМЕЛЬ

СТРУКТУРА БАЛТИЙСКОГО ПРОСОДИЧЕСКОГО АРЕАЛА

Интерпретация явлений просодии, распространенных в языках и диалектах балтийского ареала, в значительной мере зависит от избранного аспекта их рассмотрения (сравнительно-исторических, типологических или чисто фонетических соображений). Множественность интерпретаций возникает здесь, в первую очередь, из-за т.н. взаимной обусловленности отдельных просодических параметров, которая ведет (при попытках сведения наблюдаемых процессов к каким-то первопричинам) к насильно навязываемым схемам по отношению к другим элементам просодической системы. Как нам представляется, стоит лишний раз обсудить возможности подхода, заключающегося в отказе от преждевременной категоризации просодических параметров и в избрании в качестве системы отсчета "полного просодического пространства" некоторой определенной формы. Иными словами, в данном случае все просодические явления рассматриваются как содержащие (в определенных

пропорциях) элементы тона, количества и акцента (ударения) одновременно. Такое понимание структуры балтийского просодического ареала, как известно, существует, — но только применительно к весьма ограниченным подареалам и, к тому же, не очень охотно разделяется лингвистами. При такой обобщенной трактовке теряются резкие границы между "разными" с традиционной точки зрения явлениями и создается впечатление, что просодическая система как будто лишается возможности более радикальных изменений (все переходы кажутся непрерывными, гладкими, медленными). На самом деле это не обязательно так. Возможность существенных перемен имеется и в таких системах "динамического равновесия". Используя при моделировании структуры балтийского просодического ареала, например, элементы теории катастроф Р.Тома, в ней сравнительно легко можно выделить составляющие образования. Наши основные результаты, полученные при помощи цифрового моделирования:

1) структура балтийского (возможно, и балто-славянского) просодического ареала, без заметного ущерба ее отдельным деталям, легко представляется как состоящая из двух фигур (областей накопления): а) полоса; б) периферийные "пятна";

2) размещение этих фигур в ареале, очевидно, не объяснимо локальными взаимодействиями.

Интерпретация размещения полос в балтийском просодическом ареале совпадает, видимо, с выводами современной лингвогеографии о том, что при возникновении полосы заметную роль играют внеязыковые факторы. Трактовка распространения периферийных пятен (последние рассматриваются лингвогеографией как результат процесса вытеснения более древних явлений, начавшегося из центра ареала) в данном случае не столь убедительна. На наш взгляд, одним из возможных объяснений возникновения периферийных пятен могут быть спонтанные изменения в системах динамического равновесия (возможно, в связи с локальными взаимодействиями).

УЧАСТИЕ ЗАПАДНЫХ БАЛТОВ В РАЗВИТИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТВЫ

Методологические замечания. Главным источником для проблемы участия западных балтов в процессе развития средневековой Литвы как страны и народа являются отплеменные названия местностей типа Varģiai, Dainavà и Prūsēliai. Отплеменные и этатнические названия делятся на две группы: периферийные и экстерриториальные. Периферийные названия возникали на стыке двух племен или народностей, в пограничной зоне, тогда как экстерриториальные названия – результат принудительной или добровольной миграции населения вглубь территории другого племени или этноса.

Этатнические и отплеменные названия в Литве. На территории нынешней Литовской ССР, по данным списка населенных пунктов 1959г., выступает 17 типов отплеменных и этатнических названий общей численностью около 304. Среди этих названий можно выделить 4 основных группы: славянские – Gudēliai, Krivičiai, Lenkēliai, Maskōliškiai, Mozūrai, Rusinaĩ, всего 171 пункт; западнобалтийские – Varģiai, Dainavà, Prūsēliai, всего 57 селений; севернобалтийские – Kuršai, Latvēliai, Šelvenai, Zemūgala, всего 45 селений; татарско-караимские – Totōriškiai, Karajimiškis 22 селения; особняком стоят 2 пункта Vokiškiai; требует объяснения в общем многочисленная группа названий типа Narāvai-Nerāvai, которая может быть связана с племенем (загадочным) Норова, упоминаемым в "Повести временных лет".

Западнобалтийские поселения в Литве. Раньше других в Литве появились ятвяжские поселения, что было следствием агрессии крестоносцев, заставившей часть ятвягов покинуть свои земли и искать убежища в Литве. Вынужденная эмиграция ятвягов происходила во время правления великого князя Тройдена – начиная с 1276г. и до 1283г. В 1278г. на литовской службе находились также пруссы и борти, тоже, возможно, бежавшие от крестоносцев. Наконец, орденские документы второй половины XIV в. ("Wegeberichte" и хроника Виганда) сообщают о селениях

Skolwa в окрестностях Шальчининкай и р.Литвы. Исходя из орденских документов, можно предположить, что это были пленные, захваченные во время походов великого князя Кейстута на владения крестоносцев, на Скаловию. Территорию, называемую Skolwa, упоминает также документ короля Владислава Ягеллы от 1387 г. Она может быть локализована и отождествлена с частью позднейшего бортыанского староства (ранее – волости), в состав которого еще в 1765 г. входило "скольвенское войтовство" южнее Радуни.

Западнобалтийские поселения в Литве, вероятно, намеренно размещались литовскими правителями на южных рубежах литовской этнической территории, над средним Неманом, на пространстве от р.Невежис вплоть до окрестностей Минска. Размещение селений типа Dainavà и Varčiai может быть использовано для изучения проблемы литовско-русских этнических границ в эпоху средневековья. Исследование этих названий позволяет обнаружить новые факты истории Литвы XIII–XIV вв. Примечательно, что в изолированных литовских диалектах именно этих мест (диалекты Zietela, Gervėčiai, Lazdūnainai) наблюдаются определенные особенности, отличающие их от основных аукштайтских диалектов. Эти черты следует приписать языковому влиянию ятвягов, бортей и скольвы.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

(на материале названий растений)

В силу действия своеобразных исторических обстоятельств на территории вдоль юго-восточной границы Латвийской ССР создалась особая языковая ситуация — зона взаимодействия латышского языка, т.е. нижнелатышских (на левом берегу реки Даугавы) и верхнелатышских (на правом берегу Даугавы) говоров и славянских языков: русского языка (представители групп носителей русского языка — старожилы старообрядцы и русские /православные/ поселенцы), белорусского языка и польского языка. В наши дни доминирующим средством общения является местная разновидность русского языка с белорусскими и польскими чертами.

Все носители латышского языка данной территории являются двуязычными: владеют латышским языком и местной разновидностью русского языка; среднее и старшее поколение является трехязычным: владеют латышским, русским и польским языком (вернее, понимают польскую речь и знают некоторые польские названия).

Носители русского, польского, белорусского языка старшего и среднего поколения, кроме родного языка, владеют латышским литературным языком, а также польским/русским, некоторые польским/русским/белорусским языком.

Носителей польского языка среди младшего и среднего поколения нет, употребляется местная разновидность русской речи.

Современное состояние двух/трехязычия юго-восточного пограничья характеризуются, во-первых, количественным показателем — уменьшением количества народных терминологических названий растений. Гербарий из 90 растений, который в говорах средней полосы Латгалии представлен ≈85 названиями, на территории правого берега Даугавы представлен ≈50 названиями, на левом берегу ≈ 25 названиями.

Длительные межязыковые контакты приводят к взаимным заимствованиям. Характер и число заимствований зависит от того, которая из групп носителей языка является меньшей,

изолированной от других носителей данного языка (носители латышского языка в Каплаве, носители белорусского языка в Скайсте).

Лексические заимствования являются объективной формой проявления языковых контактов, $\approx 80\%$ контактных явлений. Также представлены семантические кальки: 1) со славянских языков на латышский язык (*Tussilago farfara*); 2) с латышского языка на славянские языки (*Taraxacum officinale*, *Polygala amara*).

Причинами заимствования и калькирования являются: 1) большая популярность растения в контактном языке в сравнении с родным языком; 2) отсутствие/непопулярность названия растения на родном языке.

Ход заимствования представляется следующим: название растения на родном языке/отсутствие названия растения на родном языке \rightarrow название растения на родном языке + название растения на контактирующем языке/название растения на контактирующем языке \rightarrow название растения на контактирующем языке.

В речи славянского населения на данной территории в области названий растений образован "койне", слой названий, понятный и употребляемый всеми носителями славянской речи на данной территории (немного особо стоит русская речь старожилов-староверов), созданный на базе русского языка с белорусскими и польскими терминами (*Taraxacum officinale*, *Achillea millefolium*, *Syringa*).

Латышская терминология в области названий растений на данной территории является двойкой: 1) область на правом берегу, где представлены местные латгальские говоры со славянскими — русскими и белорусскими — заимствованиями; 2) область на левом берегу, где встречаются носители различных среднелатышских говоров, соединяющие диалектные черты своих родных говоров (*Ranunculus L.*) с заимствованиями и кальками славянских названий (*Plantago major*), что и способствует быстрому исчезновению латышской народной терминологии на территории левого берега Даугавы.

ПРОНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЛАВИЗМОВ В
РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКЕ ЮЖНОЛАТГАЛЬСКИХ ГОВОРОВ
ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

1. В восточной Латвии (Латгалия) в большей мере, чем в других частях Латвии, сохранились элементы древней материальной культуры и своеобразные лексические образования. Южная Латгалия является территорией соприкосновения балтов (латгалов, селов, литовцев) и славян (русских, белорусов, поляков). Поэтому здесь сохранилось много исконных слов, исчезнувших вследствие различных исторических процессов из латышского литературного языка и нижнелатышских говоров. Но благодаря смешанному национальному составу и широко распространенному двуязычию (латгальские и русские говоры при влиянии белорусских) и трехязычию (латгальские, русские и польские говоры) во всех тематических группах слов образовалось много лексических заимствований, особенно в ремесленной лексике (РЛ). Здесь из 1520 лексем зарегистрировано 725 заимствований (490 славизмов, около 170 гибридных форм /сложные названия и словосочетания/).

2. Проникновение, распространение и закрепление этих славизмов в языке носителей говоров не одинаково, о чем свидетельствуют группы лексических параллелизмов.

2.1. В РЛ южнолатгальских говоров около 44 % славянских заимствований — единственных обозначений соответствующей реалии. Это укоренившиеся заимствования, служащие для обозначения предметов и понятий, прочно закрепившиеся у всех носителей языка. Часть таких славизмов появилась под влиянием внешних факторов, вместе с приобретением самой реалии. Другие вошли в говор благодаря тесным внутренним контактам латгальских латышей и славян (славянские названия построек, наименования различных инструментов, частей и деталей предметов).

2.2. Большую часть РЛ составляют славизмы с ограниченным употреблением ($\approx 56\%$). Это не единственные обозначения соответствующей реалии, а их параллельные наименования. Употребление заимствований и их активность часто зависит и от процесса общественного развития, и от дифференциации поколений. Важную роль играет двуязычие и трехязычие. Все эти факторы

по-разному влияли на проникновение иноязычных элементов в РЛ южнолатгальских говоров.

2.2.1. Употребление одних славизмов обусловлено профессиональной ориентацией говорящих (galuveška 'головешка' в строительстве, в остальных случаях — nūdeģulis).

2.2.2. В системе говоров встречается несколько слов для обозначения одной и той же реалии, вошедших из различных славянских языков или их говоров. Хронология их заимствований тоже может быть различной (vērtipass/uravēnš 'уровень', tīnks/čikaturka 'штукатурка').

2.2.3. За последние десятилетия параллельно активно употребляются слова латышского литературного языка (различного происхождения) (pārba/krāsa 'краска', žvirā/grānts 'гравий', kūzņa/smēde 'кузница' и др.).

2.2.4. Наряду со славизмом, появившимся под влиянием внешних или внутренних связей, встречаются названия, образованные самими носителями говоров (puģāns/āršinauka/liela ēvele/garā ēvele 'фуганок', plāšcs/lītinieks 'плащ' и др.).

2.2.5. Так как славизмы в РЛ появились в течение многих столетий и пришли из различных славянских языков, то активность их употребления в исследуемый период времени в языке представителей различных поколений не одинакова (abrūss 'полотенце' / < блр. обрус / в речи людей самого старшего или старшего поколения, а ručnieks 'полотенце' / < рус. или блр. гов. ручник / у представителей всех поколений).

2.2.6. Зарегистрировано также несколько семантически ограниченных заимствований, один семантический вариант полисемантического слова. Иногда заимствование уточняет и конкретизирует соответствующее понятие, а также помогает разграничить некоторые значения или его оттенки (stročīt 'шить верхние части обуви' при исконном слове šūt 'шить / одеть, обувь и т.п./).

НЕКОТОРЫЕ БЕЛОРУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ БАЛТИЙСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Кроме белорусских антропонимов балтийского происхождения, указанных в других работах, их имеется еще большое количество, в частности: совр. бел. ф. Альд-аў, Альс-эвіч, Анц-н-бал-аў, Ап-оль-ка, Арц-эвіч, Балб-ат-ун, Бал-эйка, Бар-айш-ук, Барб-ук, Барц-эвіч, Безд-а, Бёмб-ель, Біб-ік, Бройд-а, Бумб-ель, Бярн-юк, Важ-эйка, Віік, Ворл-а, Варц-эйка, Варч-ун, Гарм-эль, Гар-мін-эвіч, Гоїл-а, Гоїш-а, Грын-ас, * Гульб-ін → Гульб-ін-эвіч, Гундз-эль, Гурн-о, Дзіндз-юк, Донд-а, Дор-ас, Дорд-аль, Доў-бар, Дыл-эйка, Дым-ша, Жус-ель, Жыб-к-о, Жым-айла, Жырн-эль, Жэдзь, Зіз-іка, Зіль, Ј-бз-ін, Јок-ша, Каб-ыш, Каз-юка, Кал-іт-уха, Калк-оў, Калт-эвіч, Кам-эйка, Камп-ыл-аў, Кант-ыл-ёў, Кар-ас, Карб-ал-эвіч, Карал-юк, Кас-нар-эвіч, Керд-оль, Кеўр-а, Кіб-ус, Ків-эйша, Кіл-еса, Кшы-эль, Клаг-іш, Клаўс-уць, Клёк-ель, Клеўж-ыц, Клуї-ша, Коїт-а, Кокт-ыш, Кольн-ет, Кордз-іс, Корк-ус, Корп, Крон-да, Крып-ель, Кудз-эйка, Кук, Кул-я-мін, Кунд-ас, Кун-эйка, Курм-эль, Куч-ун, Кяп-ура, Лаб-ун, Лав-эйка, Лак-уц-эвіч, Лам-эйка, Лап-ук, Лат-ут-а, Лаўк-эт, Лаш-ук, Лейш-а, Лял-юк, Лёмб-а, Лем-язá, Лэнд-аль, Ліб-ар-ас, Лід-ак, Лінк-эвіч, Лойк-уц, Лук-ша, Лүлоў, Лун-іс, Луп-эйка, Лындз-ін, Лю-барт, Лянг-ўз-аў, Мак-ўль Макн-я, Мал-ун-оў, Мандз-юк, Мандр-ук-эвіч, Ман-ул-эвіч, Мар-ун-ін, Мас-юк, Мат-уль, Мейл-ак, Мел-аш-унас, Мем-ус, Меньк-а, Мерг-ес, Мердз-іч, Мігл-ан, Між-эвіч, Мік-ш-ун, Мілт-о, Міндз-юк-эвіч, Міск-ял-ойць, Міс-ун, Міт-ун-эвіч, Мól-іс, Муї-від, Мульк-эвіч, Мурз-а, Муш-а, Мядз-ель, Мяк-ека, Мярк-о, Мярл-о, Най-барт, Нам-эйка, Нар-учь, Нясц-юк, Орс-ік, Падэліс, Па-кул-аў, Палт-о, Пант-ус, Понт-ус, Пунт-ус, Пап-эйка, Патал-ей, Пац-эйка, Піг-ас, Пидар, Пік-ас, Піндз-ік, Пін-ўза, Пінч-ук, Піп-іта, Піпір, Піпк-а, Плінд-а, Плешк-ун-оў, Пран-ўза, Прус, Пуїд-ак, Пуїш-а, Пук-іт-а, Пулк-о, Пүн-я, Пүт-нін, Пушк-эль, Пыз-а, Пын-к-уль, Пырс-ік-аў, Раг-ац-ень, Раг-ун-эвіч, Рад-а-ман, Рач-ын-скі, Раўд-ан-эвіч, Раш-аль, Роўк-ач, Руд-о-мін, Рук-л-ян-скі, Рынк-іс, Рэк-ун, Рэм-к-а, Саб-уць, Сак-ул-а, Сан-д-эвіч, Сан-тар-эвіч, Сарк-ан, Саўт, Свір-бут-эвіч,

Сѣс-а, Сѣй-бит-аў, Сек-уш-ѣнка, Сін-цѣл-ін, Сір-уць, Скар-ул-іс, Скерось, Скур-ун-овіч, Смірд-ан, Стак-ас, Страў-я, Стырн-гал-овіч, Стуб-айла, Стѣло-а, Суд-ас, Сур-мін, Сусвѣл-а, Сцѣ-бут, Сял-юн, Сят-ун, Тал-ейка, Тар-оць-ка, Ташк-евіч, Траб-а, Трак-ал-а, Тромп-ель, Тул-уз-аў, Тум-ас, Тун-як, Тыл-ітка, Тын-юк, Тышк-евіч, Цѣв-ель, Ціун-эль, Цѣльвік, Цып-і-лѣнд-а, Чап-он-іс, Чуп-ял-ѣнак, Шацдр-о, Шарк-ель, Шаш, Швар-а, Швінт-а, Шкіб-ель, Шкідз-ін, Шкір-мант, Шкрѣб-нік, Шкуд-р-оў, Шкуц-іла, Шкурдз-юк, Шлав-ян-ѣц, Шлап-ік, Шлѣйк-а, Шлѣп-ар-аў, Шлом-а, Шлуп-ак, Шлын-аў, Шлѣнд-а, Шнар-эвіч, Шніп, Шок-аль, Шот, Шпарт-оў, Шун-ейка, Шунт-а, Шурм-ель, Шуш-а, Шык-н-о, Шыл-ав-ѣц, Шымп-онак, Шыш, Шэр, Шэрш-ун; Шѣшк-а, Ют-аль, Явар, Я-вѣд, Я-гаўдз-ік, Я-гель, Ят-уль-чык.

В.В.СЕДОВ

СЛАВЯНЕ И БАЛТЫ В ДРЕВНОСТИ

(по данным археологии)

Ретроспективным методом выясняется, что наиболее ранними славянами были племена культуры подклошевых погребений, занимавшие в 400-100 гг. до н.э. бассейн средней Вислы и смежные с ним области Одерского бассейна. Ближайшими соседями их были балты, которые заселяли обширную территорию от юго-восточного побережья Балтийского моря на западе до верхней Оки на востоке. Судя по материалам языкознания, последние уже дифференцировались к этому времени на три диалектные группы — западную, восточную и днепровскую, что соответствует археологическим данным (культура восточнопрусских курганов; культура штрихованной керамики; близкие между собой днепро-двинская, верхнеокская, юхновская и милоградская культуры). На западной окраине балтского ареала, на Кашубской возвышенности в 7 в. до н.э. формируется поморская культура (вельковейский этап), носители которой представляли, скорей всего, окраинный западнобалтский диалект.

Распад древнеевропейской языковой общности (Х.Краз), куда входили будущие кельты, италики, германцы, иллирийцы, славяне и балты, не был одноактным процессом, а прошел через ряд этапов. Одними из первых, еще во 2 тысячелетии до н.э., из нее выделились балты, в то время как диалекты древ-

неевропейского языка, ставшие позднее славянскими, оставались в этой общности до середины I тысячелетия до н.э.

Раннеславянская культура подклошевых погребений сформировалась в результате взаимодействия и метисации носителей восточных групп лужицкой культуры (в языковом отношении — часть древнеевропейского населения) с расселившимися на их территории племенами поморской культуры. Последние, очевидно, и внесли в славянский язык те особенности (или значительную часть таковых), которые объединяют его с балтским (в основном, с западнобалтским) и послужили почвой для гипотез о существовании в древности балто-славянского языка или балто-славянской (славяно-западнобалтской) языковой общности.

Ранние славяне во второй половине I тысячелетия до н.э. вплотную соприкасались с предками прусско-явтяжских племен и находились с ними в тесных культурных и, очевидно, языковых связях. Другие группировки балтов находились в стороне от славянского региона.

В I в. до н.э. в Припятском Полесье и на среднем Днепре как ответвление поморской культуры складывается зарубинецкая культура. В языковом отношении носители последней, очевидно, были близки как к славянам, так и к западным балтам. В зависимости от исторических обстоятельств они могли стать и балтами, и славянами. Так оно и было. Потомки зарубинецкого населения, расселившиеся в поречье Десны и на Оке (поздnezарубинецкая и мощинская культуры), пополнили балтское население этих областей и передали ему западные языковые особенности. С другой стороны, та часть зарубинецкого населения, которая осталась в среднеднепровском регионе, приняла участие в генезисе славянского населения.

В первой половине I тысячелетия н.э. славяне по-прежнему заселяли Повисленье (висленский регион пшеворской культуры), а со II в. н.э. также лесостепные области междуречья Днестра и Днепра (подольско-днепровский регион черняховской культуры). В этот период славяне и балты соприкасались на широких пространствах от Повисленья до левобережья Среднего Поднепровья.

Начиная с II в. наблюдается интенсивная инфильтрация

славян в южные и юго-восточные области балтского ареала. В процессе славянского расселения местное население не покидало мест обитания, что привело к славяно-балтскому культурному симбиозу, охватившему значительные территории. Балты внесли заметный вклад в культуру, быт и язык древнерусского населения, сформировавшегося в условиях этого симбиоза.

Л. М. СОЛОВЕЙ

БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В ЖАНРЕ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЫ

Многие общие черты, характерные для белорусского и литовского фольклора, обусловлены не только общностью древнейших истоков, но и более поздними белорусско-литовскими контактами. Белорусско-литовские фольклорные связи отражают характер и направленность культурного сотрудничества наших народов в прошлом и могут служить существенным дополнением к материалам, которые предоставляет нам этнография, археология, языковедение, история. Использование обширного, с неодинаковой полнотой учтенного и недостаточно систематизированного фольклорного наследия во всем объеме представляет еще довольно сложную задачу и вынуждает ограничиться одним жанром. Межэтнические фольклорные связи наиболее отчетливо проявляются в жанре баллады.

Белорусские и литовские баллады близки в стилевом отношении и располагают большим количеством (около 40) общих сюжетных типов. Некоторые наблюдения позволяют судить о том, что литовская народная баллада испытала воздействие белорусской, усвоив из нее значительное количество сюжетов. О том, что воздействие шло в этом направлении, говорит следующее: 1) белорусская народная баллада значительно превосходит литовскую по количеству сюжетных типов (бел. — около 150, лит. — около 70); 2) большинство сюжетов, общих для белорусской и литовской баллад, в Литве наиболее часто встречается в районах, прилегающих к Белоруссии; 3) многие общие сюжеты в литовском варианте сохранили детали явно белорусского происхождения (имена, лирические вступления и др.). Небезынтересен и тот факт, что во многих местностях юго-восточной Литвы (включая район Вильнюса, Тракая)

широко бытовал белорусский фольклор (в том числе и баллады), носителем которого было белорусскоязычное, в настоящее время сильно полонизированное, население.

Влияние белорусской баллады на литовскую отражает одну из граней белорусско-литовского культурного взаимодействия, достигшего наивысшего расцвета в период существования Великого Княжества Литовского, в котором белорусский язык был языком государственным, а белорусская культура доминирующей. Известно также, что белорусско-литовское пограничье отодвигалось в северо-западном направлении еще в XIX веке. Важное значение в преодолении языкового барьера играла пограничная зона, для которой был характерен билингвизм.

Е. А. СОЛОВЬЕВА

ОБРАЗЦЫ ГЛОССОЛАЛИИ В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРАХ

Магические тексты (МТ) нередко включают глоссолатические и иноязычные отрывки, сакральные буквенные и изобразительные символы и формулы, преимущественно книжного происхождения. Будучи обращен к иным мирам, МТ избирает особо престижный код сообщения по принципу отталкивания от данной языковой среды.

Латиноязычный книжный "субстрат" проглядывает в рус. Пикус, Пакус, аллипакус, лтш. Rosalige alebasor и др.

Среди МТ, популярных у литовцев, латышей и славян, выделяется известная "сатор-формула" (СФ), применяемая как в каноническом, так и в вырожденном виде. Ср. сербск. ШАТОРА/РЕПОТО/НОТОПЕ/РАРОТС и лит. Шалаю, Лараю, Жалок, Дион, Соцоро, Перо, Ореператус.

МТ могут включать своеобразные вариации на темы буквенных комбинаций СФ: лит. Piūvis piūvi sveikina arinuarinu sutrinu trasu-trasu sutrinu; блр.; "ара, шора, сара" или "сера-пера"; сербск. Рапесенд. Ср. латышские вариации на тему abracadabra: Abrabetabra, Abrankuban, Ambrokula.

СФ могли быть образцом для моделирования. Ср. лтш.

Ralsa/Aloku/Jebruk/Skuči/Aukin, или Jno/Nal/Ola (читать по вертикали и горизонтали).

К ФФ, которые можно читать по всем направлениям, при-
мыкают МГ другого типа с обратным побуквенным или послов-
ным чтением. Ср. лит. (?) Kota, rota, dota, basdalyk, adyk
psyk, cik.Cik,psyk, adyk... Я.Л. Пшычынек идентифицировал
начало польского заговора от лихорадки: Si Benete tradesse
Dargiet et Sista и т.д. с одним из Versus cancrinus или
Rak'ом (в терминологии Кохановского), распространенных в
XVII в.: Si bene te trades, sedes, sad arte tenebis
и т.д. В Саратов. губ. также от лихорадки писали на бумажке
"рака усен" (т.е. рака несу), отрывали по букве и давали
больному.

Графический комплекс — rak— входит как составная часть
в каббалистический МГ abrakadabra. Использование послед-
него предусматривало побуквенное усечение. Семантика обрат-
ности, зачастую оцениваемая как бесовская, свойственна в
восприятии образа рака и народной культуре. Ср. лит. vežio
girnas (от болезни глаз) и наказания рака в латвиской
сказке: "ir deļ to paleka vežus bētorēs ākus sobīne".

Собственно фольклорные глоссолатические вставки имеют
ярко выраженную установку на голосовое воспроизведение. Эти
подражания шуму (лаш. Tram, Tram, tram или drips!), свисту
(слр. Хук! или Хух сербск. Нуууј.), вою (лтш. U-U-U-U ,
A-A-A-A) явно ориентированы на общение с нечистой силой (ср.
речь черта в чешском народном театре: Hola, hola, tramtary-
je; Brr...trum trum).

Более крупные отрезки четко аллитерированы: лтш. Ukta-
lilū, utalilū, uktir au' или Grursu Kursu Rulli Bumi
Vama. Аллитерация на —ц— имеет, видимо, сакральное значе-
ние.

Материалом для исследования послужили сведения из
трудов Куртца, Страуберга, Трейланда, Шейна, Погодина,
Тиньона, а также материалы из журнала "Вест", "Этнографи-
ческое обозрение" и др.

К РЕКОНСТРУКЦИИ СЮЖЕТА ОСНОВНОГО МИФА В БАЛТО-
БАЛКАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
(фрагмент "Жена и дети Громовержца")

В настоящей работе предпринимается попытка описания одного фрагмента основного мифа (мифа о Громовержце) в балто-балканском ареале. Схема основного мифа реконструируется как последовательность следующих эпизодов (=мотивов): небесная свадьба: (женитьба Громовержца, соответствующая фольклорно-мифологическому сюжету "Свадьба солнца"); поединок Громовержца с его противником (обычно змеем, похитившим скот; поединок кончается победой Громовержца, а змей скрывается в земных водах); измена жены (с противником Громовержца; жена изгнана с неба на/под землю, и становится Хозяйкой низа); наказание-испытание детей (Громовержец низвергает сыновей на/под землю, поражая их молнией и/или превращая в камни, червей, хтонических животных, растения и т.п.); воскрешение младшего сына (младший и единственный истинный сын Громовержца проходит испытание, воскресает в обновленной ипостаси и получает власть над сезонными изменениями в природе, т.е. над временами года).

Восстановленный таким образом сюжет основного мифа может быть описан набором универсальных семиотических оппозиций (верх/низ, свет/тьма, огонь/вода, мужской/женский, старший/младший, свой/чужой и т.д.). В конкретных воплощениях мифа (в частности, в его локальных вариантах) набор признаков достаточно свободно варьируется, как количественно, так и качественно, вплоть до перехода от одного персонажа к другому. Кроме того, одни и те же оппозиции актуализируются в разных ситуациях, что создает дополнительное разнообразие.

Опыт реконструкции основного мифа на балтийском и на балканском материале (см. прежде всего работы В.В.Иванова и В.Н.Топорова) показывает достаточно яркую контрастность в выборе мотивов с наибольшей сохранностью. "Балтийский (балто-славянский) вариант" выделяет прежде всего мотив поединка Громовержца-Перуна со змеем-похитителем скота; соответствующий "балканский вариант" делает акцент на мо-

тиве "изгнание жены и наказание детей". В определенном смысле можно сказать, что интегрированная схема основного мифа (в реконструкции) включает оба локальных варианта, находящиеся как бы в дополнительном распределении.

Однако более глубокий анализ показывает, что как для одного, так и для другого региона могут быть восстановлены "недостающие мотивы", существующие в имплицитной форме, или во всяком случае, не столь очевидно (достаточно упомянуть, в связи с поединком Громовержца, мотив фракийского всадника и т.п.). Примечательно, что "недостающие" мотивы в одном из локальных вариантов восстанавливаются как своего рода отражения соответствующих "сильных" мотивов другого варианта. Таким образом определяются схождения, которые оказываются слишком значимыми для того, чтобы интерпретировать их как чисто типологические. Речь может идти о некотором общем балто-балканском фонде, основанном на долговременных меридиональных контактах, реальность которых в последнее время с несомненностью подтверждается археологическими, этнографическими, историческими и лингвистическими данными.

Здесь в качестве примера приводятся материалы, позволяющие восстановить балтийскую версию мотива "жена и дети Громовержца" в свете соответствующей балканской. На Балканах (и прежде всего в румынской традиции) этот фрагмент восстанавливается следующим образом: Хозяйка низа, регламентирующая женскую работу (и, шире, вообще сферу женского), оставляет детей в доме наверху. В ее отсутствие Громовержец порежет дом и детей молнией — небесным, космическим огнем. Узнав об этом, Хозяйка низа бежит спасать гибнущих в пламени детей (выступающих в виде хтонических животных, змееподобных существ и т.п.). В мотиве "мать и дети" нередко актуализируется противопоставление младшего, самого маленького и нелюбимого сына остальным.

Восстановление такого рода корректно проводить на основании кросс-жанрового анализа текстов. При этом оказывается, что наиболее архаичная мифологическая информация нередко сохранена в текстах, традиционно относимых к чисто бытовым — запреты и рекомендации хозяйственного характера, регламентация повседневной жизни и т.п. Это, с одной стороны, сви-

детельствует о мифологической по преимуществу организации быта, а с другой стороны, обеспечивает мультипликацию различных мотивов основного мифа, которые, среди прочего, находят индивидуальное воплощение в каждом фольклорном жанре.

Балтийская версия этого мотива восстанавливается в данной работе, главным образом, на материале круга текстов, связанных с Лауме (лит. laumė, лтш. lauma, белор. пеляск. лаўмя, ср. русск. смоленск. лаума). Соответствие Лауме, а также сводимых к ней в основных чертах других персонажей (напр., лит. ragana, laumė ragana, deivė, morė, redėlia, лтш. ragana, белор. ведзьма, ведзьма рагана, нядзелька и др.) Хозяйке низа представляется несомненным. Оно доказывается, во-первых, исходной связью Лауме — Перкунас (о чем уже говорилось: см. N. Vėliū. Mitinės lietuvių zakmių būtybės. V., 1977), которая актуализируется в контексте основного мифа, среди прочего, совпадением ряда существенных признаков: приуроченность Лауме к четвергу; горы, камни, воды как те места, которые соотносятся с Лауме и ее рельефообразующей деятельностью (ср. названия возвышенностей, камней и вод в Литве, связанные с ее именем); ср. также появление компонента laumė в показательных мифологических сочетаниях, напр., в названиях белемнитов: laumės ravaš, laumės srenys, laumės pirabas (наряду с perkūno akmuo, perkūno kulka); в качестве элементов растительного кода: laumės karoliukai 'таволга', laumrapartis 'чернокорень', laumapirštis 'гроздовник', laumakikė, laum kytė (иначе sauliūtė) 'маргаритка', laumiabulvis 'грифель' (Scleromuces maculiformis) в связи с мотивом грозы и специально молнии см. laumė 'спорынья' (Claviceps purpurea) — ср. в том же значении белор. malanka, malenkovaža žarnėty (дер. Турейск, Борти Щучинского р-на Гродненской обл); энтомологического кода: laumžirgis (= perkūno arklys) 'стрекоза, водожил', laumės plaštakėlė 'моль', laumė 'ночная бабочка' и т.д.

Во-вторых, Лауме полностью описывается набором функциональных (связь с женскими работами, в частности, с прядением, ткачеством, стиркой, и их регламентация) и семантических (острый, колющий; мягкий, длинный; влажный, мокрый + горячий, = 'кипяток') признаков, установленных для Хозяйки низа

в балканском ареале. В связи с этим нельзя не обратить внимания на чрезвычайное сюжетное подобие, вплоть до текстуальных совпадений, балтийских (в частности, литовских) и балканских (в частности, румынских) регламентаций, относящихся к прирдению — ткачеству (ср. к своду румынских текстов в статье: Т.Н.Свешникова, Т.В.Цивьян. К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. "Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков". М., 1973 — литовские тексты, напр.: LTR 1417(20), 720(80), 2142(55), 768(331), 1722(161), LMD I 612(36) и др.).

Многообразные свидетельства о связи Лауме с детьми (сюжеты "Laumės ir kūdikis", "Laumės pamaino naujagimius vaikų", сказки, связанные с Лауме, раганой, ведьмой, детские игры — "Lauminėjimas" или "Lauminėvėna", свадебные танцы и т.д.) также могут быть аранжированы в контексте основного мифа и позволяют "достроить" и в балтийской версии мотив наказания жены и детей Громовержца, включая выделенность младшего из них.

К этому мотиву восстанавливаются следующие сюжетные узлы: 1) у Лауме есть дети (ср. языковые формы: laumynas, laumytis, laumiukas, laumytė, laumučia и др.); причем, их внешние признаки указывают на хтоническое начало, ср...su didele galva kai vėdras, o ta galva minkšta, kreivos kėjos, visas kreivas, šleivas, biauirus žiūrėti... 'с большой головой, как ведро, и мягкая та голова, кривые ноги, весь кривой, кривоногий, смотреть страшно' LMD I 323(9); 2) Лауме покидает детей в связи с функцией регламентации во времени женской домашней работы; 3) в отсутствие Лауме детей постигает несчастье (космического характера) — узнав об этом, она бросается на помощь (ср. способы избавления от пришедшей Лауме: она убегает при восклицании "Dangus griūva!" 'Небо рушится!', если сказать, что слышен с востока детский плач и т.п.); 4) как вероятное следствие эпизода несчастья возникает мотив кражи детей или подмены некрещенных младенцев с характерными указаниями на превращенность детей Лауме: на место новорожденного Лауме кладет в колыбель своего ребенка — спелзатую метлу, прут от веника, печное помело, связку соломы; если подмена не удалась и ребенка Лауме выбрасывают, то он снова превращается в метлу, прут и т.д.,

а прутья или соломины кровоточат (Vėlius, p.102); ср. также мотив "колдунья (ragana) подменяет детей животными" в латышских сказках (№ 705 Ābola meitīa, см. К. Arājs, А. Medne. Latviešu pasaku tipu pārtātājs. Rīgā, 1977), дети раганы как хтонические животные в сказках русского населения Литвы ("Про злую мачеху", ср. "Frau Holle"): ... где твои детки? — Под шерстким венником накрыты... Это мои дети мыши и лягухи (Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976, № 85); и т.п.; 5) дети Лауме проходят испытание (свой/чужой?) с помощью огня или огня и воды: чтобы вынудить Лауме вернуть младенца, подброшенного ею ребенка суют в печь, разжигают на его глазах огонь из яичной скорлупы, бьют его рябиновой веткой, ошпаривают и т.д. (Vėlius, p.103; Eržvilkas. v., 1970, p. 210; и др.). Следы выделенности младшего из детей Громовержца, выдерживающего испытание, см. в литовских и латышских сказочных сюжетах "Мальчик-с-пальчик" ("Мизинчик"): мальчик-с-пальчик рождается из отрубленного пальца на печи, из угля (ср. далее мотив: от грозы и дождя прячется в лесу под грибом); белорусские сказки того же типа, а также "Снытка", "Мал-малышок" (БНТ, 1971, № 153-154) с эпизодом "огненного" испытания героя в финале (пройти через жар, накрытый соломой, кипящую смолу). В ином ракурсе (растительный код) сюда же примыкают фольклорные персонификации грибов; ср. распространенную белор. загадку (БНТ, 1972, № 507 и др.): Кандрат, мой брат, через землю прайшоў, чырвону шапачку найшоў — с отгадкой "гриб" (= подосиновик, при мифологической отмеченности у белорусов осины как дерева, в которое часто бьет Перун). К мотивам младший сын — мизинец — гриб см. еще Tautosakos darbai III 144: чтобы избежать козней Лауме, надо согнуть мизинец; лит. laumaračiai, laumatilčiai (КЖ VII) 'место скопления грибов' (ведьмин круг) и др.

К числу несомненных жанровых трансформаций мотива "жена и дети Громовержца" относятся архаичные белорусские детские игры "У вугалькі", "У чорта і матку" (БНТ 1972, "Дзіцячы фальклор", № 987-990), которые пока, как будто, не привлекали внимания исследователей. В них представлены не только персонажи, мотивы и семантемы, входящие в контекст основного мифа, но практически воспроизводится схема целого его сюжетного фрагмента (подмена, испытание детей и т.п.). Ср. в

качестве примера вариант: черт угадывает, кому из играющих матка дала уголек, в результате определяются дзэці маткі и чортавы дзэці; после их состязания побежденные трижды пробегают сквозь строй победителей, которые бьют их веревками, поясами, шапками и т.д. Примечательны некоторые микромотивы: большой уголек — матка, маленький — дзіцятка; вариации эпизодов и их словесного сопровождения: матка идет лазю тапцць — насыпает холмик из песка, собрав детей в очерченный круг, зовет черта: чорт, чорт, хадзі ў лазню парыцца (ср. баня как место, где часто появляется Лауме, где она парыцца вместе с детьми); и др. По существу тот же мифологический инвариант воспроизведен и в № 986 указанного собрания ("У краскі"), с архаичным перекодированием: черт отгадывает детей, которых матка наделяет именами цветов, животных, насекомых, а также в № 985 ("Неба"), где особенно важен конечный эпизод состязания черта (по имени Джнджылай) и анёла над поленьями, символизирующими огонь.

Установление интегрированного "балто-балканского" варианта основного мифа построено на постоянном перетекании сходств и различий. Так, реконструируемый мотив "жена и дети Громовержца" обнаруживает многие существенные совпадения балтийской и балканской версий. Вместе с тем, эти версии могут быть описаны и в противопоставлении друг другу, прежде всего, по связанным признакам огонь/вода, верх/низ, т.е. по тем же параметрам, что и дуальная оппозиция Громовержец — Противник внутри самого мифа. В содержательном плане это интерпретируется как различные географические ("рельефные" и "климатические") версии основного мифа. На Балканах, где опасность представляет засуха, а вода — желанна, превалирует огонь, который весьма актуален в функции орудия наказания (ср. хотя бы румынский текст-заклинание от Хозяйки низа — описание пламени, сжигающего ее детей: *Sus pe vîrful delu-luî/ Délul Galileuluî,/ Arde stragnic un foc mare/ Cu para rână la sóre/* 'Наверху на вершине холма,/ холма Галилейского/Сильно горит большой огонь/С пламенем до солнца'). Балтийский ареал, в противоположность этому, отмечен преобладающей ролью воды. Ср. в связи с этим характерный семантический сдвиг в лит. *debesỹs* 'облака' (при значении 'небо' у соответствующего и.-е. корня) или белор. диал.

(Пеляса) ablóki 'небо'; ср. также участие воды в архаичном способе добывания огня с помощью кремня и березового гриба • yúby (по операционным текстам, записанным нами на Гродненщине), вода, болото, žikóvina и, шире, низ как места обитания Лауме, наказание/испытание водой (обваривание, угощение) и т.д. Поскольку соответствующий мотив кодируется одним и тем же звуковым комплексом per-, постольку примечательно, что в балтийском ареале он соответствует огню (Перун), а в балканском — воде (пеперуда и т.п.).

Такого рода сравнения—противопоставления можно продолжать, обращаясь более широко, к разным кодам, в которых предстает основной миф (растительный, териоморфный, энтомологический — см. тезисы В.Н.Топорова в наст.сборнике, гастрономический и т.д.). В этом смысле можно говорить, напр., о предпочтении визуального кода на Балканах (неслучайно соответствующие мотивы сохраняются прежде всего в ритуалах) и аудитивного в балтийском ареале (что допустимо интерпретировать и иначе — как продолжение расхождений по указанным ключевым бинарным оппозициям, т.е. свет/тьма). Ср. к этому "звуковой словарь" функций Перкунаса и его имени Dundulis, Tarš-kulis, а по отношению к реконструируемому здесь сюжетному фрагменту — многочисленные "слуховые" описания Лауме, часто с соответствующими опорными лексемами (girdēti - dundēti и т.п.): ragana nudundējo LTR 1417(20), girdi - atadunda LTR 720(80), už langū ēmē kaukti, baladotis LTR 768(331), viena subatvakarij išgirdo kažka baladojantis LTR 1192(144) и т.п., мемораты о том, как люди слышат звук самопрялки Лауме (Vēlius, p. 97; белор. пелясск. kalaurótak šumic' i ūrumic' nevadóma ják), плеск воды и стук валька (ср. характерный фразеологизм в ЛКŽ УП: laūmēs galva kultuvēs atgarsis 'отзвук валька'), пение ("Laumiņ sutartinē"), хохот, разговор, крик Лауме; ср. в латышских мифологических песнях: Kas tur pūš, kas tur špāc/ Viņa sila malīnā? / Raganīnas, Dieva meitas, / Velnam zagtas līgaviņas (Tautas dziesmas. Prof. P.Šmita red., III.Rīgā, 1938); и т.п. .

Возвращаясь к интегрированному балто-балканскому варианту, допустимо высказать некоторые дополнительные соображения. Балтийский и балканский фрагменты выстраиваются сюжет-

но в хронологическую последовательность: первая часть, "поединок" — балтийский, вторая часть, "изгнание жены, испытание детей" — балканский. Таким образом, меридиональная "географическая растянутость" в проекции на сюжет манифестируется как "временная растянутость". Примечательно, что на уровне семиотических оппозиций эта "временная растянутость" инвертируется, так, в оппозиции огонь/вода огонь (= молния) как первый этап грозы-поединка отнесен к балканскому ареалу, вода (=дождь) как второй этап — к балтийскому.

Т. М. СУДНИК

К ИЗУЧЕНИЮ СЛЕДОВ ДРЕВНИХ ПРУССОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Литовские острова на Гродненщине представляют чрезвычайно интересный эпизод балто-славянских связей. До наших дней здесь сохранилась с давних пор уникальная языковая ситуация (симбиоз литовского, белорусского и польского элементов), в которой кроется возможность сквозь призму настоящего взглянуть и на прошлые этапы балто-славянского языкового единства.

Особое место в цепочке островов занимает дер. Пеляса (Pelesa) и несколько соседних с ней деревень (Вороновский р-н Гродненской обл.). Поразителен уже сам факт необычайной жизнестойкости литовского говора среди славянской языковой стихии: при том, что литовско-белорусское двуязычие (или литовско-белорусско-польское трехязычие), несомненно, должно быть признано здесь достаточно давним, литовский до сих пор не утратил равновесия с белорусским, а в некоторых деревнях едва ли не преобладает над ним.

Некоторые особенности пелясского литовского говора (по основным признакам примыкающего к южноаукштайтскому диалектному массиву) могут быть соотнесены с чертами западнобалтийского типа. Имеются в виду прежде всего следующие фонетические архаизмы: 1) несомненные следы в пелясском говоре так называемого саканья, т.е. замены $\check{s}, \check{z} > s, z$ (zvaigždė, sacis); это явление уцелело лишь в одной части пелясского острова — в дер. Дубинцы (Dubiniai); 2) субституция $t' > k'$, $d' > g'$, спорадически выступающая по всем пеляским дерев-

ням, а в некоторых идиолектах почти регулярная; 3) произношение слова žuvīs (и однокоренных): žyvis (и žyvis), žuvācs' (Дубинцы, Пеляса, Клайши); в связи с этим следует рассматривать и другие случаи мены u:i: произношение rōdīna (Rodūnia), вокализм приставок: nyvāic', žyp'jāuc', sy-sūko' и др.

Предположение об участии западнобалтийского элемента в судьбе пелясского говора тем более допустимо, что оно подтверждается рядом исторических свидетельств о поселении в этих местах пруссов (вероятно, из Скаловии и Барты) — начиная от орденского документа конца XIV в. "Die littauischen Wegeberichte" и до поздних упоминаний (1765 г.). Проницательный анализ этих источников содержится в исследовании польского историка Е.Охманьского "Skolwa i Bortie.Zachodniobaltyjskie osadnictwo na Litwie średniowiecznej". — "Z polskich studiów slawistycznych. Seria 4. Historia. Warszawa 1972.

Тот факт, что вплоть до середины XVIII в. переселенцы из Скаловии и Барты в окрестностях Пелясы составляли самостоятельную административную единицу, выделяющуюся среди окружения по этническому и профессиональному (несение службы по строительству мостов) признаку, по-видимому, и имел своим продолжением наблюдаемую и сейчас стойкость литовского говора, с одной стороны, и те языковые реликты, о которых говорилось выше, с другой. "Пруссизмы" могут быть обнаружены не только в фонетике (напр., отправляясь уже от письменных источников, в пелясск. bārcis, barc'ékas, skalikas следует, скорее всего, усматривать след старых этнонимов, уцелевших в пейоративной функции).

Используя пелясскую языковую ситуацию в качестве исходной, можно на новых основаниях обратиться к вопросу о причастности западнобалтийского элемента к предьстории других литовских островов на территории Белоруссии. Исторические источники, еще недостаточно изученные (среди них и упоминания о ятвягах в литературе XIX в.), могли бы уточнить поиски языковых следов прусской эмиграции. Напр., представляют интерес в связи с этим некоторые белорусские говоры в Щучинском р-не Гродненской обл., в частности, дер. Борти, Претимо, Турейск (см. образцы текстов в начале сборника). Было бы полезно привлечь к изучению диалектные и топонимические мате-

риалы, относящиеся к пунктам с названиями типа Прусы-Прусиново, Дайнова-Дайновка, Ятвезь-Ятвеск (см. В.А.Жучкевич. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974, карта 6).

А.Е.СУПРУН

К ЭТИМОЛОГИИ БЕЛОРУССКИХ БАЛТИЗМОВ

1. Анализ состава балтизмов в белорусском языке показывает наличие двух значительных слоев балтизмов: более или менее распространенных балтизмов, проникших в белорусский язык в основном в период вхождения Белоруссии в состав Великого княжества Литовского, а также балтизмов узкого распространения, проникающих в белорусские говоры вплоть до нашего времени в основном на территориях, где происходит межъязыковое контактирование. Слабо представлен и недостаточно изучен слой более древних балтийских элементов.

2. Изучение балтизмов в белорусском языке перспективно при осуществлении комплексного подхода, включающего исторический, географический, фонетический анализ соответствующих лексем, а также анализ соответствующих реалий, распространения и этимологии в языке-источнике и в соседних языках и т.д.

3. Актуальной в настоящее время является не только проблема поиска "новых" (не описывавшихся ранее) балтизмов, но и тщательного всестороннего анализа уже известных балтизмов, выявления их "траекторий", а также их внутреннего, в частности, семантического преобразования. Представляется, что некоторые частные слои балтизмов, в частности, латышских элементов на северо-западе Белоруссии, изучены еще недостаточно. Кроме того, требуется очень основательное исследование балтизмов старых и широко распространенных.

В докладе приводятся иллюстрации, рассматривающие отдельные балтизмы в белорусском языке.

НЕКОТОРЫЕ БАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ИЗ ОБЛАСТИ АРХАИЧЕСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Современной изученности балтийско-славянских языковых отношений и параллелей ни в коей мере не соответствует разработанность вопроса о балтийско-славянских корреспонденциях в области духовной культуры. А между тем эти корреспонденции могли бы укрепить или корректировать некоторые концепции, выдвинутые на языковом материале, не говоря уже об их большом самостоятельном значении и важности для решения ряда кардинальных этногенетических проблем.

Приведем два примера несколько параллелей, выбранных из разных сфер духовной культуры.

1. У литовцев в XIX в. (посад Людвиново, г.Прены Сувалкск.губ.) было известно веселье молодежи с участием взрослых в избе у покойника (смех, попойка, вольное поведение) /рук. ИРГО: В.Витковский 1886, А.О.Городецкий 1890/. Такое веселье и игры при покойнике сохранились почти до наших дней на Карпатах у карпатороссов и восточных словаков. С этим ритуалом можно связать встречавшиеся рудиментарно на великорусском Севере (Вельск. у. Вологодск.губ.) святочные игры в церковной трапезной и при покойнике, которого иногда, вынув из гроба, ставили в угол вместо шеста с ущемленной в зубах лучиной (рук. ИРГО: Шайтанов сред. XIX в.). Для южнославянских, в частности македонских святок типична игра ряженных ("джамалджи"), в которых одного из ряженных ("деда") "убивают" палкой, а затем над ним — "покойником" производят разные довольно смелые манипуляции (Кличкова 1960).

2. Литовцам (из Тельшевск. у. и др.) известно поверие, по которому пожар от молнии можно гасить лишь кислым молоком (рук. ИРГО: А.Петкевич 1851-1859). Этому соответствуют аналогичные представления, широко зафиксированные в Полесье (где возможно и молоко вообще), и свидетельства с русского Севера (Шенкурск. у., Богатырев 1916). Это лишь одно из многочисленных литовско-славянских соответствий, связанных с культом грома и молнии.

3. В зап.Земайтии у литовцев в нескольких селениях по сей день сохранились атропоморфные и прялкообразные деревян-

ные надгробия ("Литовское народное искусство. Архитектура малых форм. кн. I, 1970), встречающиеся в подобном виде в юго-восточной и западной Болгарии, восточной Сербии, на восточных Карпатах (Коломийщина), на Украине (Проскуровщина, Волынь, часть южного Полесья) /Толстой 1973/, а также на пряхках на русском Севере (Мезень). Надгробья сходного типа зафиксированы у чувашей и венгров (Руденко 1910, Олас-Кос 1975).

Избранные примеры в какой-то мере случайны, тем не менее, первый из них свидетельствует об очень архаичном явлении, вероятно, имеющем индоевропейские корни и важном для реконструкции структуры балтийского и славянского погребального обряда. Второй пример свидетельствует о связи севернославянского этнического ареала с балтийским, т.к. южные славяне не знают такого способа тушения пожара от грома. Это не отклоняет, однако, возможности бытования отмеченного поверья вне балтославянского ареала. Третий пример, как видно из материала, свидетельствует о древних балтославяно-финноугорских контактах в области духовной культуры. Все это указывает на необходимость собирания нового полевого материала и составления списков (индексов) славяно-балтийских соответствий, которые могут послужить осью (основой) для выявления соответствий с иными этнокультурными зонами, а также для определения хронологии явлений, их иерархии, их ареальной и структурной соотнесенности.

В.Н. ТОПОРОВ

БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ БОЖЬЕЙ КОРОВКИ
(*Coccinella septempunctata*) В СВЯЗИ С
РЕКОНСТРУКЦИЕЙ ОДНОГО ИЗ ФРАГМЕНТОВ ОСНОВНОГО
МИФА

В другом месте в связи с реконструкцией прусск. апеллятива *karv- 'корова' (при klente Э 673, clynth Гр.4; ср. curwis 'бык', kurwan) было обращено внимание на удивительное сходство между полаб. daive korvo 'олень' (собств. - 'дикая корова'; ср. Pfeff. : Deiwa Korwō 'Un cerf, c'est à dire, une vache sauvage', а также Vocab. Vandal., Domeier, Baucœur, Hennig), предполагающим *divja/diva-

ja/ *korva, и лит. diėvo karvėte 'божья коровка'.
 Учитывая обычное для многих мифопоэтических и языковых традиций Старого и Нового Света обозначение дикого оленя как Божьего (в этом плане соотношение полаб. Korwō:Deiwa Korwō вполне идентично кетск. śel: Egdə śel, т.е. 'олень' /домашний/: 'Божий олень' /дикий/) и параллелизм типа олень: олёнка (жук *Cetonia durata*), можно высказать предположение, что, во-первых, подобно лит. diėvo karvėtė (karvėtė, karvėlė), в праслав. могли существовать сочетания типа *divьja & korv- + suff. dimin. (напр., *korv-ьka, korvica, korv-иьka и т.п.), обозначавшие именно божью коровку, но предполагающие более ранние обозначения диких животных как Божьих (кроме полаб. примеров или др.-русск. дивий, о диких, неприрученных животных/ср. также дивий медь, т.е. мед от диких пчел, при Божий медь, то же, т.е. дивий = Божий/ср. обычные обозначения диких животных типа лтш. dieva vėrši, dieva zuosis, dieva suns 'волк' и т.п., а также принцип называния насекомых, исходя из названий 'Божьего/дикого/ скота', как в лтш. dievvėrsiņš, dievziņdzis, dieva zirdziņš, dieva kumeliņš, dieva aita / ср. dievsunītis, dieva sunītis /, лит. diėvo karvėkė, diėvo jautėlis 'Gyrinus natator' и др.), и что, во-вторых, элемент divьja в этом сочетании должен был обозначать 'Божья' и, следовательно, соответствовать прусск. deiw-, вост.-балт. diev-, др.-инд. dev-, авест. daev- и т.д. (о том, что праслав. divь не только фонетически, но и семантически идеально отвечает продолжениям и.-евр. *deiū-, говорится в другой работе в связи с недавно высказанными сомнениями в корректности этого соответствия).
 Иначе говоря, слав. *božьja & *korv- + suff. dimin. (ср. русск. божья коровка, блр. бо́жая кароўка, польск. boża krówka, болг. божа кравица, кравичка и т.п.) представляет собой продолжение реконструированной формы с естественной заменой первого члена (*div- → *božь), как, видимо, и в других случаях, когда речь идет о мифологически и/или ритуально отмеченных животных (ср. божий олень, конь, божья птица, пчела; овца/ср. кстати, с.-хорв. бо́жја овчица как обозначение божьей коровки при чеш. bedručka, berunka, beruška, польск. biedronka, biedrunka, возможно, от названия барана, ср.

нем. Herrgottschäffchen или чеш. Panny Marie beruška и др./). Если внутренняя форма литовск. и слав. обозначений божьей коровки отсылает к мотиву коров Бога (ср. еще румынск. vaca domnului 'божья коровка' при наличии особой игры vacile-domnului), его овец или даже его птиц (ср. франц. poulette à Dieu при итал. palomilla и др.), ср. похищение коров (стада) Бога его противником в основном мифе, то другие названия божьей коровки (ср. укр. сонечко, чеш. sluníčko sedmitočné, в.-луж. bože slónčko, нем. Sonnenkäfer, Sonnenkalbchen и др.) или ее образы (ср. болг. загадку Една божа кравица всички свят напълнила. — Слънцето или клевско ... И пойдём в синь и гать, | Солнце — божья коровку | Аллилуйем встречать) существенно уточняют и семантическую мотивировку обозначения божьей коровки как солнышка (летающее насекомое выпуклой округлой формы, обычно красного или желтого цвета), и то место основного мифа, с которым связан образ солнца-божьей коровки (сам образ солнца-коровы достаточно распространен в разных традициях, ср. Хатер /изображение солнца, поддерживаемого ее рогами, весьма напоминает внешний вид божьей коровки/ или "утреннюю корову" /usriyā gauh/ богиню зари Ушас, или даже Геру, сохраняющую следы связи с солнцем и с обликом коровы). Конкретно речь идет о сюжете небесной свадьбы, хорошо засвидетельствованном именно в балтийском мифологическом фольклоре (ср. тип Reza № 27, 62, 78; BW 33845 и др. или болг. песню "Слънчева женитоа"), хотя известном и по разрозненным свидетельствам других традиций. При этом важно подчеркнуть два обстоятельства, существенно выделяющих балт. версию сюжета: 1) участие в нем Громовержца (лит. Perkūnas, лтш. Pērķōns) или Бога, Божьего сына (лтш. Dievs, Dieva dēls), соответственно чему иногда появляется не само Солнце (Saulē, Saule), а Солнцева дочь (или дочери, ср. лтш. Saules meita, лит. Saulės dukterys при вед. Duhitā Sūryasya); при этом орудием наказания изменнику, нарушавшему брачный союз, выступает обычно именно Громовержец; 2) нарушителем брака выступает мужской персонаж (лит. Mėnuo, лтш. Mēness, ср. руоск. Месяц), а не женский, как это засвидетельствовано большинством традиций (отчасти, между прочим, и балтийскими). Тем не менее, женский персонаж (Солнце, Солнцева дочь) и его "этимологическая" перекодировка сонечко, божья коровка,

bože słońčko и т.п., ассоциируемая с положительным началом (божья коровка связана с Богом, приносит детей, помогает размясть стадо, предупреждает об опасности, предсказывает человеку урожай, длительность жизни, покровительствует влюбленным), в известной степени сохраняет следы тех трансформаций, которые произошли в мифе с отрицательным женским персонажем, изменившим своему мужу Громовержцу. Ср. сам мотив (данный, правда, имплицитно) превращения супруги Громовержца Солнца в насекомое (божья коровка) при аналогичном мотиве в других традициях, где огрешившая жена превращается или дает начало вредоносным насекомым (комары, москиты, мухи и т.п.), ее "детям". В том же контексте следует рассматривать и опаленность божьей коровки, едва спасшейся от небесного огня (ср. Божья коровка, | улети на небо, | принеси нам хлеба, | черного и белого, | только не горючего...) при обычном мотиве поражения огнем-молнией жены Громовержца. Еще очевиднее эта тема наказания выступает в ряде фольклорных текстов (в частности, детских), построенных по следующему принципу: Божья коровка, лети домой, твой дом в огне, твои дети горят (ср. характерную параллель в связи с темой божьей коровки и солнца дома - в.-луж. słońčko w boží domček dže, о заходящем солнце, при названии божьей коровки bože słońčko). Мотив горящих детей как наказания за совершенный грех ("несвои" дети) хорошо известен в ряде версий основного мифа (напр., на Балканах, где обнаруживаются и другие существенные параллели в этом же сюжете; ср. "посудную" тему в румынских рассказах о пламени, сжигающем детей /в связи с Св.Пятницей/ при лит.: Petrėli, bėk, bėk, tavo vaikai rėk, rėk, ỹaukėtai, bliũdai nemazgoti, po suolelio pakavoti!; известен ряд румынских сказочных сюжетов с участием божьей коровки, ср. Schullerus. № 68 и др.) и связывается как раз с дальнейшими трансформациями жены Громовержца (ср. румынск. Sf. Vineri'Св.Пятница' и др.). На этом этапе неизбежно заключение, согласно которому божья коровка - не что иное, как "превращенная" жена Громовержца, несущая на себе следы наказания огнем. Такой вывод подтверждается и другими фактами, в частности, женскими обозначениями божьей коровки типа лит. marėte (при Māra, в образе которой совмещаются черты жены Громовержца и Божьей матери деви Марии), лит. marỹtė (diėvo

marytė), katrytė и т.п. (при сходных именах у змей, в которых обращена жена Бога грома, в заговорах), ср. также лит. *petronėlė, petrėlė, -is, borūžė, barbūtė* и др. В качестве параллелей ср. нем. *Marienkäfer*, англ. *lady-bird, lady-bug*, итал. *bestia della Vergine*, алб. *pul'e Shën Mëris* и др. Естественно, что здесь же возникает и тема детей наказанной жены, развивающаяся в двух планах: 1) дети Солнца — дни недели, седьмой из которых отмечен — воскресенье — как день Солнца (ср. англ. *Sunday* и т.п. при обозначении в ряде традиций четверга и пятницы как дней Громовержца и его жены соответственно), в соответствии с мотивом, согласно которому лишь последний из семи детей спасся, воскрес, включившись в цепь смертей и рождений (ср. обозначение дней недели по счету по принципу: первый, второй, ... седьмой, как и аналогичное обозначение пальцев, также соотносимых с образами детей Громовержца; между прочим, пальцы, как и дни недели, могут носить особые имена, ср. лит. *garā Mārītė* и т.п.; вместе с тем и коровы нередко обозначаются по дням недели, о чем писала Д. Земзаре); 2) дети божьей коровки наказаны огнем, их семь по числу пятнышек на спинке божьей коровки (ср. названия типа нем. *Siebenpunkt*, лит. *borūžė septyntaškė* и т.п.), ср. строгий запрет убивать божьих коровок. Оба эти плана, естественно, соотносятся с тем, что известно о детях Громовержца по "отцовским" версиям. Ср.: *Perkūnų yra septyni. Jie pasiskirsto darbus: vienas pirmadienį, kitas antradienį, trečias trečiadienį...* ИЛИ *Perkūnai yra septyni. Pirmas Perkūnas yra nesmarkus... o septintąs Perkūnas yra labai smarkus, vyriausias ir smarkiausias* (J. Balys 1937 № 394-395). Есть основания полагать, что именно седьмой сын отмечен: самый младший, иногда с чертами уродства, он один проходит испытание огнем и водой (ср. традиционный вопрос к божьей коровке — *Petronėle, petronėle, kumet būs lytaus ?* ИЛИ *Maryt katryt, kada bus pagada ?* и т.п.) и оказывается "своим" сыном для Громовержца; именно с ним и связывается идея вечного возвращения, воскресения, богатства, прямой линии преемственности с Солнцем (ср. Мартауду / букв. — 'из мертвого яйца рожденного /, седьмого из Адитьев, ставшего солнцем). Возвращаясь к балт. традиции, стоит подчеркнуть, что в "этномонологическом" коде дан и отрицательный персонаж, соотне-

сенный по структуре с diēvo karvūtē или diēvo marūtē, а именно - стрекоза, ср. лит. laūmžirgis, laumės žirgas 'конь Лауме' (Лауме - один из вариантов жёны Громовержца), vėlnio žirgas 'конь чорта', raganžirgis (но и diēvo žirgėlis и т.п., см. Liet.kalb. atl. 1, 53, карта № 85) с характерным противопоставлением женск., положит., божеств. - мужск., отрицат., дьявольск. или - в терминах основного мифа - связанный с Громовержцем (ст. также др.-инд. indragopa = 'божья коровка', собств. - 'именная Индру /Громовержца/ пастухом', а также тему божьего скота в devasya gauh, deva-gava и т.п., ср. лит. dieva gavy): связанный с его противником.

Одним словом, балт. и слав. названия божьей коровки и связанные с ней фольклорно-мифологические тексты позволяют восстановить важный фрагмент основного мифа по его отражениям, построенным на использовании "этимологического" кода.

О.Н. ТРУБАЧЕВ

ИЗ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ

Важность лексического, этимологического аспекта в исследовании балто-славянских языковых отношений стала в последние годы особенно очевидной. Попытки обобщений, ограниченные старыми собраниями фактов, напр. словарем Траутмана, сейчас явно недостаточны.

Пересмотр балто-славянской проблемы со стороны словаря должен проводиться одновременно с критическим пересмотром традиционных концепций, напр. привычного положения об отсутствии прямых балто-иранских контактов, основанного на схематичных представлениях о непроницаемом славянском (или финно-угорском) поясе между балтами и иранцами.

Кроме общеметодологических возражений против подобных воззрений, предлагается конкретный пример этимологии ранее не этимологизировавшегося удовлетворительно лит. kūdra 'лука, болото, пруд, яма с водой' из сложения индо-иранского типа префиксально-местоименного k(u) и продолжения и.-е. *ūdr 'вода'. Модель эта неизвестна в балтийских и недостаточно развита в славянских языках, но широко представлена в индо-иранских, почему допустимо предполагать здесь влияние со стороны арийского Ира.

Следует считаться с наличием в балто-славянском фонде лексических соответствий некоторого количества фиктивных пар. Одна из них: русск. крутой (напр. берег) - лит. kraĩtas ('крутой) берег'. Это популярное сравнение несостоятельно, как показывает проверка как со славянской, так и с балтийской стороны. Значение 'крутой, обрывистый' - только русское и вторичное; первично значение 'извилистый', в том числе о берегах реки, ср. польск. Zakręt - об изгибе Вилии (Нерис) в Вильнюсе (= лит. Vingis). Слав. *krotъ - прилагательное, связанное с глаголами *krotiti, *kretati. В балтийском родственного глагола нет. Лит. kraĩtas 'берег' целесообразно объяснять как производное от лит. krentũ, krintũ (-вторично), kristi 'падать', ср. типологическую вероятность такого названия берега.

Еще одной привычной фикцией следует считать этимологию русск. янтарь из лит. giñtaras. Балтийское слово не этимологизируется из балтийского, а балты - вторичные пришельцы в янтарной Прибалтике. Русское слово, разумеется, не заимствовано и из венг. gyantár, и попытка Ларина предположить первоисточник его в языке угуров, якобы обшавшихся с Прибалтикой через Север, противоречит фактам науки. Для этимологии наиболее интересен старинный литовский вариант jentaras, форма gintaras объясняется из него, а не наоборот, известны случаи перехода j > g (под нижненемецким влиянием или в ходе спонтанного развития), но не g > j.

Лит. jentaras скорее всего заимствовано (в Верхнем Поднепровье?) из русск. янтарь, др.-русс. ентарь (известно с XVI в., но слово, бесспорно, более раннее), которое, возможно, через посредство чув. janDar 'стекло', janDal 'дорогие бусы', 'янтарь' восходит к арийской форме, близкой др.-инд. yántar- 'сдерживающий' (название отражает магнетизм янтара). Эту этимологию должно поддерживать объяснение синонимичного названия (бел-горюч камень) алатырь (Голубиная книга), латаP (XVII в.). Взаимозаменяемость форм алатырь и илитор (собств. илектрон, греч. ἤλεκτρον) и вместе с тем самобытность формы алатырь позволяет реконструировать для последней праформу *alak-tar-, родственную греч. ἤλεκτρον 'сияющий (о Солнце)', но уже с четкими признаками арийского субстрата (e, < > a). Как и *ian-tar (праформа слова ян-

тарь), *alak-tar представляется производным с агентивным суф. -tar. Моменты контекста русск. духовного стиха позволяют локализовать камень Латырь у впадения Днепра и Ю.Буга, ср. там же φρούριον Ἀλέκτορος (Джон Хриост.), Alecturum (Rav. An.). Великий днепровский путь и известность янтаря с древности в Скифии, а также до нового времени по Днепру и Ю.Бугу довершает картину.

С.Я. ЦИМЕРМАНИС

ОБ ОБЩИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ОРУДИЯХ РЫБОЛОВСТВА У БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

1. Вопросы общности в материальных культурах балтийских и славянских народов, в частности общности в приемах и орудиях рыбной ловли, изучаются как часть широкой проблемы о культурных взаимосвязях балтов и славян и как часть еще более сложной и широкой проблемы этнической истории балтийских народов.

2. Приемы и орудия рыбной ловли, а также их детали домашнего производства в Латвии до наших дней сохранили много древних элементов (острога, крочки, поплавки и др.), которые археологическими данными подтверждаются еще в условиях первобытно-общинного строя и раннего феодализма. Письменные данные периода феодализма фиксируют ряд таких названий приемов и орудий рыболовства, которые в народе употребляются еще в современных условиях. Описания и зарисовки приемов лова (невода, запруды, бредни, верши и др.) в XVI - нач. XIX вв. показывают, что тогда существовали многие такие же приемы, какие применялись и в первых десятилетиях XX в. Составление данных различных исторических периодов дает возможность выявить как древние этнические традиции, так и заимствования у других народов и разные наслоения различного порядка (результаты проведения в жизнь мероприятий регламентации и т.п.).

3. При выяснении общих элементов в области рыболовства у балтов и славян учтены следующие факторы: а) сходные географические условия на территориях, заселенных балтийскими и славянскими народами, в результате чего ловля происходила в сходных условиях и орудия изготовлялись из сходного мате-

риала, б) попытки изготовителей снастей найти наиболее рациональное конструктивное решение рыболовецких орудий, в) необходимость тщательного сопоставления сравнительно новых записей этнографических экспедиций с более древними данными исторических документов, мемуаров, лингвистических и др. источников, г) древние систематические хозяйственные и культурные контакты балтийских и славянских народов, д) смешанный (балто-славянский) этнический состав ряда местностей восточной Прибалтики, з) определяющая роль русских, белорусских и польских рыбаков в промысловом озерном рыболовстве в восточных частях Латвии и Литвы, ж) определяющая роль латышских и литовских рыбаков в речном лове.

4. В восточной части Латвии у латышей преобладают рыболовецкие термины славянского происхождения (невод, матня, ворот, черпак, тройник, подволочка, сетка, тына и др.). Одновременно употребляются названия балтийского происхождения (griudins, kakaža, laidene и др.), этимологически связанные с указанием на характерное действие орудия. Подобные явления наблюдаются в восточных частях Литвы и Эстонии.

5. Выявляются два направления общности рыболовецких терминов: 1) из северо-восточной Латвии в направлении восточной Эстонии, северной и средней частей Псковской обл. РСФСР, 2) из юго-восточной Латвии в направлении южной части Псковской обл. РСФСР и северной части Белорусской ССР.

6. Общие элементы в орудиях рыболовства балтийских и славянских народов позволяют в отдельных случаях установить направления передвижений отдельных этнических групп населения, например, русских старообрядцев из Валдайской возвышенности в восточную Латвию.

7. Орудия рыбной ловли и их терминология в известных случаях дают возможность определить древнюю этническую территорию балтийцев и славян соотносительно с территорией финно-угров и германцев, дают возможность выявить направления, интенсивность и территориальные границы культурных взаимовлияний балтийских и славянских народов.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАСПАД БАЛТОСЛАВЯНСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ ПО ДАННЫМ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКИ

1. С типологической точки зрения переход *э после *i, *u, *г, *к в индоиранском и балтославянском представляет собой уникальное явление. Такое невыразительно мотивированное позиционное изменение не может развиться вследствие контактов. Языки, в которых оно произошло, образуют ареал с ярко выраженной структурой по степени его интенсивности: центр этого перехода находится в иранском, а слабее всего он выражен в балтийском. Все это позволяет отнести это изменение к числу диалектных явлений позднего праиндоевропейского языка. К той же эпохе принадлежит, видимо, и переход *ě, *ō > (*ě), *ā, особенности географии которого напоминают структуру указанного ареала.

2. Позиционное смягчение согласных перед гласными переднего ряда и образование носовых гласных в позиции VNC — инновационные явления, общие для всего балтославянского языкового ареала. Первое из них развилось независимо в балтийских диалектах и диалектах позднего праславянского, характер второго в этом отношении пока неясен.

3. Особенности праславянской фонетики сформировались в результате ряда новообразований. Дифтонгизация *ū > *ui и мягкостная эпентеза после губных связывает праславянский с северобалканским языковым ареалом, образование еров имеет четкую параллель в среднеиранских языках. Характерно, что весь набор неспецифических фонетических изменений праславянского также аналогичен среднеиранскому. Праславянская тенденция к открытому слогу является новообразованием, характерным для ряда индоевропейских языков второго поколения (пракритов, позднелатинского, некоторых среднеиранских). Все эти инновации отдалили праславянский от состояния, чрезвычайно близкого к реконструируемому прабалтийскому.

4. Известные гипотезы о характере древнейших балтославянских отношений представляют собой прежде всего попытки объяснить причины разительной близости праславянского к балтийским языкам. Однако "акт сотворения" праславянского, его от-

рыв и удаление от балтийских при неразрушенной территориальной смежности этих языков представляется явлением не менее удивительным, чем их близость. При этом следует учесть, что наличие многочисленных фонетических инноваций само по себе свидетельствует о языковых контактах в прошлом и что тенденция к открытому слогу развивается обычно в языках, подвергшихся интенсивному иноязычному влиянию.

5. Фонетические параллели не могут служить надежным материалом для установления генетической принадлежности контактировавшего языка, но данные исторической фонетики важны для определения вида и степени интенсивности контактов, когда факт контактирования установлен по данным лексики. Особое значение в таких случаях приобретают типологические редкие явления, а также явления, необычные для того ареала, в котором находится язык, подвергшийся иноязычному влиянию.

6. Существование эпохи славяно-скифских контактов надежно засвидетельствовано иранскими лексическими заимствованиями в праславянском. Известны также общие славяно-иранские инновации в грамматике (засвидетельствованные осетинским). В этой ситуации указанные выше праславянско-среднеиранские фонетические схождения вряд ли правильно считать независимыми и параллельными. Предполагаем, что большинство праславянских фонетических инноваций развилось вследствие контактов периферийных диалектов прабалтославянского языкового ареала (балтийской или балтославянской языковой общности) с иранскими языками скифской ветви.

Р. ЭККЕРТ

ИЗ ДАТЬИНСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ

1. Неоднократно в исследованиях о балто-славянских языковых связях высказывались прямо противоположные взгляды по поводу ценности лексического материала для решения этой проблемы¹. Мы считаем, что для выяснения балто-славянского вопроса должны быть привлечены факты всех уровней этих языковых групп, в том числе и лексико-семантические. При использовании лексических данных, однако, сравнение разрозненных случайных фактов не целесообразно, необходимо учесть системные связи.

II. В качестве предмета такого изучения мы выбрали имена существительные с основой на -i. Среди них имеется небольшая группа сепаратных латышско-славянских соответствий. Несмотря на то, что литовский язык обосновано признается более архаичным, чем латышский, мы остановимся на последнем, ибо в нем в некоторых случаях сохраняются довольно древние явления², имеющие значение при решении отдельных проблем балто-славянских отношений в глубоком прошлом.

III. В другой работе³ мы указали на целую группу случаев сохранения старых имен на -i в латышском, восходящих к древним индо-европейским гетероклитическим основам на -r-// -n- (лти. aknis 'печень', asins, -s 'кровь', лти. диал. sapins, -s 'сон') или к корневым именам (лти. sāls, -s 'соль', guovs, -s 'корова', лти. диал. zems, -s 'земля'). Кроме того, в латышском языке засвидетельствовано небольшое число i- основ, обладающих точными соответствиями в других индоевропейских языках, причем, они не имеют соответствия в литовском языке. Ср. лти. диал. uoss, -s 'ручка (у сосуда), ушко, петля' : др.-исл. œs из *ansi 'петля (у ботинка)', ср.-ирл. esi 'узды', лти. диал. papards, -s 'папоротник' : прасл. *papordь, *paporьtь (словацк. paprad', русск. диал. папороть и ирл. raith из *prati 'папоротник'), лти. jūtis 'сустав (костей)' и др.-инд. yūti-h 'соединение'.

IV. В данном докладе рассматриваются сепаратные латышско-славянские соответствия в области именных основ на -i. Среди них выделяются по крайней мере две подгруппы:

A) Соответствия, основанные, по-видимому, на древнем генетическом родстве:

1. Лти. dibens, -s, лти. диал. dibins, -s, dubens, -s 'дво, глубина' и лти. bezdibens 'бездна': прасл. диал. *bezdīnь, -i ж. р., ср. схрв. бѣздань, бѣзда м. и ж. р., польск. bezden, -dni ж. р. 'бездна', белорусск. бездань, -и ж. р. 'бездна, пучина', словен. bézen, -zni ж. р. 'стык', русск.-цсл. БЕЗДЬНЬ, БЕЗДЬНЬ 'бездна'.

2. Лти. plecis, а также plecs, мн. ч. pleci 'передняя часть туши, плечо': ст.-сл. ПЛЕЩИ, др.-русск. ПЛЕЧИ, болг. ПЛЕЩИ, схрв. ПЛЕЧИ (все из древних форм двойств. ч.), чеш. plác ж. р.

3. Лти. диал. sapns, -s ; sapins, -s ; sapns, -s ; sapinis

мн.ч. 'сон' : н.-луж. soń ; род.п. sni 'сон', ср. ze sni 'aus dem Schlafe, Traume'; we sni 'im Schlafe, Traume' (Muka, II, 482); белорусск. бессань ж.р. 'бессоница' (ESSJ, II, 47).

4. Лтш. старое ūdens, -s м.р. 'вода' и многочисленные сложения с i-основой -udens в качестве второго компонента типа raidens, -s 'место под водой': прасл. диал. *rovodnъ, -i (русск.-пол. ПОВОНЬ 'наводнение', др.-русск. ПОВОНЬ 'поток, река', укр. повінь 'наводнение реки'), ср. еще русск. диал. завонь, -я 'наводнение реки, разлив, неглубокая бухта реки без течения'.

5. Ст.-лтш. uosts, -s 'устье реки': др.-русск. УСТЬ 'устье реки', ср. УСТЬ-ИГЪ, Усть-Нарова, Усть-Двинск, а также вторую часть сложения в прасл. *celj-ustъ.

6. Лтш. диал. zems, -s 'земля': прасл. диал. zembъ, -i ⁴.

7. Лтш. диал. apsis, -s 'осина': распространенная i-основа в прасл. *opsina (русск. осина), *opsi-ka (укр. осика, чеш. слвцк. osika).

8. Ст.-лтш. autis им.п. мн.ч. 'пеленки': русск. диал. обуть 'обувь; недоуздок', необуть 'босой, необутый' ⁵.

В некоторых случаях на древность латышских i-основ указывает их связь с гетероклитическими основами (случай 1, 3, 4) или с корневыми именами (6).

Б) Как древнее заимствование латышского языка из славянских языков мы определили лтш. gurste, лтш. диал. gursts, -s 'горсть льна' ⁶.

У. Хотя исследованию подвергался сравнительно небольшой фрагмент лексики, охарактеризованный определенными формальными признаками (имена с основой на -i в балтийских и славянских языках), все же удалось обнаружить в этой частной подсистеме некоторые явления, свидетельствующие о древних сепаратных связях между отдельным балтийским идиомом и славянским языковым миром.

Примечания:

¹ Ср., например, следующие обзоры: Топоров В.Н. Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. АН СССР. Ученые записки Института славяноведения, т. XXIII. М.,

1962, с.3-43; R. Eckert. Die balto-slawischen Wortentsprechungen. "Zeitschrift für Slawistik", Bd. XXII, H. 5, Berlin, 1977, S. 579-590.

² См. Мажлис В. Социолінгвістическіе заметкі к архаічному характэру языка (Балтійскіе языкі). "Baltistica" (2), Вільнюс, 1977, с. 119. — Ср. особенно примечание 4.

³ R. Eckert. Baltistische Studien, Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philolog.-hist. Klasse, Bd. 115, H. 5, Berlin, 1971, S. 14-15.

⁴ Эккерт Р. Праславянскіе діалектызмы среди іменных основ на -i. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 492-495.

⁵ R. Eckert. Altlett. autis 'Windeln' und russ. dial. обуть 'Schuwerk'. "Baltistica" YI(2). Vilnius, 1970, S. 179-184.

⁶ R. Eckert. Zum Problem der baltisch-slawischen Sprachbeziehungen am Material der Nominalstämme auf -i. "Zeitschrift für Slawistik", Bd. XVII, H. 5. Berlin, 1972, S. 611-613.

Ю. И. СМЕРНОВ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЭПОСА

Располагая обширным списком сюжетных сходжений по эпическим традициям южных, восточных и западных славян, мы предприняли посильный опыт разыскания литовских параллелей, как песенных, так и прозаических, по доступному кругу источников. Неожиданно обнаружилось, что набор литовских параллелей более внушительен, нежели, напр., удельный вес западнославянских сходжений в общеславянском перечне. Характер литовских параллелей по эволюционным признакам часто не может быть объяснен как заимствование, хотя многовековые взаимные балто-славянские контакты очевидны.

Определяя набор сходжений, мы тем самым заново ставим проблему балто-славянского фольклорного единства как реальную.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительные замечания /Категории времени и пространства и балтийское языкознание / (В.Т.).....	3
А.Ю.Видугирис, Ф.Д.Климчук. Некоторые вопросы этно-языковых процессов на балто-восточнославянском пограничье.....	10
Диалектные тексты. Литовские, латышские, белорусские, польские говоры. Транскрипции А.Йонайтиса, А.Видугириса, А.Брейдяка, Т.М.Судник, В.Л.Веренича.....	36
Р.А.Агеева. Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории.....	66
А.Я.Блинкена. Латышско-русские языковые контакты на современном этапе.....	68
А.Б.Брейдяк. К древнейшим латгало-селоно-славянским языковым связям.....	69
О.Буш. Славянские языки – посредники на пути германских лексических заимствований в латышский язык.....	70
А.П.Ванагас. Литовские гидронимы славянского происхождения.....	72
А.Видугирис, Ф.Д.Климчук. Белорусские говоры в Литовской ССР.....	73
А.Гирдянис. Влияние твердых и мягких согласных на развитие вокализма в балтийских диалектах.....	75
Е.Й.Гринавецкене, Ю.Ф.Мацкевич. К проблеме распознавания белорусской лексики иноязычного происхождения.....	77
В.Ф.Дамбе. Славянские следы в латвийской (микро)топонимии.....	78
В.А.Дыбо. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском.....	79
Т.Зданцевич. Географическое расположение балтийских и славянских названий мшистых болот, основанных на корнях <i>musch</i> (эквивалент балтийского <i>mus</i>) и <i>saman- (*sam-)</i> на Сувалдыне (северо-восточная Польша).....	80
Э.Эицкявичюс. История литовской христианской терминологии восточнославянского происхождения.....	83

Вяч.Вс.И в а н о в, И.-е. * <u>sont</u> -в балтийском и предстория Modus Relativus	83
Е.М.К а т о н о в а. Данные гидронимии о балто-славянских контактах на севере Белоруссии.....	85
Б.К е р б е л и т е. Отражение балто-славянских контактов в сказках.....	87
Э.Я.К о к а р е. Некоторые выводы о балто-славянских пара- ллелях в латышских пословицах.....	88
С.Ф.К о л ь б у ш е в с к и й. География параллельных фо- нетических явлений в говорах польского и латышского языков.....	90
М.К о н д р а т ю к. Литовские элементы в микропонимии польско-белорусской пограничной полосы.....	91
В.Д.К о р о л ю к "Венеды", вопрос о балто-славянской об- щности и балто-славянские этнические контакты в эпоху средневековья.....	93
Ю.Л а у ч ю т е. Балтский субстрат в лексике славянских языков.....	96
М.И.Л е к о м ц е в а. К реконструкции фонологических си- стем языков голяди и днепровско-двинских балтов.....	97
М.И.Л е к о м ц е в а. К интерпретации некоторых типологи- ческих характеристик фонологических систем балтийских языков.....	99
В.М а ж ю л и с. К вопросу о древнейших западнобалтийско- славянских языковых связях.....	100
В.В.М а р т ы н о в. Балто-славянские лексико-словообра- зовательные отношения и глоттогенез славян.....	100
А.Г.М и т р о ф а н о в. Древности восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIIв. до н.э. - VIII в. н.э.)	102
Л.Г.Н е в с к а я. Дорога в погребальном обряде (литов- ские и русские параллельные тексты).....	104
С.И.Н е д е л я е в а-С т е п о н а в и ч е н е. К вопро- су литовско-русского языкового контактирования.....	108
А.П.Н е п о к у п н ы й. <u>Судовляне</u> (Sudowlany) как ста- робелорусское название ятвягов.....	109
Э.П.Н и й т, М.Н.Р е м м е л ь. Структура балтийского просодического ареала.....	110
Е.О х м а н ь с к и й. Участие западных балтов в разви- тии средневековой Литвы.....	112

Б.П.Р е й д з а н е. Балто-славянские языковые контакты на юго-востоке Латвийской ССР (на материале названий растений).....	114
А.С.Р е к е н а. Проникновение и распространение славизмов в ремесленной лексике южнолатгальских говоров латышского языка.....	116
В.П.Р и м ш а. Некоторые белорусские антропонимы балтийского происхождения.....	118
В.В.С е д о в. Славяне и балты в древности (по данным археологии).....	119
Ю.И.С м и р н о в. Балто-славянские отношения в области эпоса.....	148
Л.М.С о л о в е й. Белорусско-литовские взаимосвязи в жанре народной баллады.....	121
Е.А.С о л о в ь е в а. Образцы глоссолалии в балтийских и славянских заговорах.....	122
Т.М.С у д н и к. К изучению следов древних пруссов на территории Белоруссии.....	131
Т.М.С у д н и к, Т.В.Ц и в ь я н. К реконструкции сюжета основного мифа в балто-балканской перспективе (фрагмент "Жена и дети Громовержца").....	124
А.Е.С у п р у н. К этимологии белорусских балтизмов.....	133
Н.И. и С.М.Т о л с т ы е. Некоторые балтийско-славянские параллели из области архаической духовной культуры.....	134
В.Н.Т о п о р о в. Балтийские и славянские названия божьей коровки (<i>Coccinella septempunctata</i>) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа.....	135
О.Н.Т р у б а ч е в. Из балто-славянских этимологий.....	140
С.Я.Ц и м е р м а н и с. Об общих элементах в орудиях рыболовства у балтийских и славянских народов.....	142
В.Н.Ч е к м а н. Формирование и распад балто-славянской языковой общности по данным исторической фонетики.....	144
Р.Э к к е р т. Из латышско-славянских языковых связей.....	145

Подписано к печати 24/XI-1978 г. А-15085
Объем 9,5 п. л. Тир. 250 экз. Зак. 362.

Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/3

